

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 10 (49)

октябрь, 2020

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен осенний, октябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ».

Номер знаковый, классический, а потому особенно интересен, с моей точки зрения. Произведения, в него вошедшие, посвящены Пушкину, Шолохову, Есенину (юбилей 3 октября), Чехову... Редакция посчитала, что самое время обратиться к столпам русской литературы, и благодарит Александра Шолохова за поддержку и обращение к читателям.

Следует всегда помнить и осознавать, что хранилищем духовно-нравственных ценностей является русская литература, воплощая собой средство познания мира, она помогает нам понять, «что такое хорошо и что такое плохо», указывает на истоки общечеловеческих пороков и бед, помогая нам увидеть внутреннюю красоту человека, научиться понимать и ценить её.

Русская литература – это мощное средство воспитания духа, личности. Посредством раскрытия художественных образов литература даёт нам понятия о добре и зле, правде и кривде, истине и лжи. Никакие рассуждения, самые красноречивые, никакие доводы, самые убедительные, не могут оказать на ум человека такого воздействия, как правдиво нарисованный образ. И в этом проявляется сила и значимость русского языка.

Сохранение традиционной русской литературы в наше непростое время является важнейшей задачей, стоящей перед каждым здравомыслящим человеком, потому что она помогает избавить мир от скверны, жестокости, ничтожности.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Рад приветствовать Вас со страниц литературного журнала «Александръ».

Текущий 2020 год прежде всего знаменателен юбилеем Великой Победы. Примите мои поздравления со святым для нас днём! Этот праздник является нашим достоянием, это символ мужества, доблести, чести и отваги. Благодаря нашим героям сегодня мы имеем мирное небо над головой и не забудем никогда об этом долге.

Их подвиг запечатлён в наших сердцах благодаря семейным реликвиям, рассказам наших родителей и ветеранов и, конечно, благодаря нашей великой русской литературе. «Горячий снег», «Сын полка», «А зори здесь тихие...», «Они сражались за родину» давно стали не просто названиями лучших литературных произведений о Великой Отечественной войне, но и самыми честными и искренними свидетельствами тех событий, написанными людьми, которые сами через них прошли, которые вместе с остальными героями стали самыми значимыми символами того времени.

Сегодня, к сожалению, делается очень много для того, чтобы пересмотреть итоги Второй мировой войны, приуменьшить роль нашего народа в Победе над фашизмом и даже прямо исказить ход исторических событий. В этих условиях произведения писателей-фронтовиков и сами они становятся объектами нападок, шельмования и замалчивания. Сегодня они – снова в строю, препятствующем продвижению идей о мировом господстве. Поэтому сохранение нашей великой русской литературы в это непростое время становится важнейшей задачей, стоящей перед каждым здравомыслящим человеком, достижение которой возможно только через Чтение и Знание.

Александр ШОЛОХОВ,
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания РФ

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почетный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 10 (49), октябрь 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 10.10.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, «Союз писателей России».

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Валентин Осипов.
Откровения в Вёшках

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

- 11** Сергей Дмитриев.
О пользе путешествий по следам поэтов
- 13** Цикл стихотворений «Дорогами Сергея Есенина»

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

Поэтический венок Есенину

- 16** Глеб Горбовский
Николай Дмитриев
- 17** Юрий Паркаев
Михаил Дудин
Татьяна Смертина
- 18** Людмила Банцорова
Виктор Карпушин
Вячеслав Богданов
- 19** Виктор Боков
Анатолий Гребнев
- 20** Валерий Сухов
Евгений Юшин
Сергей Белов
Владимир Фирсов

ПУШКИНИАНА

- 23** В. Останина.
Путешествие к Пушкину

ЮБИЛЕЙ

- 27** Алла Новикова-Строганова.
«В Божьем мире правда есть и будет...»

КРЫМСКИЕ ТЕТРАДИ

- 32** Елена Осминкина.
Твоя любовь как тихий храм...

ПИСАТЕЛИ И ВРЕМЯ

- 35** Николай Переяслов.
Северянин и Шенгели

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 43** Татьяна Никитина.
Икона Божией Матери
«Спорительница хлебов»

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 48** Николай Ступин.
Услышьте шёпот душ
- 50** Любовь Рыжкова.
И неба разговор...

НАРОДНОЕ

- 54** Василий Киляков.
Душа-частушка

ПРОЗА

- 64** Александр Евсюков.
Караим

ПЕРВОМАЙСКАЯ ЛИРА

- 70** Александр Березовский
- 71** Анастасия Отрубянникова
Антонина Свиридова
- 72** Юрий Самохвалов
- 73** Роза Свиридова

ИСКУССТВО

- 74** Сергей Левандовский.
Произведения Александра Герасимова в Русском музее

СУДЬБЫ

- 81** Николай Иванов.
Однажды или никогда

ДЕТЯМ

- 89** Владислав Бахревский.
Бочка

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 93** В память о первых защитниках
Русского государства

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Сад русской литературы

Валентин ОСИПОВ

ОТКРОВЕНИЯ В ВЁШКАХ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИЗДАТЕЛЯ

3 и 4 июля 1983 года. Чтобы узнать судьбу двух ещё месяц тому назад заказанных Шолохову статей, звоню в Вёшенскую и спрашиваю на проезд.

Уже при первом погляде на Шолохова уловило, как ему непомерно тяжело от мучительной болезни – рак (!). Тело стало немощным, истерзанным. Преклонный возраст – 79-й год пошёл с мая – тоже, понятное дело, сказывается. Но могучий ум не сдавался.

Два дня мы провели в Вёшках с тогдашним редактором «Роман-газеты» Валерием Ганичевым. Не забуду, что, когда вошли, так сразу – и не мимоходом – спросил нас: «Ну, что нового в Москве?» Он, оказывается, начал догадываться, что быть в столице политическим переменам. Я давно улавливал, что и он уставал терпеть засилье тщеславных державных стар-

цев в Кремле. Колко, с сарказмом отзывался, как далее прочитаем, даже о Брежневе.

Чаепитие с тортом от Марии Петровны и с рюмочкой коньяка от хозяина не помешало приступить к тому, ради чего он и пригласил.

Вручил мне две свои статьи – исполнил заказ и моего издательства, и моего болгарского коллеги из издательства «Народная культура».

«Читателям библиотеки „Родные нивы“» – это его вступительная статья к готовящемуся шеститомнику лучших повестей, рассказов и поэзии дореволюционных и советских творцов о крестьянстве. Последняя строка всё не уходит из памяти: «Поклон вам низкий, люди земли, люди сельского труда!» Выходит, вслух попрощался.

«Обращение к болгарским читателям» – статья для своего же собрания сочинений на

болгарском. И здесь напутствие, что стало, как убеждён, истинно духовным завещанием.

Он писал его так, что я почувствовал: это Слово прежде всего адресовано своим согражданам. Начал так: «Есть ещё охотники разрушить связь времён, забыть о светлых традициях в жизни народа...»

Продолжил: «Давайте порассуждаем вместе – прошлое, настоящее и будущее совсем не взаимоисключающие друг друга или обособленные измерения жизни человека и человечества. Только их тесная взаимосвязь ради служения Родине, ради осуществления истинных народных чаяний, то есть и ради будущего, делает талантливое литературное произведение актуальным независимо от того, когда оно создано – пятьдесят, сто или, скажем, двести и более лет назад...»

Был щедр на общение. Когда заполучили статьи, то подумали с Ганичевым: пора и честь знать. Но не отпустил. Больше того, сказал, чтобы и назавтра не уезжали: командировка стала гостеванием.

Не знаю, уместно ли в рассказе о беседах с Шолоховым выражение «разговор о будничном». Но и такой в те дни то и дело возникал непринуждённо. О всяком, если припоминать «тиходонские» выражения, гуторили. Например, помянули одного писателя, который напечатал книгу с обозначением «роман-эссе». В ответ услышали: «Ну-ну» – такую с ехидными зазубринами стрелку он метнул в нелепое поименование жанра. Или: будет – не будет урожай. О мосте через Дон у станицы, который построили благодаря хлопотам депутата Шолохова, давно напрашивалось сменить неудобные разводные понтоны.

О недавней рыбалке: он стеснялся рассказывать о ней. Это, как я понял, потому, что из-за болезни его возили всего-то на пруд: «Ну какая там рыбалка, на пруду. Так себе... мелочь... я её обратно...» Об охоте: и он, и Мария Петровна говорили о ней азартно, увлечённо. Она: «Я заядлая охотница. Могу дуплетом по гусям...» Он: «Я больше по перу...» Пожалуй, что скаламбурил: дуплетно. Я рассказал о доброжелательных проводниках в поезде «Тихий Дон», которые

рискнули взять меня без билета, – вскочил в вагон по спешке, оставив билет у приятеля. Он: «Казачки же!» Вместе с Марией Петровной поделился, что в ближайшую субботу собираются праздновать свадьбу внука: «Вот, готовимся...» Ганичев передал Шолохову подарок – портрет по металлу словацкого художника-скульптора Яна Кулиха с надписью «Великому писателю».

И в первый день, и во второй он сидел за столом в медицинском кресле на колёсах. Вдруг выложил, что подкладывает под себя плоскую подушечку с просом – послушался-де совета одного станичника. Это чтобы не случилось по тогдашней жаре пропотелостей и пролежней. Пошутил на этот счёт, но с перчиком: вот, мол, стал на старости лет «жопорушкой», явно от слова «просорушка». Хохоту-то было.

Без Сталина не обошлось. Шолохов говорил о нём, о его отношении к себе и о своём отношении к нему спокойно. Не раздавалось ни преувеличенных восторгов, даже в рассказах о хорошем во взаимоотношениях, ни огульного, так скажу, отрицания, когда вспоминал о мрачном, о трагическом.

Шолохов упомянул о едва ли не аскетизме Сталина в быту. Вспомнил, как однажды был приглашён отобедать на подмосковной даче. Около вседержавного хозяина, как запомнилось писателю, стояла бутылка грузинского вина и не было никаких разносолов – из яств лишь тарелка по-грузински приготовленного холодного мяса. Ещё Шолохов отметил скромную обстановку.

Я спросил его:

– Когда в 1938-м готовили ваш арест, в чём обвиняли?

Ответствовал немногословно:

– Во всём. Даже в том, что я высказывался о бесхозяйственности – что колхозные комбайны зимуют под открытым небом. – Добавил с горькой усмешкой: – До сих пор ведь в половине колхозов, думаю, так стоят.

Ганичев ему, к слову, сообщил:

– В печати идёт спор, хорош ли новый Ростовский комбайн.

Услышали в ответ вновь с горечью:

– Спорят... А комбайн от этого лучше не становится.

Внезапно о секретаре крайкома довоенной поры:

– Он до революции экспроприатором был. Деньги отбивал... Анархист! Человек, скажу, храбрый. Четыре ордена... Жил у меня дома четыре дня. Спросил у него, когда начал чувствовать на себе внимание органов: «Почему из всех членов бюро райкома одного не посадили – меня?» Он ответил: «Когда к дубу хотят добраться, по дороге к нему молодняк валят». Он в разговорах отрицал, что в тюрьмах пытки. Я его потом в Москве, когда секретаря райкома спасал, в НКВД увидел – глаз выбит, кровоточит... Сам попал в то, что копал.

О многом говорилось в те два дня. Звучали имена Долоресс Ибаррури, Молотова, Ильи Эренбурга, скульптора Конёнкова, Леонида Леонова...

Кое-кого вспоминал с горечью, обидой. Об Александре Солженицыне высказался с неприязнью, ничего о причинах того, однако, не прояснив. (О том, что этот писатель, увы, возглавил несправедливую антишолоховщину, теперь хорошо известно.)

С уважением говорил о Василии Шукшине. Рассказал, что познакомился, когда снимался на донской земле фильм «Они сражались за родину». Растроганно припоминал скромность Шукшина.

Через некоторое время болгарский журналист Спас Попов передал мне своё интервью с Шукшиным, которое случилось вскоре после поездки этого артиста и одновременно писателя в Вёшки. В интервью прочитал: «Как я вижу Шолохова теперь? Намного ясней... До этого я имел представление о нём по устным рассказам, услышанным в московских клубах, компаниях, ресторанах от актёров и писателей. А это упростило или, точнее сказать, создало у меня искажённое представление о нём. Каким я вижу его после личного общения? Глубоким, мудрым, простым. Для меня Шолохов – олицетворение летописца. Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил – не словами, а самым своим присутствием в Вёшенской и в литературе, – что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать

тишину и спокойствие, где можно осмыслить народную судьбу...»

Война, конечно же, вошла в разговоры. Началось с того, что Шолохов высказал свои оценки – высокие – маршала Жукова. И даже поделился предположениями, почему Сталин и Хрущёв проявили грубое недоброжелательство к всенародному любимцу. Сказал: «То была не только ревность к славе, но политическая боязнь». Ганичев припомнил, как вручал незаслуженно отставленному от дел маршалу подарочное издание «Тихого Дона» и тот выразил свою любовь к роману. Шолохов проговорил:

– Жаль, что ни разу с ним не встретился.

Я тем временем углядел на его столе – по правую руку – том воспоминаний маршала Рокоссовского. И спросил:

– Читаете?

– Перечитываю! – И в голосе усмешливая, как я почувствовал, укоризна: дескать, разве он мог позволить себе не прочитать эту книгу раньше. Добавлю: в последующее свидание, уже в больнице, тоже углядел то, что он читал, – «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова.

Война... Он вместе с Марией Петровной вспомнил о своей матери, о её гибели, когда немцы бомбили Вёшенскую.

Мария Петровна отметила такую черту её характера, как упрямство.

Ганичев тут же Шолохову:

– Вас ведь тоже трудно переубеждать. Вы тоже упрямый...

Ответил:

– Нет... – И усмехнулся: – Если кто меня переубеждает, я сдаюсь, подчиняюсь.

Решили с Ганичевым – воссоединёнными силами – прояснить судьбу военного романа. Уж сколько десятилетий он всё издаётся с грустной для читателей пометой «Главы из романа». Когда же завершит? Но интересовались мы не просто из любопытства.

Превеликий искус узнать судьбу романа был невероятно обострён откровениями – почти шёпотом – секретаря Шолохова, что-де, по свидетельству младшего сына, роман в полном его виде, рукописном, писатель сжёг.

Страшно было слушать. Ошеломило. В лобовую, понятно, не полюбопытствуешь – так ли, не так ли. Воспользовался каким-то удобным предлогом и спросил Шолохова:

– Будете ли продолжать и заканчивать?

Кажется, что вопрос застал врасплох. Молчит. Я понял, что он раздумывал – довериться ли гостям всем тем, что всё-таки через минуту-другую доверил:

– Послал я Брежневу рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю. Жду месяц. Жду третий... – Как бы мимоходом обронил: – Сталин «Поднятую целину» за две ночи одолел. – И продолжил: – Живу в Москве. И как-то посыльный из ЦК: передаёт мне папку с романом. Я скорее раскрывать. А там что? Письма мне никакого в ответ нет, а по рукописи на полях три восклицательных знака. И всё! Совсем без каких-либо пояснений или разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критически шло... Второй вопрос – где у меня герой проходил по союзникам, что тянули с открытием второго фронта. Третий – там, где снова шло о Сталине...

Что же мне делать? Вот, думаю, посоветовался. Ну посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда – помните? – вторым секретарём ЦК. Звоню – тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, недоразумение. Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, а не Леонида Ильича. Я сегодня же, – говорит, – всё проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А сейчас пошлю за вашей рукописью – вы верните её». Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Ещё месяца два-три звоню. Нет Кириленко. Так ни разу не соединили. Наконец нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыл – всё в прежнем виде: ни письма, ни на полях ничего нового... – Закончил, помолчал, буркнул: – Говорят, Брежнев охотник хороший.

Выслушали мы, а не унять желания узнать судьбу романа: жив – не жив? Но как узнать?

Первым Ганичев не утерпел. Проявил замысловатую дипломатичность, спросил эдак невинно:

– Михаил Александрович, а где вы храните эту рукопись романа?..

У меня мелькнуло: «Ну, вот петелька для ответа». Жду: вдруг не подтвердит, что бросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да, где же ей быть, как не в столе...»

Он, однако, собрался и отвёл от себя хитрованный захват, дал резкую отводу нашим соблазнам:

– Нет её здесь! – сказал неподступно, как ударил закомлястой палицей. Мы уже знали цену такой жёсткой интонации. Она не позволяла рисковать продолжить тему. Новые – неугодные ему – вопросы могли перебить, а то и прекратить встречу.

Так и осталась тайной эта страница шолоховской жизни – драматическая!

Шолохов после паузы – видно, наше любопытство про рукопись сильно зацепило, – снова принялся за Брежнева. Стал рассказывать, как отказал в гостеприимстве: не пожелал принять в Вёшенской. Нашёл для этого благовидный, по своему мнению, предлог. Изложил происшествие так:

– Звонок междугородний – Москва! Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить генеральный секретарь цэка капэзэс товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вёшенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать?.. Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Слышу – молчит. Потом говорит: «До свиданья, Михаил Александрович».

Шолохов при этих словах заговорщически ухмыльнулся: явно приглашал нас разделить-уразуметь, как ловко-де нашёл наипочтительную возможность дать – непочтительно – отводу обидчику, притязавшему на сближение.

Хитрован: знал необузданную тягу-любовь Брежнева к торжествам-парадам.

Выделю и замечу: Шолохов тогда далеко не всю историю своего романа – горестно-драматическую – изложил.

В 1991-м старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, мне кое-что поведала, внеся наисущественное дополнение:

– Как-то главный редактор «Правды», – так начинался рассказ дочери, – попросил у отца отрывок из новых глав этого романа. К 7 ноября, в праздничный номер. Сначала отец отказал ему, но после настойчивых просьб послал отрывок, где речь идёт о Сталине и о репрессиях. Редактор не решился напечатать это без «визы сверху». Уговаривал отца сделать поправки: «смягчить» или вообще выбросить некоторые «острые места». Отец, хотя и вышел очень резкий разговор, отказался.

О Брежнев, – продолжился рассказ дочери. – Отец либо вам неточно передал, сколько было у того восклицаний на полях, либо вы что-то не так записали. Так называемых «замечаний» было много. Искорёжили роман...

И в самом деле партцензура скрыла от читателей истинное отношение великого творца к Сталину. Горжусь: к 90-летию Шолохова мы воссоединились со Светланой Михайловной и совместно с издательством «Либерия» выпустили роман полностью отреставрированным. И ещё увеличили тираж восстановленных политкупюр – я обнародовал их сотысячным тиражом в своём «Альманахе исторических сенсаций» в качестве заметок дочери писателя.

И ещё от дочери. Она передала мне письмо отца Брежневу. Перепечатаваю его полностью – какой же многогранный документ времени!

«Дорогой Леонид Ильич! Как ты сегодня сказал, вступая в доклад: „по традиции регламент пленума не меняется“, так и у меня по неписаной традиции не меняются отношения с „Правдой“: „Тихий Дон“, „Поднятая целина“ и „Они сражались за Родину“ почти полностью прошли через „Правду“.

Не изменяя этой традиции, я передал туда новый отрывок из романа, который вот уже более трёх недель находится у тебя. С вопросом его использования нельзя дальше тянуть, и я очень прошу решить его поскорее по следующим причинам:

1. Я пока не работаю, ожидая твоего решения. Не то настроение, чтобы писать.

2. О существовании этого отрывка и о том, что он находится в „Правде“, широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в „Нью-Йорк Таймс“ или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что „вот, мол, уже и Шолохова не печатают“, а потом нагородят вокруг этого ещё с три короба...

Обещанный тобой разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я ещё раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдётся для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи, кому сочтёшь нужным, поговорить со мной, чтобы и дело не стояло, и чтобы оградить меня от весьма возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь, и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я – на пленуме. Улетаю в субботу, 2.XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости. Обнимаю!

М. Шолохов. 30 октября 1968 г. Москва».

Письмо, необычное едва ли не каждой своей строкой. Меня к тому же тон удивил: требовательный, взыскующий.

...На память о своей поездке в Вёшенскую увозили несколько фотографий, одну из них выделю. Шолохов за столом: ворот рубахи вольно расстёгнут; в одной руке листы статьи, в другой – сигарета, рядом стакан чаю... И как же красивы выразительные линии, вычерчивающие гордо сидящую на высокой шее голову, огромный лоб и горбатинку носа.

К 125-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

О пользе путешествий по следам поэтов

«Мы родом из детства, далёкого детства, из вечно прекрасной страны», – и как я рад, что мне посчастливилось родиться в городе, который по праву величают Великим. Именно здесь я ощутил дыхание русских просторов и связь с историей своего Отечества, именно здесь я впитал в себя энергию родной земли. Родившись в 1959 году и прожив в Новгороде 18 лет, я ещё застал то время, когда мы, сумасбродные мальчишки, могли беспрепятственно бегать по кремлёвским стенам, спускаться в башни и находить там суровые приметы ушедшей войны, забираться на звонницу и засматриваться оттуда на возвышенный ритуал слияния, который веками демонстрируют Волхов и Ильмень. Не потому ли я позднее поступил на истфак Новгородского пединститута, где

проучился всего лишь год, и во многом связал свою жизнь с историей, написав впоследствии десятки статей и книг, защитив диссертацию и став издателем, прежде всего, исторической литературы? В 1977 году моего отца перевели на работу в Москву, и мне пришлось расстаться с родным городом.

Я абсолютно уверен, что моя страсть к путешествиям по родной земле и миру уходит корнями именно в моё новгородское детство, которое подарило мне причастность к великой истории. Только этой страстью я могу объяснить, что за прошедшие, активные с точки зрения путешествий, почти 30 лет жизни мне оказалось по силам не просто посетить около 80 стран и почти 200 разнообразных мест России, но и воспеть эти странствия в своих стихах

и фоторепортажах. Удивительно, но новгородский мальчишка из 60–70-х годов прошлого века, конечно, не мог даже и представить себе, что такое будет возможно, что мир когда-то просто распахнётся перед ним и своими гранями вызовет прилив поэтического творчества.

Немаловажно, что, уехав из Великого Новгорода, я уже более 40 лет живу в Москве – в этом самом, без сомнения, поэтическом месте России, если понимать под ним место, которое вдохновляло поэтов на новые творения, в том числе о самом этом городе. Не будет преувеличением сказать, что через Москву не могли не пройти на своём жизненном пути сотни российских писателей и поэтов, которые подолгу или наездами жили или бывали в Москве, впитывая в себя её «литературные токи».

В жизни очень многие важные вещи происходят как будто бы случайно, мимоходом, и только потом понимаешь, какое значение они имели на перекрёстках жизненных дорог. В 2002 году я отправился с друзьями из Новосибирска на Алтай, и восемь дней, проведённые в этом путешествии, не только потрясли меня увиденным, но и подарили особый настрой на долгие годы. Во-первых, я впервые в жизни написал в дороге целый цикл стихотворений, посвящённых красоте и дыханию заповедного края, а во-вторых, имея под рукой лишь самую скромную «мыльницу», даже с её помощью начал снимать потрясающие виды алтайской земли. Так я впервые открыл для себя новый жанр, соединяющий стихи и фотографии, который я назвал фотостихами.

Далее последовала многолетняя череда моих путешествий по России и миру с камерой и рифмой, в которых я продолжал соединять воедино две Музы – поэзию и светопись. Итогом этих поисков стали, помимо фотовыставок, посвящённых России, Намибии, Ирану, дорогам Грибоедова, мои книги-альбомы, в которых фотостихи сливались с историей: «По русским далям и просторам» (М., 2006), «По свету с камерой и рифмой. 100 удивительных и заповедных мест мира» (М., 2009), «На Святом Афоне. Стихи русского паломника» (М., 2013), «Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века» (М., 2014), а также появившиеся позднее сборники стихотворений, в которых находили отражения мои странствия, прежде всего, книга «Поэтические места России», вобравшая в себя всю палитру российских поэтических мест, которые мне посчастливилось увидеть и запечатлеть в рифмах.

Мои личные стихотворные опыты и обращение к примерам поэтических творений русских поэтов-путешественников в прошлом показали насущность и возможность создания масштабного мультимедийного проекта «Поэтические места России» – <http://ruspoetry.ru> – который только в конце 2018 года открылся для читателей и был задуман мной для того, чтобы

Сергей ДМИТРИЕВ

Историк, поэт и издатель, заслуженный работник культуры РФ, действительный член Академии российской словесности и Российской академии естественных наук. Родился в 1959 году в Великом Новгороде. С 1977 года живёт в Москве. С 1981 по 1994 год работал в издательстве «Молодая гвардия», пройдя путь от младшего редактора до главного редактора издательства. Впоследствии и по настоящее время – главный редактор издательства «Вече». Кандидат исторических наук, автор более 20 книг, в том числе 10 сборников стихотворений, а также более 150 статей на исторические темы. Лауреат ряда премий, среди которых Макарьевская премия, премии Александра Невского и «Хрустальная роза Виктора Розова». С 2002 года увлекается фотографией, автор проекта «Поэтические места России», активный путешественник. Женат, имеет двух сыновей и семерых внуков.

собрать в нём воедино мозаику русской поэзии о городах и весях нашей страны.

А что касается моих конкретных путешествий, то самые интересные из них – это странствия путями великих русских поэтов. И я счастлив, что мне удалось уже несколько раз проехать в Иране по следам А. Грибоедова и В. Хлебникова, повторить поездку А. Пушкина в далёкий Эрзурум, увидеть лермонтовские места Кавказа, открыть для себя Африку, как сделал это когда-то Н. Гумилёв, увидеть Японию глазами К. Бальмонта, Германию – глазами Ф. Тютчева и США – глазами В. Маяковского. Приближается 125-летие со дня рождения Сергея Есенина, и мне хочется представить читателям свои стихи об этом «самом русском» поэте в нашей истории.

Места написания этих стихов говорят сами за себя – Константиново, Пощупово, Рязань,

Москва, Ташкент, Баку, Мардакяны, Тегеран, Шираз. Это места есенинской биографии, которая открывается нам в последнее время всё ярче и многосложнее. Будем надеяться, что поэму «Русь», которую начали писать русские поэты несколько веков назад и которую наполнил самыми вдохновенными красками Есенин, будут продолжать творить и современные поэты. И пусть помогать им в этом будут путешествия, которые всегда приносили и сегодня приносят один и тот же урок:

*Нам дым Отечества и сладок, и приятен,
Когда мы уезжаем в даль, за голубой мечтой,
Чтоб, намотавшись и устав от благодати,
Вернуться наконец, соскучившись, домой!*

Сергей ДМИТРИЕВ

Цикл стихотворений «ДОРОГАМИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА»

Русские странники

Поэтов странствия по свету
Пора настала воспевать,
Чтоб путеводную комету
Стихами снова озарять,

Чтоб люди нынешние знали,
Что и в былые времена
Поэты русские взлетали
В скитаний дальних стремена.

Жуковский, Пушкин, Грибоедов,
Есенин, Бальмонт, Гумилёв
Не просто были непоседы,
А странники былых веков.

Они с восторгом посещали
Неведомые до тех пор места,
Где тайны жизни открывали,
Как будто с чистого листа.

И мы, идущие сегодня
По тем же путаным путям,
Осознаём, что длань Господня
Вновь открывается и нам.

Побег поэтов

Куда бежать? В какие страны,
В какие веси, дали и места,
Где заживут души унылой раны,
Где Веды, Библии, Кораны
Как с чистого откроются листа?

Куда бежать, когда мешают гири
На ватных от усталости ногах,
Когда нет солнца в сумрачной квартире
И кажется, что вовсе в этом мире
Нет счастья ни в каких местах?

Зачем бежал в персидские пределы
Неугомонный автор «Горя от ума»?

Зачем в Арзрум с порывом смелым,
Хотя солдатом вовсе неумелым,
Умчался гений стихотворного письма?

Зачем Кавказ избрал ночлегом
Тот, кто в дуэльной схватке пал?
Как Гумилёв в конфликте с веком
Опасным в Абиссинию побегом
Взошёл на странствий пьедестал?

Зачем в Цейлон стремился Бунин,
В Баку – Есенин, а в Равенну – Блок?
Какие никому не видимые струны
Поэты эти в поисках Фортуны
Заставили звучать на долгий срок?

Они увидели в тумане дальнем,
Как в зеркале иных миров,
Отечества портрет первоначальный,
Спасительный, хоть и печальный,
В убранстве стихотворных слов.

Вот так же я в побег назревший
Хочу давно, поверьте, убежать,
Чтоб дом мой тягостный и грешный
Издалека во тьме крошечной
Как островок спасенья различать.

Вёшки, 27.03.2011

Есенинская Русь

И не ушла, и не пропала
Есенинская Русь,
Она лишь затаённой стала,
Упрятав от чужого жала
Свой возрождающийся пульс.

Есенинская Русь жива
В пейзажах, рифмах, детях.
И предъявляет те же нам права
Её распевающая молва,
Плетя свои спасительные сети.

С Есениным Русь вовек
Свои не ослабит чары,
И будет жив человек,

Пока льётся песен разбег
Под звуки русской гитары...

И не ушла, и не пропала
Есенинская Русь,
Она лишь царственно устала
И, сохраняя вечные начала,
Смерть побеждает и грусть.

Рязань – Константиново, 1–2.10.2005

Родина поэта

Поэты рождаются там,
Где склоны речного откоса
Открыты суровым ветрам,
Где падают по утрам
На травы небесные росы.

Поэты рождаются там,
Где хмель берёзовой тайны
Течёт, как вино по устам,
Где рядом высится храм,
Взлетая над нивой бескрайней.

Поэты рождаются там,
Где песни звучат помногу
По улицам и домам
И где ведёт по полям
Тропа неприметная к Богу.

Рязань – Константиново, 1–2.10.2005

У откоса

Константиновские холмы
В небеса от Оки улетают,
И стоим зачарованно мы,
Подойдя к самому краю.

Там вдали уплывает в Русь
Затаённой реки течение,
И приходит тихая грусть
По есенинскому исчезновенью.

Почему он так рано ушёл
По тропе в небесные выси

И сиротским стал русский дол,
На речном оборвавшись мысе?

Вновь обряда закатного кровь
Каждый день припадает к тыну.
Материнская крепче любовь
По ушедшему рано сыну.

Константиново, 2.10.2005

В Константиново

Я вижу живого Есенина
На фоне леса осеннего,
Идущим тропой волнистой
По жизни своей тернистой.
Идёт он, порой спотыкаясь,
Греша, созидая и каясь,
Сквозь сумрак вечной печали
В грядущие русские дали,
Как светоч народного духа,
Как лучшей судьбы порука.
И пусть застилают дорогу
К берёзовой роще и Богу
Туманы беды и мороки,
Рассеют их страстные строки.
Давно уже путник Есенин
Проследовал в райские сени,
Руси указав долгий путь,
С которого нам не свернуть.
Рязань – Константиново, 1–2.10.2005

Танго листвы

Сергею Есенину посвящается

Веют предзимней прохладой
Сумерки бабьего лета,
Но дождевые рулады
Осени – нет, не отпеты.

Грянет ещё напоследок
Танго листвы запоздалой,
И у танцующих веток
Листьям не будет причала.

Танго закружит в полёте
Пёстрый коктейль соцветий,
Но вскоре зимним фокстротом
Снег заплетёт свои сети.

Лист улетит последний
В вихре внезапной метели,
И на морозной обедне
Стужа свой полог расстелит.

Константиново – Москва, 2, 9.10.2005

В Пущино: Иоанн Богослов и Есенин

Обитель Богослова не случайно
Явилась на берегах Оки:
Открылась Иоанну тайна,
Что лучше этой нет реки –
Неторопливой и бескрайней –
Для поэтической строки.

Так угадал Апостол появление
Того, кто этот край воспел –
До боли и самозабвения,
Кто жизни превзошёл предел
Струной душевного кипенья
В сумятице опасных дел.

Есенин Божье слово смело
По-русски нам пересказал,
Его душа с восторгом спела
Мелодии родных начал
И возвела его всецело
На лиры русской пьедестал.

Пущиновский Иоанно-Богословский
монастырь, 14.06.2014

Глеб ГОРБОВСКИЙ

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжёлая от пыли.
Ночь в проводах жужжит, как шмель.
...А ведь Есенина убили,
Не вызвав даже на дуэль.
За красоту, за синь во взгляде!
Так рвут цветы, так мнут траву.
Его убили в Ленинграде,
Где я родился и живу.
И, чтоб не мыслить о потере,
Снесли тот дом, где он... затих.
Но и в фальшивом «Англетере»
Витают боль его и стих...

...Вчера, сложив печаль в котомку
И посох взяв опоры для,
Я вышел в призрачных потёмках
Тайком из города – в поля,
Туда – в зелёное... Где птицы...
Где нам глаза его цвели...
За убиенного в столице
Просить пощады у Земли...

Поэтический венок Есенину

Николай ДМИТРИЕВ

Под Рязанью визжат поросята,
И закрыт станционный буфет,
И старухи в окошко косятся
На медлительный жёлтый рассвет.
Мне шестнадцать – к Есенину еду,
Крепко томик сжимаю рукой
И со всеми вступаю в беседу:
Где такое село над Окой?
Вот проснулся мужик – грудь нагая.
«Не подскажите, где же он жил?»
Тот сидел и сидел, постигая,
Помолчал и про клён заблажил.
И старуха в тулупчике ветхом
Прочитала про цветь и про синь.
«До Рязани, – сказала, – доехай
И в райкоме про всё расспроси».
...Я вернулся – с грошами сурово,
И назад – хоть попутку лови,
С пониманьем, что главное – слово,
А он ставил его на крови.
Чтоб всегда – и в дожди, и в метели –
Пробирались на берег Оки,
Чтоб поменьше, уставясь, глазели
На цилиндры и на пиджаки.
Чтоб звучало тревожно и свято
Над толпою забывчивых лет,
Даже если визжат поросята
И закрыт станционный буфет.

Юрий ПАРКАЕВ

Михаил ДУДИН

ЕСЕНИН

С модной тростью,
 В смокинге цивильном
 Он ходил,
 Шокируя цилиндром
 Революционную Москву:
 Барду,
 Избалованному славой,
 Нравилось
 Мальчишеской забавой
 Волновать неверную молву.
 А ночами
 Мастером суровым,
 Раздвигая
 Зрение над словом,
 Он вгрызался в недра языка.
 Каторжна
 Была его работа.
 Но светлы
 Мгновения полёта
 Над рябым листом черновика.
 ...Снова
 Неожиданным ознобом
 Он идёт
 По сумрачным сугробам
 Сквозь колонны скорби и любви,
 Чтобы снова вспыхнуть,
 Как легенда,
 Воплотившись
 В бронзу монумента,
 В храм нерукотворный на крови.
 Грустный,
 Словно музыка из сада,
 Нежный,
 Словно лепет звездопада,
 Вечный, словно солнечный восход,
 Кто же ОН,
 Как не сама ПРИРОДА, –
 Юноша,
 Пришедший из народа
 И ушедший песнею в народ?!

* * *

Душа – навыворот! Рубаху
 Рванув от ворота с плеча –
 С такой душой идут на плаху
 Иль убивают палача.

И он из тех, из настоящих,
 Перекричал и смех и плач:
 «Я сам души своей приказчик,
 Судья, и жертва, и палач».

Есть в мире высшая свобода
 Души возвышенно-большой:
 Отдать себя душе народа
 И стать потом его душой.

Идёт рассвет из-под Рязани,
 И тает месяц запятой:
 «Ах, мальчик с синими глазами!
 Ах, золотистый-золотой!»

Мне всё мерещится, сдаётся,
 Что я печаль твою сотру.
 А голос льётся из колодца,
 Поёт и плачет на ветру.

И стонет выпь, и утка кричит,
 И по осенней стороне
 На смерть и подвиг всадник скачет
 Один на розовом коне.

Татьяна СМЕРТИНА

* * *

Любой березняк –
 По Есенину звонница!
 Никто уже так
 Перед ней не помолится.

У нас деревень
 Нынче тыщи разрушено.
 И злато полей
 По ветрам буйным пущено.

Увечье земли
Как от гнёта тиранского.

К чему мы пришли
Без уклона крестьянского?

Как храм, березняк
В честь Поэта возносится.
Никто уже так
На нож правды не бросится.

Людмила БАНЦЕРОВА

СВОЯ СТОЛИЦА

Тает в дымке листопад,
В мелководье день струится.
Мне деревья говорят:
– Поезжай в свою Столицу!
Там ведь осенью светло,
И дождей грибных немало.
Мне б укрыться под крыло,
Под крыло её – устало...
И печаль свою и грусть
Отыщу в толпе глазами.
И по улочкам пройду
Лихо, с верными друзьями.
Что мне Мир – дорожный прах?!
Еду я в свою Столицу.
На горящих деревьях
Солнце там давно гнездится...
Тает в дымке листопад,
И опять в кружение люди.
Я стою у белых врат –
Может, кто меня полюбит?
Здесь ведь осенью светло,
И такой покой рассеян.
И созвездий намело,
Где бродил Сергей Есенин...

Виктор КАРПУШИН

* * *

Крылами машут ветры во поле,
Сомнения мои – не в счёт.
Весь белый свет дожди заштопали,
Но времечко сквозь швы течёт.
Подтачивает корни берега
И обнажает боль и грусть.
Желтоволосый мальчик бежит.
Храни его, святая Русь!
Луна дрожит, как лист осиновый,
Обманчив утренний покой.
Прощай, селенье Константиново,
Живи есенинской строкой.
Дороги смотрят недоверчиво,
В туман, в себя погружены.
И тихий разговор: «До вечера...
До вечности... до тишины...»

Вячеслав БОГДАНОВ

ПАМЯТИ ПОЭТА

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Всё же песню отмищенья за гибель
Пропоеют мне на том берегу.*
Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
Жёлтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
Что выла, словно сука, –
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лёд треснул на Оке...

Только мать на всей Руси проснулась...
 Что же ей почудилось тогда?
 Может быть,
 Взаправду увидала,
 Как с небес
 Горючая звезда
 На крыльцо морозное упала.
 И зажгла зарю в селе звезда.
 Мать у русской печки суетилась.
 По снегам глубокоим,
 Как беда,
 Весть на санках к дому подкатилась.

Рухнул месяц с голубых высот.
 И берёзы
 В дымной круговерти,
 Словно петлю,
 Рвали горизонт
 И стонали голосом бессмертья.

Виктор БОКОВ

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

На Ваганьковском кладбище осень и охра,
 Небо – серый свинец пополам с синевой.
 Там лопаты стучат, но земля не оглохла –
 Слышит, матушка, музыку жизни живой.

А живые идут на могилу Есенина,
 Отдавая ему и восторг, и печаль.
 Он – Надежда. Он – Русь. Он – её
 Вознесение.
 Потому и бессмертье ему по плечам.

Кто он?
 Бог иль безбожник?
 Разбойник иль ангел?
 Чем он трогает сердце
 В наш атомный век?
 Что все лестницы славы,
 Ранжиры и ранги
 Перед званьем простым:
 Он – душа-человек!

Всё в нём было –
 И буйство, и тишь, и смирение.
 Только Волга оценит такую гульбу!
 Не поэтому ль каждое стихотворенье,
 Как телок, признавалось:
 – Я травы люблю!

И снега, и закаты, и рощи, и нивы
 Тихо, нежно просили:
 – От нас говори!
 Не поэтому ль так охранял он ревниво
 Слово русское наше, светившее светом зари?

Слава гению час незакатный пробила,
 Он достоин её, полевой соловей.
 Дорога бесконечно нам эта могила,
 Я стою на коленях и плачу над ней!

Анатолий ГРЕБНЕВ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Не о том ли всю ночь,
 Безутешен,
 Бьётся ветер
 И плачет навзрыд,
 Что Есенин убит, и повешен,
 И повешенным в землю зарыт?

Сатанинские тёмные силы,
 Превращая в пустыню страну,
 Знали:
 В лучшем поэте России
 Убивают Россию саму!
 Стал для русского
 В счастье и в горе
 Всех дороже
 Мятежный певец.
 До сих пор
 У России на горле
 От петли
 Не проходит
 Рубец!

Валерий СУХОВ

Сергей БЕЛОВ

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вот и нас есенинская осень
Осенила золотым крылом.
Всё заметней индевеет проседь.
И грустим всё чаще о былом.

Утонула в сумерках дорога,
По которой молодость ушла.
Как листок, трепещет одиноко
На ветру продрогшая душа.

Что ж. Выходит, наша песня спета.
Наступает холодов пора,
И согреют грудь стихи поэта,
Как тепло осеннего костра.

Евгений ЮШИН

ЕСЕНИНУ

Поёт мужик в полуночном трамвае,
Что клён опал, что клён заledenел.
В его глазах дымится, вызревая,
Слеза, с которой сладить не хотел.

Тверским кольцом повенчан с высшей музой,
Стоишь, в свои мечтанья погружён.
Мой нежный хулиган, я тоже русский,
Я тоже русской песней обожжён.

Очнись, Сергей, у нас в России осень.
И хорошо, бродя березняком,
Раскланиваться с каждою берёзой,
С которой хоть немножечко знаком.

Пойдём туда, где около дороги
Заря примерит платье из парчи,
Где на мозолях пашен, слава Богу,
В земных поклонах трудятся грачи.

Искристой далью водку запивая,
С души одёрнем городскую спесь.
И может быть, в полуночном трамвае
Хмельной мужик мою затянет песнь.

* * *

Нежная магия слов.
Есть на Руси имена.
Пушкин, Есенин, Рубцов
Будут во все времена.
В строфах поэтов – любовь,
Сердцем согретая грусть.
Каждый из них был готов
Душу отдать за Русь.

Владимир ФИРСОВ

НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

Ещё не поросли тропинки,
Что слышали твои шаги.
И материнскою косынкой
Ещё пестрят березняки.

И говор леса, говор дола,
И говор горлинок в лесах
Зовут тебя к родному дому,
Счастливого или в слезах.

Им всё равно, каким бы ни был, –
Найдут и ласку, и привет.
По вечерам играет рыба
И бабочки летят на свет.

И розовеющие кони
В закатном отсвете храпят.
И в голубых туманах тонет
Пугливый голос жеребят.

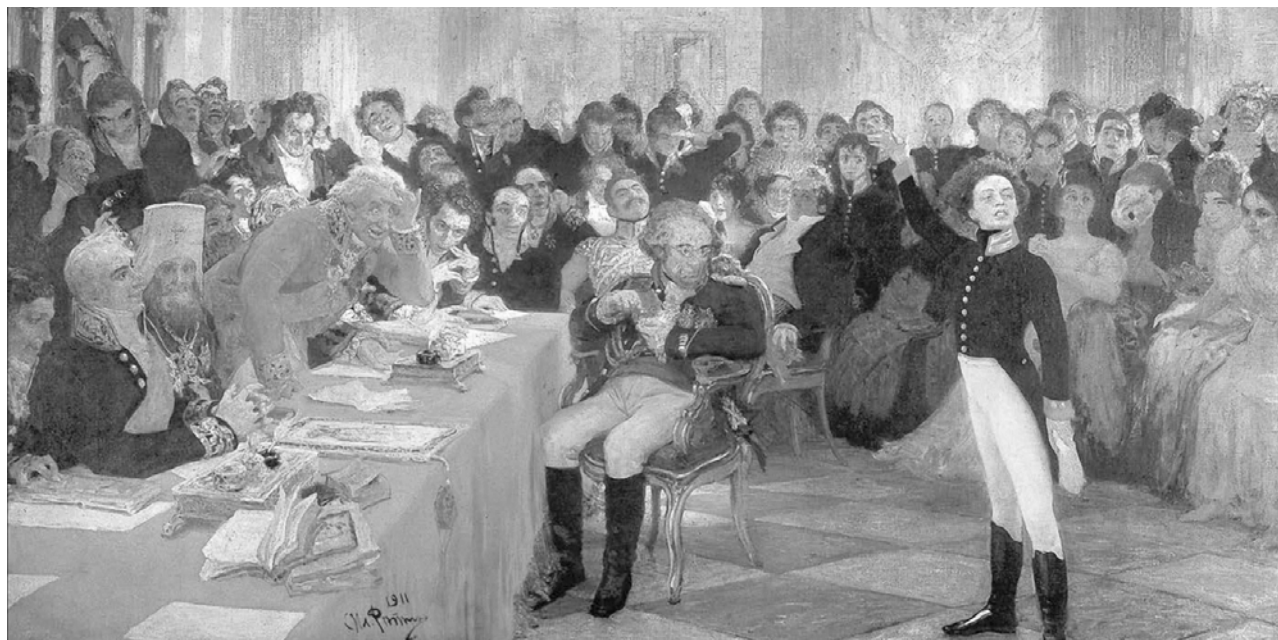
Всё ждёт тебя.
Всё ждёт, не веря,
Что за тобой уж столько лет
Как наглухо закрыты двери

На этот самый белый свет.
Ты нам оставил столько сини!
А сам ушёл, как под грозой,
Оставшись
На лице России
Невысыхающей слезой.

Фото Натальи Барановой

Путешествие к Пушкину

В. ОСТАНИНА

К 200-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ

А. С. ПУШКИНЫМ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

- 1 -

Опальный Пушкин мается
В кибитке почтовой.
Берёзки в летних платьицах
Лепечут вслед листвою.
Ему по предсказаниям
Гоненье суждено;
В кибитке продуваемой
Сбывается оно.
Усталый, неприкаянный
При молодых летах.
Цензурой опекаемый
За дерзости в стихах.
За ним повсюду гонятся
Вражда, надзор, нужда.
А сердцу воли хочется,
Покоя и труда.
У знати офранцузенной
Дух русский взаперти.

От критиков, послушных ей,
Обидные статьи.
Душа от своры сплетников
Летит на тёплый свет –
В лицей, где Пущин с Дельвигом –
Друзья счастливых лет.
Лицея становлением
Их судьбы скреплены,
А сблизили волнения
О будущем страны.
Наставники блестящие
Без розг и без муштры.
Боль за Москву в пожарище,
Проказы до поры.
То было время славное
Наследников Петра.
Крепчала мощь державная
Под русское «Ура!».
Страдать за дело правое –
Божественный посыл

Вокруг самодержавия
Сердца объединил.
За веру православную,
За Русь поднялся Росс,
Очистил златоглавую,
В Европу мир принёс.
Для службы государственной
Ответственных людей
Село растило Царское
От молодых ногтей.
И в деле просвещения
Лицей опередил
Другие заведения
Расцветом русских сил.
Меж прочих первокурсников
Наш Пушкин вольно жил.
Перо молчком покусывал,
Стихами говорил.
Их рифмы полноречивые,
Ритмический накал,
Стихию их летучую
Свободно выдыхал.
Лицейским однокашникам
Послания посвящал.
Ему был близок Батюшков,
Жуковский – восхищал.
Его Державин выслушал.
Растроганный до слёз,
Рукой коснулся высохшей
Пружинистых волос
И до небес вознёс...
Всё благодарно вспомнилось;
Кидает сердце в жар –
Как весело глаголилось
В кругу друзей-гусар!
А Карамзин шёл к вечности.
Он в юношу вдохнул
Сурово, по-отечески
Веков минувших гул:
«История российская –
Тысячелетний путь.
Далёкое и близкое
Должно тревожить грудь.
Поэта назначение
Не в лени и гульбе,
Не в славе, а в служении,
Взыскательно к себе».

Не вызвал одобрения
Гуляка-лицеист,
В иных стихотворениях
Прямой либералист...

- 2 -

Год восемьсот семнадцатый.
Прощай, родной лицей!
И мраморные грации,
И верный круг друзей!
Взлелеянные музами
За шесть лицейских лет,
Намеченными курсами
Друзья спешили в свет.
Легко порывом ветренным
Их закружила жизнь,
И впитывалась трепетно
Общественная мысль.
Тогда судьбу народную
В читающих кругах
С правами и свободой
Вершили в головах.
Какое оживление,
Какой пылал восторг!
Поэта вдохновение
Будило честь и долг.
Он, сам того не ведая,
Горяч, открыт и чист,
Свободу исповедуя,
Был первый декабрист.
Подвижный, независимый,
Он многих раздражал
Энергией немыслимой
И тем, что зубоскал.
Досталось Аракчееву
От колких эпиграмм.
«Не высечь, так пресечь его!» –
Решил сановник сам.
Придворным доносителем
Строчится спешно лист:
«Сей Пушкин – возмутителен,
Не по годам речист.
"Деревню", список "Вольности"
Читают наизусть.
Ни веры, ни покорности!
Где к трезвой жизни вкус?!»
Царь, потеряв терпение,

Певца на юг сослал.
В том было провидение –
От худшего спасал.
«Наш император милостив, –
Шутили остряки, –
А мог бы за провинности
Спровадить в рудники».

- 3 -

Пылит дорога дальняя
Сквозь августовский зной.
Везёт судьба опальная
К усадьбе родовой.
Как много сердце вынесет
За десять долгих дней!
Потом стихами выдохнет,
Чтоб стать ещё сильней.
В дороге вспоминаются
Одесса и Кавказ,
А сердце молча мается
Вдали от милых глаз.
Земля родная псковская
За вёрстами видна,
А в сердце черноморская
Колышется волна.
То нежные признания,
То горькое «прощай!»...
От боли и отчаянья,
Поэзия, спасай!
Сквозь слёзы и томление
На помощь поспеши,
Подруга неизменная,
Лекарство для души...
...Тоской и скукой встретили
Знакомые места.
Здесь чтились добродетели
И строгости поста.
Губернскому начальнику
Прибавилось хлопот –
Не позволять охальнику
Смущать честной народ.
Священнику поручено
Заботиться о нём,
Внушать: благополучие
В смирение пред царём.
Насторожённо встретила
Пугливая семья.

Лишь нянюшка приветила
Строптивое дитя.
Подписка о невыезде,
А с ней тройной надзор –
Итог свободомыслия,
Куда ни кинешь взор.
Писал в стихах про узника
И стал таким точь-в-точь.
И не было союзника,
Способного помочь.
За песенной синицею
Уж намечал маршрут.
Бежать! И за границую
Избавиться от пут.
Суровость царской «милости»
Изгнанник молодой
Не мог в молчанье вынести,
Слал письма чередой.
Родительским презрением
В безбожье обвинён,
Скрывая раздражение,
В полях скитался он.
Всю переписку ссыльного
Отец взял под контроль.
Страж кодекса фамильного
Освоил злую роль.
И лопнуло терпение,
Услышал дом и двор
Протест и возмущение,
Скандалный разговор...

- 4 -

Уехали родители,
Уехал брат с сестрой.
В Михайловской обители
Совсем другой настрой.
Здесь под приглядом няниным,
Неприхотлив в еде,
Он сам себе стал барином
В досуге и труде.
Носил рубашку красную,
Вставал всегда чуть свет.
И с Музой, утро празднуя,
Делил души секрет.
Печёными картошками
На целый день был сыт.
Спешил к соседям стёжками

Любезный наш пиит.
 В кругу тригорском девичьем
 Шутил, смешил, дразнил.
 Весёлый, переменчивый,
 Он всех в себя влюбил.
 Пылал всю ночь лучиною,
 Не зажигал свечи.
 Пел песню лебединую
 Для Анны Керн в ночи...
 Петух орёт отчаянно.
 Оплывшая свеча.
 Рука родная нянина
 Коснулась до плеча.
 – Строптивая головушка!
 Вишь – ворох исписал.
 Рад, что уехал батюшка,
 Враз духом-то воспрял.
 У няни голос ласковый.
 Тоска-печаль пройдёт,
 Начнёт ли сказку сказывать
 Иль песню запоёт.
 Вот прелесть драгоценная
 Для русского стиха!
 Словесность иноземная
 Трескуча и суха.
 С вчерашними кумирами
 Свой путь не обрести.
 С московскими просвирами
 Парни* не совместить.
 Тяжёлый байроновский стих
 Заметно потускнел.
 Среди владений дедовских
 Наш Пушкин обрусел.
 К родному просторечию
 Прислушивался он.
 Судьбой своей изменчивой
 Здесь был вознаграждён
 Сыновним чувством близости
 С отеческой землёй,
 Смиренной в терпеливости,
 А в песнях – удалой.
 И в храме песнопение,
 И ярмарочный гвалт
 Рождали вдохновение,
 Обиды забывал.
 В нём, заглушая горести,

Как тайная струна,
 Звучал, взывая к совести,
 Укор Карамзина:
 «Поэта назначение
 Не в лени и гульбе,
 Не в славе, а в служении,
 Взыскательном к себе».
 И новые видения
 Томили, ждали слов:
 Онегин в нетерпении
 И мрачный Годунов.
 Зовёт к работе гения
 Созревшая душа
 И к новым откровениям
 Торопит не спеша.
 В безмолвном одиночестве,
 С судьбой вступая в спор,
 Продолжится о творчестве
 С друзьями разговор.
 Друзей далёких профили
 Ложатся на листы,
 Живых и тех, чьи пробили
 Последние часы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не для словечка красного
 Я пью тех дней настой.
 Там лира в куцах Царского
 Рокочет звук родной.
 Для робкого признания
 Тревожу имена.
 Сквозь годы-расстояния
 Россия в них слышна.
 На заблужденья юности,
 Волненья зрелых лет,
 Желая лучшей участи,
 Нам Гений шлёт привет.
 Паролём для священных уз,
 Стрелой сквозь века –
 «Друзья, прекрасен наш союз!» –
 Летит его строка.
 Она в часы бессилия –
 Мои колокола.
 Под ношей непосильною
 Друзей я обрела.

Валентина ОСТАНИНА

* Эварист Парни (1753–1814) – французский поэт-лирик.

«В БОЖЬЕМ МИРЕ ПРАВДА ЕСТЬ И БУДЕТ...»

В ГОД 160-ЛЕТИЯ А. П. ЧЕХОВА

В 2020 году отмечается 160 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860–1904) – замечательного русского классика, в личности которого добропорядочность, мягкость и деликатность сочетались с мужеством и силой воли.

Душевная тонкость проявлялась в чутком отношении не только к людям, но и ко всему живому, существу. Так, например, в рассказе «Каштанка» (1887), который растрогал современников писателя и продолжает трогать сердца детей и взрослых по сей день, в обращении героя к потерявшейся собаке слышится голос самого Чехова: «Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О, бедная, бедная... Ну, не сердись, не сердись... Виноват. <...> Что же ты скулишь? – продолжал он, сбивая пальцем с её спины снег. – Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? <...> А ты хорошая, смешная! <...> Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдём со мной!»

По мере сил своих Чехов старался помочь и людям, и животным. Медик по образованию, он не оставлял врачебной практики, принимая и исцеляя тысячи больных. К самоотверженным трудам замечательного писателя и доктора присоединялись и другие благие деяния: постройка школ, сбор средств для голодающих, поездка на остров Сахалин с целью изучения и облегчения жизни ссыльных и каторжан...

«Возмужалость» и «чувство личной свободы» писатель воспитывал в себе с ранней юности. Собственный нелёгкий путь вступления в жизнь на грани нищеты, когда гимназисту Антоше Чехову приходилось за гроши давать

уроки купеческим детям, чтобы содержать не только себя, но и помогать родительской семье, обрисовал он впоследствии в письме к издателю А. С. Суворину 7 января 1889 года: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сечённый, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Знаменательно, что ставшая широко известной чеховская установка – выдавливать **«из себя по каплям раба»** – была сформулирована в святочные дни, и звучит она в полном соответствии с евангельской заповедью свободы во Христе, освобождения человека от рабства, греха и от ига страха смерти. В послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, *«дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех»* (Евр. 2: 9); *«И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2: 15); **«Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа»** (Гал. 4: 7). Таким образом, событиями Рождества и Воскресения Христова утверждается ценность достоинства и духовной свободы человека, который уже не является узником и рабом ни других людей, ни собственного тела, но наоборот – вмещает в себя всё мироздание.

Брату Михаилу Антон Чехов писал: **«...зачем ты величаешь особу свою “ничтожным и незаметным братишкой”? <...> Ничтожество своё сознавай, знаешь где? Перед Богом... перед умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно**

сознавать своё достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность».

Постоянно выступая против силы, наглости и хамства так называемых «вышестоящих», их чванства, спесивости, надменного самодовольства, Чехов не принимал и оборотной стороны медали – раболепия, пресмыкательства, самоунижения «нижестоящих». На эту тему – множество чеховских произведений, среди которых такие шедевры, как **«Толстый и тонкий»**, **«Смерть чиновника»**, **«Хамелеон»**.

Художественный мир Чехова занимает особое место в русской словесности. Следуя своему принципу «краткость – сестра таланта», писатель в первый период творчества создавал настолько лаконичные произведения, что некоторые читатели и литературные критики упрекали его за крохотный объём рассказов – «меньше воробьиного носа». Это даже не рассказы в привычном жанровом отношении, а миниатюры, зарисовки, «вещицы». Однако в сжатую до пределов форму художнику слова удавалось вместить чрезвычайно ёмкое содержание – глубокое исследование человеческой природы, русской жизни и социальных отношений. «Умею коротко говорить о длинных вещах», – так сам Чехов афористически характеризовал эту особенность своего оригинального писательского дарования.

Поначалу чеховские литературные «вещицы» публиковались в юмористических журналах, которые во множестве расплодились в начале 1880-х годов. Зубоскалили «Русский сатирический листок», «Развлечения» и «Зритель», порхала «Стрекоза», цокотал «Сверчок», названивал «Будильник»... Все они охотно помещали на своих страницах рассказы и юморески молодого талантливого автора – медицинского студента, который для печати выдумывал себе множество забавных псевдонимов: Антоша Чехонте, Дон Антонио Чехонте, Брат моего брата, Юный старец, Дяденька, Человек без селезёнки, Врач без пациентов и др.

Например, святочные выпуски журнала «Зритель» за 1883 год были почти целиком за-

полнены произведениями Чехова. Среди них – забавная зарисовка из мещанского быта **«Мощенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком **«новогодняя побрехушка»**; новогодний **«психологический этюд» «Пережитое»**; **«подновогодние картинки» «Гадальщики и гадалщицы»**; святочный **«фантастический рассказ» «Кривое зеркало»**; **«юмореска» «Ряженые»**. Уже одни только подзаголовки этих «вещиц» демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю типичный святочный рассказ, выстроенный по устоявшимся канонам, в котором обычно всё известно заранее.

С проницательностью опытного редактора Н. А. Лейкин, сознавая, что своим успехом у читателей его журнал «Осколки» обязан таланту Чехова, пригласил его к постоянному сотрудничеству. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, – писал редактор „Осколков“ двадцатитрёхлетнему Чехову. – У Вас литературное чутье».

В миниатюрных зарисовках, призванных, на первый взгляд, всего лишь развлечь и позабавить читателей юмористических журналов, Чехов изобличает черты социального зла, несправедливо устроенного общества, искажённой грехом человеческой природы, всеобщую продажность, ложь, позёрство, лицемерие: «Всё старо, всё надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...»

Чеховский художественный мир – при всей его кажущейся бытовой обыденности – ироничный и парадоксальный, полный «сюрпризов и внезапностей», непредвиденных метаморфоз, маскированных «ряженых» персонажей. Таковы **«Задачи сумасшедшего математика»**, **«Козёл или негодяй?»**, **«Женщина без предрассудков»**, **«Злоумышленник»**, **«Пересолил»**, **«Канитель»**, **«Дочь Альбиона»**, **«Беседа пьяного с трезвым чёртом»**, **«В бане»**, **«Шило в мешке»**, **«Ночь перед судом»**, **«Жалобная книга»**, **«Свадьба с**

генералом», **«Жизнь в вопросах и восклицаниях»** и множество других рассказов, в которых проступает неистощимая на курьёзы и парадоксы русская жизнь.

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, вбирает в себя не только весёлую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск. По-гоголевски **«невидимые миру слёзы»** проливает в сердце своём борец со всякой пошлостью Чехов, рисуя «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»: «Жизнь – канитель <...> Пустое, бесцветное прозябание... мираж... Дни идут за днями, годы за годами, а ты всё такая же скотина, как и был... Пройдут ещё годы, а ты останешься всё тем же Иваном Ивановичем, выпивающим, закусывающим, спящим... В конце концов закопают тебя, болвана, в могилу, поедят на твой счёт поминальных блинов и скажут: хороший был человек, но жалко, подлец, мало денег оставил!...»

В «тине мелочей», болотной жиже неприглядно-пустого и пошлого прозябания барахтается и вязнет, захлёбывается и тонет человек, пока не опомнится и не обратится с молитвой о спасении к Богу: *«Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем стать. <...> Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне»* (Пс. 68: 2–3, 15).

И всё же, несмотря на страдание от несовершенства несправедливо устроенной жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение русской зимней сказочности праздника Рождества Христова. «Поздравляю Вас с Рождеством, – обращался он в письме к Д. В. Григоровичу в 1888 году. – Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <...> самым красивым временем года. Это время, когда, кажется, что сам Бог ездит на санях».

Чеховская поэтика смыкается с творческими установками Николая Семёновича Лескова (1831–1895) – одного из христианнейших русских писателей. Для Чехова Лесков – **«любимый писака»**, **«Человечина, стоящий**

внимания». В свою очередь маститый писатель также отметил и высоко оценил литературное дарование своего младшего современника. В письмах Лесков неоднократно упоминал о чеховском таланте: «Талантлив Чехов очень», «рассказ Чехова превосходен». Точно библейский пророк, зрелый художник обратился со своеобразным благословением к молодому Антону Чехову, провидчески угадав в начинающем писателе большой талант: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши».

Лесковский рождественский рассказ **«Запечатленный Ангел»** (1873) был книгой для семейного чтения в доме Чеховых. 7 марта 1884 года Чехов сообщал Лейкину: «Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”». Таким образом, у Чехова на слуху был лесковский **«Ангел»**, и его духовно-эстетическое воздействие, художественная манера нашли отражение в чеховском творчестве – в создании пасхального рассказа **«Святою ночью»** (1886). Как шедевр Лескова снискал всеобщее признание: «нравился и царю, и пономарю», – так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был приведён в материалах о награждении Чехова академической Пушкинской премией.

Основная тема лесковского рассказа – отношение к русской иконе и иконописанию. **«Запечатленный Ангел»** – уникальное литературное творение, в котором главным действующим лицом стала икона. А в рассказе Чехова воплотилось чудо церковной поэзии, святого православного слова. Чеховский герой иеродиакон Николай – простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел», – обладает Божественным даром создавать изумительные по красоте акафисты.

Но Чехов с душевной болью отмечает, что даже в монастыре «некому вникать» во вдохновенные слова канонов, нет подлинного благообразия: «народ всё хороший, добрый, благочестивый, но... Ни в ком нет мягкости, деликатности». И кроткий поэтичный человек – безвестный творец акафистов – остаётся непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно

традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова – **«Архиерей»** (1902). Представитель высшего церковного духовенства, наречённый в монашестве Петром, при крещении в младенчестве получил имя Павел. Так в имени и судьбе героя соединяются имена новозаветных апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Со второй половины 1880-х годов Чехов перестал считать своё писательство «игрой в литературу». На смену пёстрому калейдоскопу остроумных сценок, юморесок, пародий, сатирических «мелочишек» пришли подписанные уже собственным именем автора вдумчиво-серьёзные рассказы, новеллы и повести, с их проникновенным лиризмом, тихой – вполголоса – интонацией, психологической углублённостью, особенной поэтикой уводящих в подтекст символично-лейтмотивных деталей, внутреннего плана – «подводного течения». В кругу этих шедевров **«Степь»**, **«Пари»**, **«Дуэль»**, **«Попрыгунья»**, **«Палата № 6»**, **«Учитель словесности»**, **«Чёрный монах»**, **«Анна на шее»**, **«Дом с мезонином»**, **«Моя жизнь»**, **«Ионыч»**, **«Душечка»**, **«Дама с собачкой»**, **«Невеста»**...

Многие чеховские повести и рассказы экранизированы. Любимы зрителем художественные фильмы **«Анна на шее»** и **«Анюта»** (фильм-балет), **«Володя большой и Володя маленький»**, **«Дама с собачкой»** и **«Очи чёрные»** (по мотивам **«Дамы с собачкой»**), **«Мой ласковый и нежный зверь»** (по мотивам **«Драмы на охоте»**), **«Неоконченная пьеса для механического пианино»** (по пьесе **«Платонов»**) и др. Чеховские пьесы **«Чайка»**, **«Дядя Ваня»**, **«Три сестры»**, **«Вишнёвый сад»** постоянно ставятся в театрах по всему миру.

Андре Моруа приоткрыл секрет неизменного интереса к творчеству и личности Чехова: **«...он был великим, быть может, одним из величайших художников всех времён»**.

и всех народов. Им восхищался Толстой. Музыкальной тонкостью чувств он напоминал Шопена. Это был не просто художник, это был человек, который открыл для себя и без всякого догматизма предложил людям особый образ жизни и мышления, героический, но чуждый фразерства, помогающий сохранить надежду даже на грани отчаяния».

Действительно, отчаянию нет места в чеховском творчестве, несмотря на то, что основной его мотив – томление духа, души, очнувшейся и ужаснувшейся от сознания своего одиночества, прозёванной жизни, бесплодного ожидания счастья. Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния *«жизни будущего века»*. Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русской классической литературы, представлена в чеховском пасхальном рассказе **«Студент»** (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский – студент духовной академии – испытал небывалую, захватившую дух радость: «...и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. “Прошрое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого”. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». Христианские идеалы свободы, правды, красоты ведут к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с её высоким таинственным смыслом: «Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, про-

должались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <...> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Чеховские произведения благодаря открытым финалам продолжают жить, дышать, зовут к новым высотам, духовно-душевному преображению. Отсвет вечности сияет в лирических признаниях писем и произведений писателя: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать её место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью»; «Глядя на весну, мне ужасно хочется, чтобы на том свете был рай»; **«Мне страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, как свод небесный»**; «И как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждёт, чтобы слиться с правдой».

Размышления о правде и красоте Божьего мира гармонируют с сокровенным чеховским убеждением, воплотившимся в крылатом афоризме о том, что и **«в человеке всё должно быть прекрасно»**. А для этого нужно непростое продление едва начатой людьми «работы, которая будет продолжаться, может быть, ещё десятки тысяч лет, для того чтобы хотя в далёком будущем человечество познало истину настоящего Бога...»

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, член Союза писателей России
(Москва), историк литературы

Елена ОСМИНКИНА

Член Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств Республики Крым (2020). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Гумилёва (Москва, 2016) и Пушкинской литературной премии (Крым, 2013). Автор семи поэтических книг и более четырёхсот публикаций в разных изданиях РФ, среди которых – «Слово», «День литературы», «Российский писатель», «Невский альманах», «Екатерининская миля», «Гостинный дворЪ», «Дон новый», «Александр», «Новый Енисейский литератор» и многие другие.

Твоя любовь как тихий храм...

Твоя любовь как тихий храм,
В котором я свечу зажгу.
Здесь – вне обид, и ран, и драм,
И оба сердца не солгут.

Свеча горит, и храмный свет
Вновь освещает изнутри
И чувства нежного ответ,
И просьбу: «Милый, говори,

Вещай о том, что небо в срок
Пошлёт нам милости не раз».
И как живительный глоток
Твое объятие сейчас.

Нас в своём хитоне прячет ночь,
Будто в этом мире только мы.
Ты в немом присутствии весны
Что-нибудь тихонько напророчь.

Впрочем, я пророчеств не приму
И свечу зажгу у тёмных рам,
Распахну окно – лениво к нам
Ночь забросит жёлтую луну.

Лёгким крылышком дрожит свеча,
И в твоих руках – моя ладонь.
Где-то там, у правого плеча,
Ангел шепчет времени: «Не тронь».

Оплавились осколки дня
В огне июльского заката.
Наверно, в чём-то виновата
Перед тобой сегодня я.

День суетливый – новый клон –
Чуть отдалил нас друг от друга,
Но неизбежной силой круга
Вновь притянуло в тихий дом,

Который ждать давно устал
Два наших разделённых эго.
Из тёмной рамы лунным снегом
Свет яркий месяца упал.

И снова сердце на двоих
Объединяет чувства, мысли,
И в близости – счастливой высью
Воспринимаем каждый миг.

А в комнате веет стихами,
И лёгкой застенчивой грустью,
И всем не случившимся с нами,
Что всё же никак не отпустит.

И жаль, и не жаль, что не стало
Признание ваше возможным,
Что сердце, наверно, устало
В своём ожиданье тревожном.

По-прежнему веет стихами,
Ещё не проявленным словом,
Которое, может, на память
Прорвётся строкою готовой.

* * *

В чёрном небе звёзды плачут
Или, может, только я
На веранде тёмной дачи
В середине октября?

Грустно, зябко мне немножко,
На ветру кленовый лист
Растопыренной ладошкой
Зацепился и повис

На двери, раскрытой в вечность, –
Там, в ночи, неспящий сад
Тянет жадно ветки в млечность,
Где созвездия горят...

На веранде тёмной дачи
В середине октября
Одиноко: тихо плачу,
Жду звонка, наверно, зря.

* * *

Я захлебнулась тишиной,
На дом осевшей,
И стол с оранжевой каймой –
Осиротевший.

Вечерний кофе будто стал
Горчить сильнее,
А за окном – ночной провал,
Луна бледнеет.

Наверно, так же как и я,
Не замечает,
Что эту бездну бытия
Зима венчает.

А я зову и жду, когда
Дверь будет настезь
И ты вернёшься навсегда,
Пусть и в ненастье.

* * *

Полумесяц белым парусом
В фиолетовой реке
Из созвездий и туманностей
Проплывает налегке,

Но земное притяжение,
Словно якорь налицо,
Превращает путь-движение
В орбитальное кольцо.

Так и я, как в утешение,
На земных тропинках вновь
Ощуаю притяжением
Нашу нежную любовь.

* * *

Твои руки пахнут октябрём,
Золотом опавшего ненастья,
Моросящим утренним дождём,
Хризантемовым коротким счастьем.
Вновь октябрь ложится у дверей
Звёздами кленовыми, печалью,
Шёпотом раздетых тополей
И туманов сыроватой шалью.
На плече лежит твоя ладонь,
А с ветвей октябрь следит за нами.
Воспою его багряный трон
Новыми осенними стихами.

* * *

Капли времени – минуты –
Обрываются с часов.
Мне тревожно почему-то
От обрывков смутных снов.

Твой отъезд как катастрофа,
Страшный хаос баррикад –
Нерифмованные строфы,
Мысли тоже не попад.

И предчувствия, как волки,
Пасть оскалив, жертву ждут.
И жужжанье кофемолки
Не несёт собой уют.

«Я скучаю! Одиноко!
Твой отъезд как роковой!»
В телефонном эпилоге –
Эсэмэска: «Только твой».

* * *

Хрустальная флейта зимы
Озвучит небесные ноты,
И очень знакомое что-то
Пробудит душевное «мы».

И снова не врозь, а вдвоём
В мелодии светлой и нежной
Наполнимся оба надеждой
И флейте чуть-чуть подпоём.

И в снежности белых листов,
Так щедро упавших под ноги,
Забыв и печаль, и тревоги,
Оставим следы от шагов

Навстречу друг другу, и ты
Мне снова подаришь улыбку
И в сумерках тонких и зыбких
Тихонько прошепчешь: «Прости!»

СОН

Застывшая рука
С потухшей сигаретой,
Небритая щека,
А в окна рвётся лето,
Но зов его теперь
Нам кажется ненужным.
Ты открываешь дверь,
Молчанье не нарушив.
Глаза твои пусты,
Ударилось о стены
Холодное «прости»
Душевною изменой.
Ты попадаешь в круг,
Не глядя, не внимая.
Кричу, слабею – вдруг...
Щека твоя родная.
Склоняюсь я к плечу:
Ты мирно спишь в покое.
Счастливая, шепчу:
«Приснится же такое!»

Лето-рояль, сыграй
Медленный вальс вечерний:
Гаснет свечой заря
В море солёно-пенном.

Шумная Ялта вдруг
Кроткою стала очень,
Кажется лишним звук,
Тянутся многоточья.

Не зазвучат слова
В нашей немой беседе,
Может, во всём права
Эта луна из меди

И наколдует нам
Снова былое счастье:
Верю твоим глазам
В лунно-волшебной власти.

* * *

В прожилках ладони у клёна
За августом тянутся жадно,
А мы в потемневшем парадном,
Где всё нам до боли знакомо.

Здесь стены, наверное, помнят,
Как мы целовались впервые,
А ветры, как будто живые,
Скулили собакой бездомной.

И время, свой круг начертавши,
Нас снова в былое вернуло:
И ветер, и дождик понурый
По-прежнему сыплет, подкравшись.

И души по верному кругу
Зелёными ветками клёна
И радостно, и окрылённо
Всё тянутся нежно друг к другу.

СЕВЕРЯНИН И ШЕНГЕЛИ

Осенью 1913 года молодой крымский поэт Георгий Шенгели познакомился с приехавшими в Керчь на «олимпиаду футуризма» поэтами Игорем Северяниным, Давидом Бурлюком, Вадимом Баяном и Владимиром Маяковским, к которым он пришёл на встречу в гостиницу «Приморская». Как всё это произошло, через очень много лет описал сам Шенгели:

«Я – гимназист старшего класса, через полгода – студент! Я пишу стихи. Их многие пишут: Юра Брженчковский, Федя Мишинов, Женя Сирин, Женечка Массино. Но я один – футурист.

Раннее утро; я спешу в гимназию. По главной улице – вереница извозчиков: прибыл утренний поезд. В одном из фаэтонов – вижу мельком – какие-то бритые джентльмены, фаэтон поворачивает налево за угол: едут в "Приморскую" – лучшую гостиницу городка.

Проходит три часа, закончены уроки, наступает "большая перемена": час досуга. Позавтракав в гимназическом буфете, где за семь копеек дают весьма приличный бифштекс, я устремляюсь на бульвар, надеясь повстречать хорошенькую гимназисточку и эпатировать её чем-нибудь. На углу афишная витрина. Я бегло гляжу и вдруг застываю:

ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА ФУТУРИЗМА

Состязаются:

Игорь Северянин

Владимир Маяковский

Давид Бурлюк

Вадим Баян

Дальше – всякие "занятности" – оглушительные тезисы докладов и пр.; цены местам...

Я читаю и перечитываю – "Игорь Северянин"!

Я уже с жадностью проглотил "Громокипящий кубок", половину запомнив наизусть (память у меня "клинописная"); я чуть не наизусть знаю фельетон Чуковского о Северянине (в 1943 г. я удивил Корнея Ивановича, сказав ему несколько фраз из этого фельетона).

"Владимир Маяковский"! Это имя я уже не раз встречал в "Журнале для всех" под непонравившимися мне стихами, которые, впрочем, я тоже помню наизусть.

"Давид Бурлюк"! Это имя встречал я: да! Он ходил с раскрашенным лицом...

"Вадим Баян"?.. Но мне нравится и то, что он – Вадим, и то, что – Баян, и то, что он будет читать "Лирионетты и баркароллы".

Пойду, пойду на "олимпиаду"! Хотя... гимнастам, верно, не позволят. Ну, конечно, в штатском проберусь на галёрку; "Араб" (гимназический педель) туда не пойдёт; если пойдёт, так Герман (милейший и кротчайший Герман Готфридович Беме), а это – свой человек. Пойду!

И вдруг меня осеняет прозрение: да ведь те бритые джентльмены, проскользнувшие мимо моего рассеянного взора в "Приморскую", и есть, несомненно, они – Северянин, Бурлюк, Маяковский, Баян!

И я мгновенно принимаю великое решение.

Гимназия – к чёрту! Гимназисточка – по боку! Я сейчас иду в "Приморскую"! Пойду к ним!.. Я прочту им... мои стихи!..

У меня колотится сердце; я мчусь по липкому осеннему тротуару.

"Приморская". Вхожу в вестибюль. На чёрной доске постояльцев мелом написаны фамилии: Дурацевич... Попандопуло... Бурлюк... Номер такой-то.

Иду по красной дорожке пустынного коридора. Вот этот номер. У меня холодеют пальцы. А вдруг они меня не примут? А если они скажут, что мои стихи плохи, что я бездарность? Уйти?

Нет! – и я сильно стучу в дверь. За дверью слышна какая-то суета, движение. И только через полминуты резкий и повелительный голос произносит:

– Войдите.

Вхожу. Обыкновенный "роскошный номер" провинциальной гостиницы. Справа диванчик, перед ним стол, окружённый стульями, слева ширмы. На диванчике сидит человек в коричневой куртке с бронзовыми плоскими пуговицами, украшенными изображением якоря. У человека чрезвычайно длинное лицо. По ту сторону стола, лицом ко мне, сидит другой, в широкополой шляпе, надвинутой на лоб. У него тяжёлая челюсть, нахмуренные брови, тёмные, жёлчные воловьи глаза... Третий человек стоит посреди комнаты. На нём расстёгнутый сюртук, бархатный зелёный с рельефными разводами жилет. У него круглая голова, оттопыренная губа. Он смотрит на меня в лорнет. Глаза у него колюче сверкают. Четвёртого в комнате нет.

Я лепечу:

– Могу я видеть г-на Бурлюка?

Человек с лорнетом коротко взлаивает:

– Я.

Называюсь, прошу извинить беспокойство, излагаю – зачем пришёл.

Человек с лорнетом прячет его в карман жилета и протягивает мне руку:

– Очень приятно. Знакомьтесь.

Я поворачиваюсь к длиннорукому человеку. Он деревянно протягивает мне узкую руку и чеканит:

– Игорь Северянин.

...Так вот он какой!..

Человек в шляпе убирает пятки со стола, забирает мою руку в мягкую тёплую ладонь и басом рокошет:

– Владимир Маяковский.

...Так вот он какой!..

Из-за ширмы выходит четвёртый: голубоглазый, остроносый, с пышными вьющимися волосами. На нём щегольская визитка, бриллиантовые запонки в манжетах, жемчужины в крахмальном пластроне, из-под жилетки впродоль выреза голубеет муаровая лента.

– Вадим Баян, – говорит он приветливо, подавая мне вялую, бескостную руку.

...Так вот он какой!..

Бурлюк сразу меняет тон, становится простым, усаживает меня к столу, звонит, заказываю

вает кофе, не внемля моим отчаянным клятвам в том, что я ничего не хочу, – и засыпает меня расспросами о городе, о публике, о молодёжи и её читательских интересах. При нём все безмолвствуют.

Наконец Северянин прерывает молчание; видно, ему наскучила эта беседа:

– Прочтите стихи.

Я читаю. Фурора они не производят, но я чувствую, что меня слушают без иронии, что меня – слушают.

– Прочтите ещё.

Читаю. И ещё.

Северянин говорит:

– Вы правильно читаете, только нужно ещё больше петь.

Я читал, как все поэты, слегка нарастев, что в гимназии всегда вызывало насмешки, а преподавателя словесности просто било по нервам, и он никогда меня не выпускал читать на гимназических вечерах.

Маяковский сказал, перекатывая сигару из одного угла рта в другой:

– Есть места. Вот у вас "голос, хриплый как тюремная дверь"; это ничего; это образ...

Жизнь определилась в этот миг. Я уверовал, что я поэт и что я прав, любя слово, ритм и звук... Северянину понравились "часы, где вместо стрелок ползают серебряные черепахи", – и его замечание не было только любезностью, так как года через четыре эти черепахи появились у него:

*Как серебряные черепахи,
В полдень проползают серны...*

Милый мой Игорь! Он не похищал у меня образа, он просто забыл, что запомнил его, и нашёл у себя как свой.

Совершенно влюблённый в моих новых друзей, я стал откланиваться. И вдруг Бурлюк сказал мне, что сегодня они идут в театр, уже заказали ложу и будут рады меня в ней видеть.

Значит... значит, я действительно им (или хотя бы ему) понравился...

Первая пробная книга, которую Шенгели выпустил сразу же по окончании гимназии, на-

зывалась «Розы с кладбища» (1914), и впоследствии, беспощадно требовательный к себе, он разыскивал повсюду экземпляры этой книжки и тут же уничтожал. Книга носила откровенное влияние творчества Игоря Северянина и была украшена посвящением Евгении Добровой, к которой он тогда пробовал свататься, но получил отказ. Похоже, что его распирала горевшая в нём молодая энергия, и это толкало его на раннюю женитьбу.

Юрий Карлович Олеша однажды вспоминал о вечере Северянина и Шенгели: «Первая моя встреча с Георгием Шенгели состоялась тогда, когда я, будучи мальчиком, но уже чувствуя, что в мире есть поэзия, и уже понимая краем души, что я буду служить ей, увидел его на сцене театра в Одессе – давно, давно, когда он выступал как докладчик о творчестве Северянина и как чтец своих стихов. Он поразил меня, потряс навсегда. В чёрном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцая золотыми, как мне тогда показалось, глазами, он читал необычайной красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения...»

Весной 1916 года у Георгия вышел новый поэтический сборник «Гонг», который имел огромный успех. В этом году состоялось его выступление в зале городской думы в Петрограде вместе с Игорем Северяниным, где он бисировал 14 раз (!), и сотни экземпляров его сборника были буквально раскуплены там за один вечер.

Ранние стихи молодого Шенгели находились в заметной степени под влиянием пленившего его своей музыкальностью «учителя» – Игоря Северянина, который, по его словам, «обладал самым демоническим умом, какой я только встречал», но позднее Георгий перешёл к более аскетической стилистике, демонстрируя отточенную технику и литературную эрудицию. Что же касается Северянина, то, по свидетельству Шенгели, он никогда (за редкими исключениями) ни с кем не говорил серьёзно: «Ему доставляло удовольствие пороть перед Венгеровым чушь и видеть, как тот корёжится "от стыда

за человека". Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьём, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника – но это ощущение неуклонно сопрягалось в нём с чувством презрения. Вы спросите, где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам...»

В 1916–1917 годах Георгий Шенгели был приглашён Игорем Северяниным в турне по городам России, Украины и Кавказа с предложением читать в каждом городе о нём доклады, а также читать собственные стихи. Северянин так написал об этих выступлениях в своём сборнике «Соловей», в стихотворении под названием «Георгий Шенгели»:

*Ты, завсегдатай мудрых келий,
Поющий смерть; и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Суждён везде один маяк.*

Надо отдать должное, Северянин уловил в младшем собрате по перу тягу к высокому искусству и вкусовое пристрастие к теме смерти...

Предложенная им поездка длилась в течение всего 1916-го и первой половины 1917 года, в неё входили города Петроград, Москва, Одесса, Кутаис, Тифлис, Баку, Армавир, Екатеринодар, Новороссийск, Ростов, Таганрог, Харьков, Батуми... Проходивший в каждом из этих городов поэзоконцерт (или поэзовечер) открывался докладом Шенгели о творчестве Северянина – «Поэт вселенчества», после чего ещё читался доклад о каком-нибудь интересном зарубежном поэте вроде Верхарна, затем выступал кто-то из артистов, а в завершение вечера читал свои поэмы сам Игорь Северянин.

Вот как описывала один из таких поэзоконцертов газета «Тифлисский листок» в статье «1-й вечер Игоря Северянина» в № 23 за 28 января 1917 года:

«Вечер открылся чтением лекции г. Шенгели, ознакомившим обширную аудиторию с разными течениями современной русской поэзии и с основными мотивами творчества

Игоря Северянина, ярким апологетом которого является лектор.

Как содержание лекции, так и изложение её вполне положительно, красиво, обстоятельно. Единственным дефектом этой лекции надо считать некоторую тенденцию г. Шенгели возвысить своего любимца, Игоря Северянина, не только за счёт современных писателей, как, например, Валерия Брюсова, на которого он минутно замахивался, но и за счёт Некрасова. Это, по нашему мнению, не этично, тем более что г. Шенгели разъезжает с г. Северяниным вместе и в данном случае как бы говорят в один голос...

Затем г. Шенгели прочёл свои стихи, из которых особенно хороши: "В аметистовом сумраке", "Мне было пять лет" и много других, на бесконечные "бис" публики. Стихи г. Шенгели красивы, поэтичны, полны чувств и создают желанное автору настроение. Поэта наградили аплодисментами и цветами. Кроме того, г. Шенгели, кстати сказать, прекрасный декламатор, прочёл с большим подъёмом чувств несколько прекрасных стихотворений Игоря Северянина».

В харьковской газете «Южный край» за 19 февраля 1917 года появилась статья под фамилией А. Станкевича – «Поэзовечер Игоря Северянина», в которой он писал: «...Далее прочёл несколько своих стихотворений из сборника "Гонг" Шенгели – выбор и исполнение были удачны. И, наконец, наступил центральный момент и появился сам Игорь Северянин, встреченный бурными аплодисментами...»

Газеты с удовольствием отмечали впечатление, оставленное от выступлений не только Игоря Северянина, но и Георгия Шенгели: «Краткий сжатый доклад "Самураи духа", прочитанный на этот раз Г. Шенгели, был очень интересен. Самураи, по определению Г. Шенгели, есть люди, сочетающие в себе все стороны человеческой души, самураи духа – это символ слияния всех качаний жизненного маятника; таков Генрих Гейне; таков Пушкин, горячим поклонником коего является докладчик; Пушкин, сочетавший в себе и Шекспира, и Байрона, предвосхитивший идеи Верхарна и Верле-

на; Пушкин, один из тех поэтов, кто является равнодействующей между мирозерцанием и мироощущением. Ну а третьим самураем Г. Шенгели считает принёсшего "новое пушкинство" – Игоря Северянина!»

Оглядываясь на события тех головокружительных лет, сам Георгий однажды вспоминал: «Через несколько месяцев Северянин и я очутились в Баку; там должны были состояться два или три наших вечера. Из газеты мы узнали, что в Баку находится и Брюсов, читающий там публичные лекции по древней истории Востока. Оказалось, что Брюсов живёт в той же гостинице, где остановились и мы.

Северянин был с Брюсовым в ссоре: Брюсов напечатал о нём весьма разгромную статью (и, бесспорно, во многих отношениях несправедливую), а Северянин ответил стихотворением, где были такие строки:

*Вы, чьи стихи – как бронзолльвы,
Вы поступаете бесславно;
Валерий Яковлевич! Вы –
Завистник, выраженный явно...*

Северянин был также не прав. Брюсовская "агрессия" была продиктована не завистью, а другим, более спорным и благородным, хотя тоже злым чувством. Брюсов одним из первых оценил блестящий талант Игоря, поехал в Петербург знакомиться с ним (это было ещё до "Громокипящего кубка", в 1911 году), писал ему письма (я сам их видел у Северянина), где говорил: "Вы и ваша группа сейчас – самые молодые в России; прошу считать меня среди вас" (цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь). Но тот путь, которым двинулся северянинский "эгофутуризм", был избран не по брюсовскому компасу – и Брюсов понял, что его любовь была "ошибкой". У Брюсова есть строки, обращённые к Белому:

*Я верил многим, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.*

И брюсовская статья была именно этой "мстью неверным".

Раздражение Северянина, вызванное брюсовской статьёй, давно улеглось, резкость его ответа, написанного сгоряча, стала казаться чрезмерною, и Северянин пожелал помириться с Брюсовым. Но, будучи болезненно-гордым и самолюбивым человеком, больше всего опасаясь подозрений в робости или в заискивании, он боялся сделать первый шаг – и возложил на меня дипломатическое поручение: пойти к Брюсову, разведать его нынешнее отношение к Игорю и постараться устроить "случайную встречу", при которой они могли бы объясниться.

Я узнал, в каком номере живёт Брюсов, и постучался к нему. Брюсов сидел один, в своём неизменном сюртуке и мраморном высоком воротничке, левой рукой перелистывал какую-то книгу на армянском языке, а правой делал из неё выписки по-армянски же.

Меня он дружелюбно приветствовал, усадил и горячо заговорил о том, какой прекрасный поэт Саят-Нова. Воспользовавшись первой паузой, я приступил к выполнению моего поручения. Но я решил обойтись без дипломатии. Брюсов был слишком крупным человеком, чтобы его можно было оскорбить экивоками и намёками. Я сказал просто:

– Северянин хочет с вами объясниться и помириться, но ему страшно, что вы превратно поймёте его решение. Я должен вас заманить куда-нибудь, где вы с ним встретитесь.

Брюсов улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал:

– Какие глупости! Я охотно сам к нему пойду. Идёмте.

Он пружинно поднялся, аккуратно убрал свою работу и, предводимый мною, прошёл в номер к Северянину. Северянин не ожидал столь быстрого успеха моей миссии. Побледнев, он встал навстречу Брюсову. Они обнялись. Я ретировался в свой номер, не желая мешать объяснению.

Через час ко мне постучался официант и сказал, что меня просят в ресторан при гостинице. Я спустился.

В особой ложе ресторанного зала за накрытым столом сидели, оживлённо и дружелюбно беседуя, Брюсов и Северянин, жена Северянина и Иоанна Матвеевна Брюсова, остроумная

и насмешливая, которую я видел впервые и которой был тут же представлен. Меня приветствовали как "ангела мира", налили мне бокал шампанского (бутылки стояли в сторонке на стуле, стыдливо завешенном салфеткою: спиртные напитки были запрещены) и немедленно заставили читать стихи.

Амфитрионом этого маленького мира был какой-то безукоризненно одетый джентльмен восточного типа, оказавшийся местным меценатом, богачом Арутюновым (кажется, я не ошибся в фамилии). Он приехал к Северянину просить его посетить вечером устраиваемый Арутюновым банкет, где будут армянские писатели и вообще весь бакинский mond вплоть до адмирала, командующего каспийской флотилией. Покуда же, восхищённый встречей также и с Брюсовым, он устроил завтрак.

Читал стихи я, читал Северянин. Брюсов слушал внимательно, вскинув голову и недвижно уставив свои огромные глаза в какую-то точку в пространстве, изредка роняя слово одобрения рифме или ритмическому ходу. Сам читать свои стихи не пожелал, но, уступая общему натиску, прочёл несколько переводов из Саят-Новы – к полному восторгу Арутюнова.

Однако миллионер вскоре был разочарован: во-первых, Брюсов категорически отказался быть на банкете, хотя Арутюнов предлагал прислать автомобиль и буквально умолял заехать хоть на четверть часа, во-вторых, когда завтрак окончился, Брюсов решительно воспротивился намерению Арутюнова расплатиться по счёту и настоял на равномерной оплате: он, Северянин и Арутюнов (мне платить не позволили: я – "гость").

Мне очень понравилось брюсовское нежелание хоть в чём-нибудь идти навстречу меценату. Северянин потом рассказывал мне, что Брюсов объяснял свои нападки на него в пресловутой статье досадою на то, что он, Северянин, первоклассный поэт, небрежничаёт в работе и как будто потрафляет вкусам публики. Публика же, по мнению Брюсова, "ничего не понимает..."»

В эти годы Шенгели весьма активно учится поэзии у Игоря Северянина, Валерия Брюсова

и Макса Волошина. В 1917 году он издал (если учесть уже два издания его «Гонга») свою шестую книгу стихов «Апрель над обсерваторией», а также первую свою научную работу «Два "Памятника"» – о Пушкине и Брюсове, то есть об их стихах с одинаковым названием. При этом он помирил в Баку Брюсова и Северянина, как мы уже знаем, а в 1918 и 1919 годах выпустил седьмой и восьмой сборники стихов «Раковина» и «Еврейские поэмы», а также издал свои переводы 40 сонетов французского поэта Эредиа, в которых он использовал опыт художественного перевода Максимилиана Волошина.

Шенгели помнил то время, когда Северянин был кумиром молодёжи и был избран «королём поэтов». В своём докладе «Самураи духа» в порыве воодушевления он ставил его в один ряд с Шекспиром и Пушкиным, Байроном и Гейне, Верленом и Верхарном, утверждая, что Северянин привносит в русскую литературу «новое пушкинство».

...Оставшись жить в Эстонии, Игорь Северянин так до конца своих дней и не выучил эстонский язык, первые годы ему всё переводила жена Фелисса, а когда он с ней разошёлся, стало намного тяжелее. Стало так же тяжело издавать свои книги, и поэт сам писал в письме Шенгели: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю».

С 1936 года он почти полностью перестал писать стихи: это стало незачем, так как никто их не печатал, да и напечатанные уже никто не покупал.

А к 1940 году здоровье Игоря Северянина резко ухудшилось, но денег не было ни на врача, ни на лечение, ни на саму жизнь. И потому без всяких политических причин, без лакейства и трусости он искренне, с огромной надеждой, как никто другой, был рад присоединению Эстонии к Советскому Союзу. Он писал Георгию Шенгели: «Я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твёрдо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёг-

кого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог им быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдёте много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы...»

В письме к Георгию Шенгели от 22 января 1941 года он написал: «Я хотел бы следующего: 5–6 месяцев в году жить у себя на Устьи, заготавливая стихи и статьи для советской прессы, дыша дивным воздухом и в свободное от работы время пользуясь лодкой, без которой чувствую себя, как рыба без воды, а остальные полгода жить в Москве, общаться с передовыми людьми, выступать с чтением своих произведений и совершать, если надо, поездки по Союзу».

Северянин торопился – писал мемуарные очерки, отобрал несколько десятков лучших стихов и отправил их Георгию Шенгели, надеясь опубликовать всё это в СССР.

Шенгели хотел поддержать своего друга и учителя и делал для этого всё, что мог. Он писал ему: «Я не мог не порадоваться, читая Ваши стихи. Прежняя певучесть, сила, прежняя "снайперская" меткость эпитета. Какой Вы прекрасный поэт, Игорь Васильевич. И я больше чем уверен, что Вы ещё направите "колесницу Феба зажечь стопламенный закат", вспомните Тютчева, который лучшие стихи написал под старость, а Вам до старости далеко: 53 года всего...»

Несмотря на то, что Северянин сам в последние годы чувствовал увядание в нём «поэтической струи», он написал жене Георгия Шенгели – Нине Манухиной – в составе письма к ним обоим весной 1941 года из Финляндии, говоря ей: «Светлая Нина Леонтьевна, спасибо Вам за стихи – грустные и трогательные, изы-

сканные и хрупкие. Отчего Вы бросили писать? Такие стихи нужны для небольшого круга ценителей. Это тем ценнее.

Берегите моего и своего друга!

Всего хорошего от Верочки и меня. Игорь».

Шенгели замыслил выпустить новый сборник стихов Северянина, но тут грянула война...

А судьба между тем приготовила поэту ещё одно испытание – тяжёлую болезнь, приковавшую его на месяц к постели. Сердце у него уже никуда не годилось, Игорь Васильевич задыхался и не мог выполнять никакую физическую работу. Из письма к Шенгели: «У меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведра поднять не могу: задыхаюсь буквально».

У него был туберкулёз, он всё сильнее болел, и 20 декабря 1941 года его не стало. Похоронили его в Таллине.

Когда Северянин умер, то его смерть не прошла незамеченной. В Эстонии о печальном событии даже сообщили по радио. Поэт умер 20-го, а уже 21 декабря газета Eesti Sõna сообщила своим читателям: «Вчера утром в 10 часов в Таллине умер русский поэт Игорь-Северянин, для которого Эстония была второй родиной. Писателю было 54 года». Газета добросовестно перечислила все заслуги покойного перед эстонской литературой, включая первую антологию эстонской поэзии на русском языке. Сообщение о смерти Игоря Северянина 24 декабря повторила газета Postimees.

Удивительно, что смерть русского поэта даже для оккупированной Эстонии была трагической новостью. Есть в этом событии некая таинственная загадка. Было известно, что друг Игоря Северянина – Георгий Аркадьевич Шенгели – узнал о его смерти 10 или 12 марта 1942 года, находясь далеко за линией фронта, но как он об этом узнал – неизвестно. «Не пришлось нам свидеться! – написал Георгий в письме своей жене Нине Леонтьевне, уехавшей в эвакуацию во Фрунзе. – 25 лет назад мы с ним простились на харьковском вокзале (как раз в марте 1917 года, на второй или третий день революции), и оказалось – навсегда».

А уже 15 марта того же 1942 года Шенгели написал большое прощальное стихотворение под названием «На смерть Игоря Северянина», которое звенело любовью и дружбой:

*Милый Вы мой и добрый!
Мою Вы пригрели молодость
Сначала просто любезностью,
Там – дружбою и признанием;
И ныне, седой и сгорбленный,
Сквозь трезвость и сквозь измолотость,
Я тёплую Вашей памятью
С полночным делюсь рыданием...*

*...Я помню Вас под Гатчиной
На Вашей реке форелевой
В смешной коричневой курточке
С бронзовыми якорёчками;
Я помню Вас перед рампами,
Где бурно поэты пели Вы,
В старомодный сюртук закованы
И шампанскими брызжа строчками...*

А 8 января 1946 года, с большим опозданием, через четыре года после смерти Игоря Васильевича Северянина, Георгий Аркадьевич Шенгели откликнулся на все полученные от него ранее письма стихотворением «Вы приснились мне, Игорь», в котором он писал:

*Вы приснились мне, Игорь, – и каким-то печальным,
Пожилым и печальным, в пене редких кудрей;
Четверть века умчалось; было юности жаль нам –
И стихов попросил я поновей, поострей.
И бестембровый голос, как холодная пена,
Из которой Киприда отлетела в мираж,
Мне сказал: "...королева... и совсем не Шопена..."
И скупчиво добавил: "...не любил её паж..."*

*Всё зачеркнуто сразу! Кислородный мой Игорь,
Чьим стихом перед смертью надышаться б я смог!
Значит, в Вас тоже пепел, та же выцветь и выгарь,
Те же гири на лире и на сердце замок!*

За год до своей смерти Георгий Шенгели написал стихотворение, в котором он перечислил всех своих друзей, причём не просто друзей (к примеру, с Андреем Белым и Владимиром Маяковским он не только не дружил, а даже воевал), а точнее сказать – коллег по творчеству, с которыми он шёл рядом по жизни и литературе:

*Он знал их всех и видел всех почти:
Валерия, Андрея, Константина,
Максимильяна, Осипа, Бориса,
Ивана, Игоря, Сергея, Анну,
Владимира, Марину, Вячеслава
И Александра – небывалый хор,
Четырнадцатизвёздное созвездье!..*

Литературоведы нашей поры без всяких трудностей идентифицировали всех, кого вывел в своём стихотворении Георгий Шенгели. Это – Валерий Брюсов, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Иван Бунин, Игорь Северянин, Сергей Есенин, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Вячеслав Иванов и Александр Блок. Так или иначе они все пересеклись с судьбами друг друга, оставив в них свои вольные или невольные жизненные следы...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СПОРИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ»

В феврале 1890 года оптинскому старцу Амвросию привезли икону Богоматери совершенно нового, нетрадиционного написания: Владычица мира изображена сидящей на облаках с поднятыми в благословляющем движении руками, внизу сжатое поле, а на нём среди цветов и травы стоят и лежат снопы ржи. По преданию, икона изображала видение, бывшее старцу во время молитвы близ Шамординской обители. Богоматерь явилась ему восседающей на облаках и благословляющей хлебное поле.

Прп. Амвросий дал новой иконе знаменательное имя «Спорительница хлебов», указывая этим, что Пресвятая Богородица – «помощница людям в их трудах по снисканию хлеба насущного». Но следует отметить и символическое значение пшеничного колоса как образа возрождения и воскрешения.

Изображение Богоматери было заимствовано с почитаемой иконы «Всех святых» из

Болховского Богородично-Всехсвятского монастыря Орловской губернии. В Оптину образ доставила настоятельница этой обители игуменья Илария (Козина). В январе 1894 года она сообщала в Оптину пустынь: «В начале июня 1889 г. казначея нашего монастыря монахиня Сергия была у старца отца Амвросия, при прощании с ним он ей приказал сказать мне, чтобы я приказала сделать список с Божией Матери, которая на иконе «Всех святых», у нас местная, и подписать «Спорительница хлебов», прислать ему, такую же оставить себе в монастыре и поставить в амбаре для того, чтобы не было оскудения хлеба. Мною исполнено все, как он приказал. В феврале 1890 г. я сама отвезла икону, подавая ему, спросила, хорошо ли написана. Он ответил: «Хорошо, а я думал, что ты не исполнишь моего желания». И спросил: «А у себя оставила такую же?» Я ответила: «Да». Но ни мне, ни казначеи нашей не сказал, с каким

намерением и куда назначил эту икону. В это время старец жил в Оптине в скиту».

В последний год своей жизни прп. Амвросий во множестве раздавал и рассылал литографии и фотоснимки с этой иконы своим духовным детям и почитателям из мирян. Этим образом он благословил основанную им близ Оптиной пустыни Шамординскую женскую обитель. Незадолго до кончины для пения акафиста перед этой иконой он составил особый припев к общему Богородичному акафисту: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоя и яви милосердие Твое!» – и указал праздновать ей 15 (28) октября. Первое празднование образу в этот день в 1891 году совпало с погребением святого старца Амвросия.

В статье Евгения Поселянина за 1891 год читаем: «15 октября, в тот же день, как батюшка установил праздновать иконе “Спорительница хлебов”, его похоронили. Об этом совпадении догадались только потом. Невольно думается, что, покидая своих детей, эту икону отец Амвросий оставил как знак своей любви и своей постоянной заботы об их насущных нуждах... и что, приносясь постоянно в жертву для всех без различия, для ближних и дальних, отец Амвросий оставил икону “Спорительница хлебов”... не для одного только маленького уголка в Руси, который был ему чрезвычайно дорог и на благо которого он положил свои последние заботы. Широко открытому для любви сердцу было бы тесно здесь. Широкое сердце простор любит».

Первое чудо от святой иконы засвидетельствовано в 1891 году, когда во всей России был голод из-за неурожая, а в Калужской области и на полях Шамординской обители хлеб уродился. В 1892 году, уже после кончины старца Амвросия, его послушник Иван Черепанов послал список с иконы в Пятницкую женскую обитель Воронежской области. В той местности была засуха, и ей угрожал голод, но после того как перед иконой «Спорительница хлебов» был отслужен молебен, пошёл дождь.

После кончины прп. Амвросия Оптинского растущее почитание иконы привлекло внимание Консистории. Как пишет отец Ераст (Вытропский),

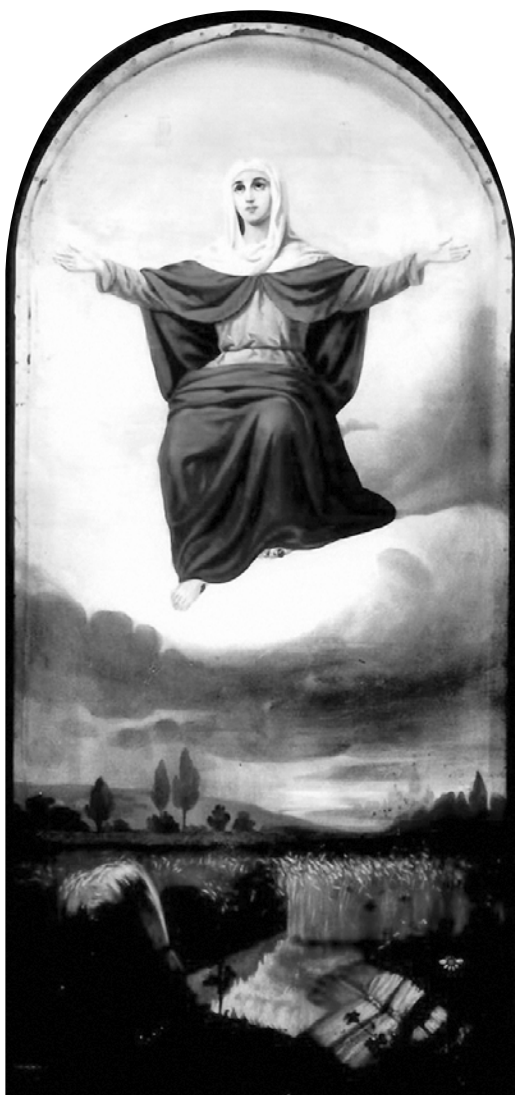
письмоводитель прп. Амвросия, сведения об иконе, «напечатанные в журналах и газетах, обратили на себя внимание Консистории, и она нашла, что иконе придано, по-видимому, значение явленной, или чудотворной, а потому она предписала: представить сию икону в кафедральный собор для хранения в ризнице, что и было исполнено в 1892 году». Кроме того, Святейший Синод постановил запретить распространение изображений Божией Матери нового извода и с необычным наименованием, так как это «может возбудить в народе неправильные и нежелательные толки». Но, несмотря на это, копии продолжали распространяться. В России, стране земледельческой, эта икона стала истинно народной.

Известный поэт-символист, литературный критик, один из идейных вдохновителей Серебряного века Вячеслав Иванов в цикле «Песни смутного времени» в 1918 году написал:

*Есть в Оптиной пустыни
Божия Мать Спорительница.
По видению старца Амвросия
Написан образ Пречистой:
По край земли дивное
Богатство нивное;
Владычица с неба
Глядит на простор колосистый;
Спорятся колосья,
И множатся в поле снопы золотистого хлеба...
Тайные церкви глубин святорусских
Затворница,
Руси боримой со светлыми духи Поборница,
Щедрая Благотворительница,
Смут и кровей на родимой земле
Умирительница,
Дай нам хлеба вскорости –
Добрым всходам спорости,
Мать Божия Спорительница!*

В календаре Русской православной церкви день празднования иконы «Спорительница хлебов» – 28 (15) октября – присутствует с 1995 года (решение было принято Святейшим Патриархом Алексием II в ноябре 1993 года).

Судьба подлинной иконы прп. Амвросия, в 1892 году вывезенной из Шамординской оби-

тели по указу Святейшего Синода, сейчас неизвестна. Встречающееся во многих источниках мнение, что келейный образ старца находится в Скорбященском храме в литовской деревне Михново близ Вильнюса, ошибочно. Михновский образ, имеющий несколько иную иконографию, был написан незадолго до революции шамординскими монахинями в иконописной мастерской, основанной в обители иеромонахом Даниилом (Болотовым), родным братом настоятельницы Шамординской обители игумении Софии. (Дмитрий Михайлович Болотов (1837–1907), выпускник Императорской Академии художеств, в 1866 году принял иноческий постриг в Оптиной пустыни, остался там до конца своей земной жизни и немало потрудился над украшением обители. Его авторству иногда приписывают икону «Спорительница хлебов». Доподлинно принадлежат иноку Даниилу росписи трапезной.)

В возвращённой Церкви в 1990 году Шамординской обители почитается новый список иконы Богоматери «Спорительница хлебов». В Оптиной пустыни, на территории подсобного хозяйства монастыря, есть храм, освящённый в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» в 2000 году. **А**

Татьяна НИКИТИНА

ЗА СОВЕТОМ В ОПТИНУ

*Из наставлений преподобного Амвросия
Оптинского (Гренкова)*

Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрестанно вверх стремится; а мы, как заляжем на землю, и встать не можем.

Начало спасения состоит в том, чтобы оставить свои хотения и разумения и сотворить Божии хотения.

В том-то и вся ошибка с нашей стороны, что не хотим покоряться воле всеблагого Промысла Божия, указующего нам через обстоятельства

Храм во имя иконы «Спорительница хлебов» в Оптиной пустыни

душеполезный путь, а все ищем своего какого-то покойного пути, который существует только в мечтательности, а на самом деле его на земле нет. От скорбей никуда не уйдёшь, не уедешь. Тогда будет нам покой, когда пропоют над нами «со святыми упокой».

Есть мудрое старинное слово опытных людей: «Не живи, как хочешь, а живи, как Бог приведёт». Господь лучше нашего знает, что нам полезнее, и что можем вместить, и чего не можем вместить.

У нас много трудностей и от мудрёного нашего самолюбия, которое малодушно, любит отраду, и пространство, и покой, и желало бы легко наследовать Царствие Христа, Который и на Кресте молился за распинателей Своих. Мы все это забываем, потому и малодушествуем часто.

Креста для человека (то есть очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит.

И как ни тяжёлок бывает у иного человека крест, который несёт он в жизни, а всё же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца. Много раз замечал я: всякий человек, имеющий какую-либо особо выдающуюся слабость в молодости, под старость ею же наказуется.

Когда человек идёт прямым путём, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнёт бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны.

Главное средство ко спасению – претерпевание многообразных скорбей, кому какие пригодны.

У спасения три степени. Сказано у свт. Иоанна Златоуста: а) не грешить, б) согрешивши, каяться, в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби.

Мы все путаемся, нельзя ли как устроиться в покое и на покое, и часто думаем: если бы не такое-то неудобство, и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то, может быть, было бы мне удобнее и покойнее, а забываем, что неудобства сии часто исходят изнутри нас, как и злые помышления. Где лежат страсти, оттуда исходят и все наши неудобства, неладицы, неурядицы и неурейства. Но да упразднит всё сие Господь, если восходем покаяться, смириться и покориться.

Старайся настоящие твои обстоятельства не очень принимать к сердцу, а жить подражая, как по нужде или по своей воле по лесу ходят некоторые: попадается корявое дерево – подогнуты или обойдут, а какая-нибудь назойливая ветвь хлестнёт в затылок – не очень на это смотрят.

Желающие спастись всегда должны содержать в памяти слова прп. Петра Дамаскина, что спасение христианина обретается между страхом и надеждою, и потому ни в каком случае не

должно ни дерзать, ни отчаиваться. А желать видеть своё спасение ясно, как на ладони, – желание и мнение ошибочное. Ежели в видимой природе постоянная бывает перемена: то тихо, то ветрено и бурно, то ясная погода, то дождливое время, а иногда неожиданный мороз или град и подобное тому, – то кольми паче в духовной жизни бывают прилоги и неожиданные изменения. Преподобный Исаак Сирийский пишет, что любовь христианина к Богу на всякий час испытывается разными переменами, приятными и неприятными, отрадными и скорбными. А желать всегда пребывать в неизменном состоянии есть путь волков, то есть мысленных, которые таковых благовидными предложениями и доводят до гибели, от чего да избавит нас Всеблагий Господь.

Когда тебе досаждают, никогда не спрашивай – зачем и почему. В Писании этого нигде нет. Там, напротив, сказано: *если кто ударит тебя в десную ланиту (правую щеку), обрати ему и другую* (Мф. 5, 39). В десную ланиту на самом деле ударить неудобно, а это понимать нужно так: если кто будет на тебя клеветать или безвинно чем-нибудь досаждать – это будет означать ударение в десную ланиту. Не ропщи, а перенеси удар этот терпеливо, подставив при сём левую ланиту, то есть вспомнив свои неправые дела. И если, может быть, ты теперь невинен, то прежде много грешил, и тем убедишься, что достоин наказания.

Если кто ударит тебя в правую щеку твою (Мф. 5, 39), то есть если кто оскорбит тебя или будет порицать за то, в чём ты совершенно не виноват, или в таком случае, где ты старался сделать какое-либо доброе дело ради Бога, – тогда обрати к нему и другую, то есть укори себя, говоря, что достойно тебе попущено это за то, что ты многократно оскорблял и прогневлал грехами твоими Всеблагого и Премилосердного Бога, и потому прими благодарно хотя терпкое, но действительное врачевство душевное, посланное Промыслом Божиим к очищению твоих грехов и страстей, и особенно к исцелению души твоей от тонкого и многообразного тщеславия, которое делает тщетным всякое доброе дело.

Как бы ни получить милость Божию: трудно ли, легко ли, лишь бы получить; а легко получают лишь одни смиренные.

Древние христиане по великой ревности духовной много подвизались в посте и во вседневных бдениях и упражнялись в продолжительном псалмопении и молитвах. Мы же в настоящее время, по слабости нашей и нерадению, чужды этих добродетелей. По крайней мере, позаботимся об исполнении самого необходимого, что заповедует нам апостол, глаголя: *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). Но исполнение этой заповеди и совершение этой добродетели невозможно без смирения и терпения, потому что смирение подаёт крепость во всякой добродетели, а без терпения не совершается никакое доброе дело. Без смирения и исправные делатели не оправдаются.

Не отчаиваться и бесполезно не надеяться. Обе эти крайности душевредны и опасны. Господь через притчу о мытаре и фарисее ясно показал, как и повинные, и слабые грешники могут получать через смиренное покаяние не только спасение, но и оправдание, и как человек, по видимости безгрешный и с различными видимыми добродетелями, может быть отвержен Богом за горделивый образ мыслей.

Во Святом Евангелии Сам Господь глаголет: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10, 16). Мудрость змиина, по изречению толковников, состоит в том, что, когда бьют змию, она более всего хранит голову, так и христианин в напасть и трудных обстоятельствах должен более всего хранить веру; во-вторых, мудрость змиина состоит в том, когда змия хочет скинуть с себя старую кожу, то пролазит сквозь тесную скважину, а иначе с себя старую кожу скинуть не может; так и христианин, если желает совлечься ветхого человека, должен проходить тесный путь по евангельскому учению. Целость же голубиная состоит в незлобии и прощении обид или досад и подобного.

Услышьте шёпот душ

Николай СТУПИН

Ставрополь

УСЛЫШЬТЕ ШЁПОТ ДУШ

В безмолвной тишине услышьте шёпот душ,
Когда-то нас покинувших бесшумно,
Познавших испытанья лютых стуж,
Но любящих по-прежнему безумно.

А что же мы, какой дадим ответ,
Оставшись в мире с чёрствыми сердцами?
Храним ли эти образы и любим сами?
И помним ли священный их завет?

Что жизнь для нас, покоя не обретших,
И как не допустить утрат и драм?
Что сделать нам, живым, для них, ушедших,
Чтоб души возвращались снова к нам?

Повсюду в мире шум и пошлое веселье.
Божественный не слышен даже гром.
Наш мир заморожён иль болен он,
И скоро ли придёт оздоровленье?

О, как остановить безумный шум,
Бессмысленный восторг и праздный топот?!
Встряхнуться, пробудив сердца и ум,
И вслушаться в родной и милый шёпот.

* * *

Находясь среди народа иль
в заброшенной глуши,
Оставляй всегда зажжённым фитилёк
своей души,
Пусть в любую непогоду разгорится он
костром,
Чтоб к теплу его стремились за защитой
и добром.

* * *

Душа моя, ты звезда одинокая
В холодном пространстве космическом.
Проложена рана в тебе глубокая
Кометой зловещей в пике историческом.

* * *

Цветущий этот мир иль увядающий,
Бесславный, вечный или бранный –
В нём человек, душой страдающий,
Всё ж преходящий и забвенный.

* * *

По извилистым тропкам глубоких морщин
Мы читаем события прожитой жизни.
Прошагало по ним лютых множество зим,
Но и весну любви даровал им Всевышний.

* * *

*Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.*

Б. Пастернак

О жизни странной не найти ответа.
Где те, великие и смелые, уста?
Но настоящего великого поэта
Вакансия, к несчастью, пуста.

* * *

Народы всё о счастье гомонят,
Но не светить восторженной надежде.
Здесь праведников судят и казнят,
Злодеев милуют, как прежде.

* * *

Водой забвенья всё пережитое
Стыдливо смоем – боль и страх.
А люди пьют, скорбя, спиртное,
Чтобы смочить усопших прах.

* * *

Очень странная штука – жизнь,
То грызёт нестерпимо, то ластится,
То, как конь, слишком резво бежит,
То, как кляча последняя, тащится.

* * *

В вечность улетают наши годы прочно.
Сколько их осталось и какой итог,
Спросим у кукушки, она знает точно,
Будто её голосом говорит сам Бог.

УРАГАН

Внезапно ветер резкий, злой,
Как пёс, сорвавшийся с цепи,
Несётся, крышу зацепив,
Пространство рвёт, сгоняя зной.
Несёт он тучи грозовые,
Несёт тревогу в сердце мне.
Вот грома треск, закат в огне,
И гнутся сосны вековые.

НОЧЬ ТАИНСТВЕННА, ТИХА

Ночь таинственна, тиха,
Только тиканье часов
Мне стучит, стучит в висок,
Выбивая ритм стиха.
Ход часов: тик-так, тик-так.
Ход времён в них заключённый.
Что там было – так, не так,
Век прошёл – разоблачённый.

ВЗОР

Взор устремлён, застывши, в даль.
Что в ней увидеть он желает?
Иль утолить гнетущую печаль,
Иль страсть, которая пылает?
В дали рассвет он повстречал –
Луч солнца выглянул меж гор.
Как снег, растаяла печаль,
И вспыхнул почти остывший взор.

НАДЕЖДЫ ИСКРЕННЯЯ ГРУСТЬ

В лесах мы, словно партизаны,
Землянки рыли, жгли костры,
В «сраженьях» получали раны,
Мальчишки послевоенной поры.
В войнушку понарошку мы играли,
А жизнь текла обыденностью мирной.
Но мы тогда ещё не понимали,
Что наши деды испытали,
Дойдя до той черты могильной.
С дедами она, злая, не шутила,
Но и они ей спуску не давали,
За Родину сражаясь, умирали,
И вечной памятью им Родина платила.
Война у многих жизнь украла,
Таков её безжалостный закон.
Свирепо заживо сжирала,
Как огнедышащий дракон.
Я в печь бросал дрова сухие,
Они в ответ – уютом и теплом.
Их треск, как всполохи глухие,
Рождал воспоминанья о былом.
Дед не любил рассказы про войну
(Осколки в теле болью отзывались):
«Израненный, и слава Богу, что живу,
Другие же навечно там остались».
И дед к щеке моей поднёс ладонь:
«А кто тогда не думал о Творце?»
И он смотрел серьёзно на огонь,
А пламя из печи играло на лице.
Уж сорок с лишним лет, как деда нет,
Другой подавно сгинул на войне,
А в памяти всплывает тёплый свет
Их образов живых, оставшихся во мне.
Их жизнь была стремительно быстра.
В аду пожарищ заживо сгорали.
Чтоб жили мы и, сидя у костра,
О счастье с гордостью мечтали.
И боль о времени том грозном
Терзает сердце, только оглянусь
И вижу на лице его серьёзном
Надежды искреннюю грусть.

И неба разговор...

Любовь РЫЖКОВА

* * *

Обвеваает меня
Голубая прохлада,
И скользит ветерок
Из ближайшего сада.
Он несёт аромат
Уже лопнувших почек,
Сколько будет листов –
Малахитовых строчек!

Нам природа сама
Показала примеры,
Как проникнуть стихом
В многозвёздные сферы,
Как при жизни достичь
Красоты и бессмертья
И прожить не единое
Только столетье.

ВЕСЕННЕЕ

Ты кто – звезда или планета?
И чьим, каким теплом согрета?
Зачем ты смотришь так пристрасно
В моё вечернее окно?

Сегодня я была на дачке –
Впервые после зимней «спячки»,
Там так вольготно и прекрасно,
И мне совсем не всё равно,

Какие овощи мы ныне
Посадим... Верно, что цукини,
Фасоль, горох, и помидоры,
И обязательно лукоч.

Ещё – раскидистую тыкву,
А к патиссонам не привыкну,
Да не забыть бы в разговорах
Про мой любимый бурачок.

Ах, затянуло облаками...
Куда ты, звёздочка? Ты – с нами?
Мне так нужны твои советы,
Я в этом деле не мастак.

Пора уже и спать ложиться,
И будут нам, наверно, сниться:
Мне – стихотворные куплеты,
Тебе – небесный зодиак.

ВАСИЛИСК

В очертании знакомом,
В облаках, что к земли ближе, –
Василиск над нашим домом,
Пасть раскрыл, а глаз не вижу.

В этом перистом узоре,
Тонких линиях, наплывах
Есть намёк на зло и горе
В очертаньях некрасивых.

Это редкое явление
Неожиданно и странно...
Может, предостереженье?
Иль с небес посыплет манна?

Или это аннунаки
О себе дают известья,
Посылая шифры-знаки,
Чтоб встречали их по чести.

Чтобы злато из кладовых
До крупиночки достали
И опять – до знаков новых –
Им с поклонами отдали.

Разогнать бы знаки эти,
Да иду из магазина,
Руки с сумками как плети,
Преобычная картина.

Только вдруг взглянув, не вижу
Ни далёко и ни близко,
В облацех, что к земли ниже,
Нет фигуры василиска.

* * *

Облачка развиднелись, и тучки ушли,
Снова звёздочка в ветках повисла,
Снова шумы весны на просторах Земли,
Полных тайны и древнего смысла.

И лягушки запели – от их голосов
На душе воцаряется радость,
В них слышны отголоски Семи Мудрецов
И натурфилософии малость.

Да, Природа мудрее любого жреца,
У неё нет ни грана лукавства.
У неё нет начала, как нет и конца
Её нерукотворного царства.

* * *

Взбунтовавшийся раб
и опасен, и страшен, и жалок,
Он не может творить,
он может лишь только крушить,
Он не может летать,
он и ползает-то между свалок,
В этом сущность его –
быть никем, но царём себя мнить.

Рабья кровь заставляет его
быть с другими жестоким,
Он им мстит за свою нерадивость,
бездарность и лень,
Потому, коль дорвался до власти,
он выпьет все соки,

От того, что творит он с людьми, –
голова набекрень.

Он им мстит лишь за то,
что в них нет этой пагубной порчи,
Что он немощен, пуст,
неудачник и дегенерат.
Эта месть услаждает его
и терзает, корёжит и корчит,
Превращая и жизни других
в нескончаемый муками ад.

Но откуда он взялся среди нас
на земле этой вечной и вольной?
Из каких он пекельных глубин,
где когда-то бездарно почил?
На зелёной планете,
удобной, живой, хлебосольной?
Где истоки его?
Наконец, кто его породил?

* * *

Проснулась под утро от пения птиц,
Неужто опять соловьи?
Почуяв такое волнение в крови,
Что хватит на сотни страниц.

Но день был в заботах, тревоге, делах,
Потом мы попали под град,
Изрядно промокли, вернулись в сердцах,
И каждый был этому рад.

А дома, в уюте, в тепле, у огня,
День тихо прошёл-пролетел...
А дождь принимался в течение дня,
Листвой молодую шумел...

А к вечеру стихло всё, и угомон
Родную природу объял,
И тишь разлилась... и задумчивый сон
Уже подступал, подступал...

И тут я услышала трели и звон
В какой-то пророческий миг –
Поют соловьи из ирийских сторон,
И я поняла их язык...

* * *

ПЕРВАЯ ГРОЗА

Всё волнует этою весною.
Каждый кустик кажется родным,
И былинка видится судьбою,
Дерево – тем Древом Мировым.

И вокруг бушуют не столетья,
Не века – а лёгкие года,
Полные восторгов и бессмертья,
Радостного Божьего труда.

И вдыхая запах тополиный,
Каблучками весело звеня,
Я творю – спокойный и единый
Мир, где передышки нет ни дня.

Потому что нужен свежий воздух,
Потому что к боли мир оглох...
Я пишу задумчивую прозу
И стихи, в которых дышит Бог.

Оттого-то этою весною
Каждый кустик кажется родным,
И былинка видится судьбою,
Дерево – тем Древом Мировым.

И ВЫБОР СКУП...

И хочется творить. И хочется ваять.
И говорить высокопарным слогом.
Быть совершенством. Делать всё на ять,
Распахивая душу перед Богом.

Жить на земле, как будто в небесах,
Не зная разъедающей корысти.
Крылатого коня иметь в друзьях,
Владеть ключом первобытных истин.

Вот – цель достойная, жемчужная мечта
И благородства подлинный образчик.
Всё остальное – тлен и маета.
И выбор скуп: поэт или приказчик.

Молния Перунова сверкнула,
Грозно всей округою звеня.
И рвануло ветром, и задуло,
И затрепетали зеленыя.

Радостно мне видеть это действие,
Страшно наблюдать со стороны –
Колдовство ли, битву, чародейство
Или отражение войны?

Той, что происходит в тех высотах,
Что рукой и глазом не достать,
Но там знают русских патриотов,
Ведь и мы Перуновая рать.

ПЛАНЕТА ИКС

Планета Икс. Дома богаты,
Где проживают лишь рапсоды.
Здесь рукотворные закаты
И рукотворные восходы.

Нерукотворны здесь лишь строки,
Рожаемые поминутно,
Которые диктуют Боги
Из горней выси недоступной.

Кто говорит: такой планеты
На свете нет и быть не может,
Тому неведомы секреты,
И зависть тёмная их гложет.

Внемлите: вновь восход расцвечен
Словесной образною вязью.
Да будет мир подлунный вечен,
Да не замаран будет грязью.

В ночи рождённая стихира
Полна подсолнечного света
И благовонного эфира...
Но такова сия планета.

* * *

Живу с мечтой о красоте и свете,
О чистоте и верности в любви.
О, как всегда высмеивались эти
Наивные желания мои.

О, как меня в обратном уверяли,
Что мир наш грязен, полон нечистот
И человек – душою безобразен,
Но лицемерит, что наоборот.

Он изворотлив, мелочен, продажен,
Циничный и безжалостный злодей,
Он слова доброго не стоит даже.
Кто не таков – ханжа и лицедей.

А что же я, что дали мне мечтанья –
Признание, статус, деньги и почёт?
Нет ничего, лишь разочарованья.
Мне говорят, что нужен был расчёт.

Подлец и циник ныне как пророки,
Пошляк на сцене ныне как вещун,
А из народа выжимают соки,
И на эстраде – не талант, а лгун.

И мышь церковная живёт куда богаче,
И ускользает почему-то суть.
И бабы в телевизоре судачат,
О чём лишь можно на ухо шепнуть.

Как жить, я ничего не понимаю,
Во что наш мир сегодня превращён?
Но мне сдаётся, он подходит к краю
И в самом деле страшно развращён.

Вон ураганы дуют по планете,
И дыбятся от ужаса моря.
Раз люди за судьбу свою в ответе,
Сметают их, как видимо, не зря.

Пожары полыхают, воды стонут,
Летят вперёд и пятятся назад,
Моря мелеют, государства тонут,
И скалы вековые трещат.

Вздыхают долго спящие вулканы,
Земля негодованием полна,
Грозят потопом новым океаны,
Несётся смертоносная волна.

И магма уже вырваться готова,
Клокочет огнедышащим нутром,
Грозится не оставить и остова
От места, где когда-то был наш дом.

И хоть пугают нас знаменья эти
И страшно оказаться в пустоте,
Живём с мечтой о красоте и свете,
О верности в любви и чистоте.

* * *

Как благодатен этот шум дождя!
Как эти капли по карнизу звонки,
Как будто бы хрустальные иголки
Иль голос чей-то, радостный и громкий,
Звучит в ночи, мелодию ведя.

Как благодатна эта тишина,
Которая в природе наступает,
Когда отрадный этот дождь стихает...
И словно нас от ужаса спасает,
Царит сейчас с достоинством она.

* * *

Какое счастье – просыпаться на рассвете
И видеть, как приходит новый день.
Какое счастье – быть за жизнь свою в
ответе,
Не зная устали и что такое лень.

Какое счастье – этот вид невзрачный
И веток проступающий узор.
Россия. Март. Снежок полупрозрачный.
И тишина. И неба разговор.

ДУША-ЧАСТУШКА

Частушка – душа народа. Зачем нужна частушка? Чтобы петь и слушать. И волновать простые сердца.

В доперестроечной учебной и методической литературе по фольклору частушки разделяют на крестьянские и рабочие. Но даже и такой классовый подход оговаривается: процесс становления рабочего фольклора близок к крестьянскому, вышел из него в «эпоху формирования капитализма».

Впервые термин «частушки» употребил Глеб Успенский в статье «Новые народные стишки» (из деревенских заметок 1889 года), так они называются из-за быстрой, «частой» манеры исполнения. О времени возникновения частушек исследователи спорят. Восемнадцатый век – рождение жанра? Или вторая половина девятнадцатого? Так или иначе, но уже в 1909 году Павел Флоренский выпустил в Костроме сборник частушек с забавными и точными определениями в предисловии... Литературоведы спорят, принимают или не принимают частушку,

а она живёт, появляются новые, современные. Отмечается ненужное, остаётся лишь то, что запоминается, то есть лучшее, оригинальное, остроумное, меткое и неожиданное.

Ни А. И. Соболевский, ни С. Г. Лазутин, изучая и поясняя рождение частушки, так и не смогли зажечь настоящий интерес. Большинство из наших уважаемых искусствоведов обозначают этот жанр как «несерьёзный». Так ли это? Фольклор исторически предшествовал письменному искусству, и первые попытки авторской индивидуально-творческой работы опирались на художественный опыт певцов и рассказчиков. И как забыть, отбросить это?

В литературе всех стран и времён писатели продолжают учиться у фольклора. На погосте и жальниках лежат талантливые балалаечники, сказочники, песенники. Недоверчивое же отношение к частушке привито из-за ширпотребности. К тому же частушка скомпрометирована поэтами от соцреализма, когда надуманная в угоду властям частушка подавалась как подлинная,

как народная. Жанр такой частушки во времена Руслановой достиг небывалой высоты. Это было какое-то двуличное время. Сельские жители пекли деруны из гнилой картошки, парили в чугунах пшеницу, от которой пухли ноги. Нищие колхозы, голод, бегство по городам... А из города привозили пластинки с частушками, где пелось:

*Мне бы Сталина увидеть,
Мне бы с ним поговорить,
Рассказать бы, как в колхозе
Стало весело нам жить...*

И фильмы («Кубанские казаки») – столы ломятся от хлебосоля.

А колхозник смотрел, слушал и помалкивал. Такие частушки рождались не народом, а поэтами, кормившимися из литературного корыта «в свете решений», слушали в городах – верили, а в деревне на лицах людей читалось недоумение, озлобление.

«Жить стало лучше, стало веселей», – говорили с трибуны, а сельский житель добавлял вполслова: «Шея стала тоньше, но зато длинней». Так рождалась истина. Так было в большом и в малом. Книжники от литературы и до сих пор берут на себя смелость обрабатывать фольклор, «шлифуют» – и часто во вред. Надо понимать прелесть корявости, в этом дух и неповторимость. Собирая частушки – а я собрал их больше тысячи, – я старался не подправлять, не причёсывать их, и даже если был разбит стихотворный строй – оставлял. Давно замечено, что в книжках по фольклору частушка или песня звучит хуже, нежели в устном творчестве, вот пример:

*Сегодня праздник – воскресенье,
Я получше уберусь:
Юбку новую одену
И верёвкой подвяжусь.*

Вот та же частушка изустно – слышал я её ближе к народному языку – звучнее. Нет неправильного слова «одену», оставлено слово «отымалка» – сальная тряпка для чугунов, снимаемых с шестка. А ну-ка:

*Нынче праздник – воскресенье,
Я почище наряжусь:
Сарафан худой надену,
Отымалкой подвяжусь.*

Вот разница! И юмор над бедностью, и шутка, и гордость... И смысл глубже.

Я собираю материал – и удивляюсь многообразию песен, сказок и бывальщин. Это помогает выжить в наше время. Вспоминается один комбайнёр. По инвалидности приглашали его на комбайн только летом, зимой он работал нечасто, скотником. Работая от зари до зари на комбайне, Иван Антонович уставал. «С устатка» покупал где-то самогонки, вечером перед правлением колхоза отплясывал и пел частушки с «зачёсом», политической подкладкой. Я был уверен, что Иван Антонович сочиняет сам, так они были искромётны, задиристы, так ложились на его характер. Я по памяти записал немного. И вот совсем недавно, читая «Русскую эпиграмму», наткнулся на частушку сталинских времён:

*Ой, калина, калина,
Шесть условий Сталина,
Одно из них – Рыкова,
Пять – Петра Великого.*

Как же долго нужно было гулять частушке по свету, скрываться при культе личности и репрессиях, вырваться, появиться выхолощенной на люди. Сравниваю её с первозданной, той, что не раз певал в пьяной храбрости своей комбайнёр Иван Антонович:

*Тарина, тарина,
Большой... нос у Сталина,
Больше, чем у Рыкова
И у Петра Великого.*

В моей родной деревеньке Смирновке так и не увидели жители ни радиосети, ни телефона. Электричество появилось в 1954 году, и молодая эта деревня, а точнее выселки из большого села Рожково, так глуха, ещё глуше, чем в шестидесятых. Затерялась в кустах и оврагах, а по улице не ездят, а объезжают стороной из-за лужи в середине деревни. Отсутствие «цивилизации» восполнял фольклор. Но как жемчужины редки, так и фольклор высокой пробы редок, надо искать и искать. И всё же в жизни и в пении частушек не всё так понятно, как в учебниках и книгах, и было бы вернее учить нам историю по частушкам, чем по двухтомнику Б. Д. Дациока для МГУ и гуманитарных вузов, – правдивее.

В деревенской глуши театром служили избы. Рождались отзвуки на каждое событие жизни. Проследим, как вплетается действительность в песни народа. Главные же события – война и голод, голод и война:

*В тридцать третьем году
Всю поели лебеду,
Руки-ноги опухали,
С лебедухи подыхали...*

Так пели раньше, а что изменилось? Мало. Голодают на Руси. Голод многих поколений давил на психику русского человека. Только за советское время прокатилось несколько волн голодных лет. И в наши годы чувствуются отзвуки этих волн – раскупаются продукты, то и дело говорят о повышении цен:

*Получаю тыщи,
А живу как нищий!
Шутят в народе. Шутят и припасают. По-*

тому что напуганы:

*Подружка моя Маня,
Какой трудный этот год,
Голод пляшет, голод скачет,
Голод песенки поёт...*

Помню ещё, как приходила к моей бабушке подружка, бабка Ганя, высокая, гнутая старуха. Бабка Ганя мылась, крепко поддавала пару в нашей бане и угорала. Моя бабка опускалась в погреб, тёрла хрен от угара, и они выпивали по мерзавчику самогонки. Тогда являлись частушки явно очень далёкого времени:

*Не судите, господа,
Что я отерхался,
У мене тятка такой был,
Я в него удался.*

«Отерхался» (обносился) теперь вряд ли кто поймёт, а вот «господа» повторяют часто... Угар у бабки Гани проходил быстро, она выходила на середину горницы и распалась, наклонялась и стучала кулаками в пол:

*Чи-чи-чи-чи,
Все поели калачи,
Самогонки выпила,
Середина выпала,
Края покорило,
А я всё не робила!*

Крестьяне распели не только частушки, но

и песни литературного происхождения, как бы осовременили их, породили свою полулитературную-полуфольклорную традицию, и примеров тут множество. Народной поддержкой, изустно дошли они до наших дней, и сейчас на красавцах-развалах книжных магазинов вы не найдёте сборников этих песен, частушек – они раскупаются тотчас. А пелись они не только на застольях и по праздникам, пелись за прялками, ткацкими станами, перед зыбками...

*Пора спать, пора спать,
Восемь отцов – одна мать...*

Эту частушку я услышал от совершенно безграмотной старухи, она называла её пригудкой. Дочь привезла из города сынишку, оставила и снова уехала в город. «Хвост морковкой – и укатила, – обижалась старушка на дочь, – а мать мучайся...»

Поразительно, сколько искренней боли, тёплых, а то и мрачных воспоминаний я услышал о деревне... в Москве! Да что говорить: Москва, Рязань, райцентры – из деревень. Если не отцы, так деды, не деды, так прадеды из деревни: «Чаво?» – а сама или мать её – из села их. Сразу узнаешь, убегут и напирают на «чаво», а послушать – откуда-нибудь из Перпердищева. «А мене и тут хорошо!» Или «фатай и клади мене в мяшок!».

*Вот куда я залетела,
Куда чёрт меня занёс,
Лучше б я сидела дома,
Работала на колхоз!*

Получили денежки – страховку за сожжённые своими руками дома – и уехали из этой «неперспективной», и вовремя: теперь деревня съедает деревню, жгут старые срубы, оставшиеся пустыми дворы – на дрова...

Из Перпердищева. Это они пели, когда землю давали по едокам, хвалили советскую власть (они раньше всех смекнули, кому надо угодить, чтобы пригреться по городам, не платить «эти налоги»):

*Рассыпся, горох,
На четыре части,
Ах, что же не сплясать
При советской власти!*

И речка есть такая, бабы и девки поло-скали бельё исподнее и «причинные места», и называлась «п...мойка».

Колхозы, совхозы, глады и моры, потом тридцать третий – всех хуже, когда «руки-ноги опухали, на дорогах подыхали». Спросишь про старые времена какого-нибудь древнего старика, силится вспомнить что-нибудь хорошее – вспомнить нечего: «Лаптей не снимали...» Рождались в народе какие-то песни не песни, какие-то причты, предсказания, что ли...

Будут глады и моры,

Будет всемирный потоп... –

запоёт какая-нибудь старушка, встряхнёт медяками в алюминиевой кружке на паперти, так мрачно, со старческими слезами на глазах, что содрогнёшься...

Война. Похоронки – вдовьи слёзы... Казалось бы, до частушек ли в такие мрачные времена, до песен ли? Но пели песни, и частушки, и на балалайках играли... Как во времена Ноя: дождь всё лил и лил, заливало крыши, а пели, женились, рожали...

Я спала, меня будили:

«Вставай, алые цветы,

Твоего отца убили,

Сиротой осталась ты».

Через поле яровое,

Через райпотребсоюз,

Из-за Гитлера косого

Старой девой остаюсь.

Сыграй, Ваня, елецкого,

Елецкого, елец!

Красна Армия дерётся,

Скоро Гитлеру конец.

Война породила свои песни, частушки. На фронт ушли отцы, братья, женихи. Рязанских невест с воем и плачем сгоняли на лесоразработку, копать окопы, на заготовку торфа...

Никто замуж не берёт,

Говорят: «Торфушки»,

А мы не сами от себя,

От немецкой пушки.

Жизнь не остановилась: любили, ненавидели, страдали:

Полюбила лейтенанта,

Оказался – старшина,

К нему приехала жена

И четыре пацана.

Шла война, и жизнь шла, несмотря ни на что. Уговаривали женщин, уговаривали женщины:

Не носить тебе, залёточка,

Широкого ремня,

Не найти тебе, мой милый,

Уважительней меня.

С войны приходили «излом да вывих», женский труд был невыносим, и пелись частушки самые сокровенные, искренние, пронзительные до слёз.

Во колхозе «Красный Бор»

Переделали меня:

Я и лошадь, я и бык,

Я и баба, и мужик.

И сколько страной правил вождь всех народов, мудрейший из мудрых, ночами бдящий в Кремле, – всё время люди верили, что Сталин не знал, не видел, что творилось в колхозах. Это тоже черта русского человека: «царь хороший», «министры – хамы и воры», ему не докладывают, заняты. Это теперь и наши президенты взяли на вооружение: выбрасывают министров, сами остаются. Десятилетия. И тогда так было. Занят он великими делами, думами о народе, некогда: «Он наш корабль к победам вёл сквозь годы...» Но вот и кончилась война, слава богу, а Сталин всё ещё не знает ничего о простом народе.

Дорогой товарищ Сталин,

Ты не знаешь ничего:

Шестьдесят четыре девки

Обнимают одного!

Мне не раз приходилось говорить со старушками, бывшими трактористками, с искривлёнными позвоночниками, скрюченными тяжёлыми мужскими руками; вспоминали они перетяжки колёсных тракторов, «как по пять-шесть человек становились возле трактора и дёргали за верёвку», чтобы завести трактор после этой самой перетяжки. Трактора были ХТЗ, «хрен трактористка заработает». Но любовь неистребима, хотя эти ХТЗ и ЧТЗ душу выворачивали и ночами сводило руки от баранок тракторов:

Я иду, а мне навстречу –

Трактора, всё трактора...

Почему любовь не лечат

Никакие доктора?

Надежда – религия женщин, дождались, думали: пришли с фронта мужики, те, что уце-

лели, они впрягнутся в работу, сядут за трактора... Дудки! Кто предколхоза, кто завскладом, кто на молочно-товарную ферму устроился. Трактористкам, торфушкам, нюшкам на стройках и на полях не полегчало. Но надежда выйти замуж неистребимо жила:

*Я иду – они лежат,
Лейтенанты на лугу,
Тут уж я не растерялась,
Тут уж я уж не могу.*

Ох уж эти лейтенанты, молодые, неутомимые, не дремали ни на войне, ни после:

*Вот и кончилась война
Девятого мая, в ночь,
Лейтенанты оставляли
Кому сына, кому дочь.*

После войны бабы вытерли слёзы, глянули: смотри-ка, не все пришли без руки, без ноги, без глаза, не все лежат в земле, приходили и без царапинки, шли посылки из Германии, на двухтрёх подводах привозили оттуда ковры, платья, велосипеды, мотоциклы... Посылочка с мылом, в мыле – золотые кольца. Это солдаты прятали, а генералы везли эшелонами. Гляди-ка, вот тебе и война: «Кому война, а кому мать родна...»

После-то разобрались, что были похоронки, были в плену, инвалиды, а тут ещё «участники» войны, не понятные никому, без царапинки, немца в глаза не видели... А русские женщины, рязаночки, торфушки, не евские, не спавшие, четыре года не видевшие хлеба – не участники войны. Ну, думали, сядут теперь за тракторы, поднимут колхозы. Не тут-то было. Мужики – они и есть мужики, они не живут надеждами, принялись устраивать свои личные дела и новые семьи... Вышло так, что и трактористкам – вовсе не участницам – надо пахать.

*Из Германии прислали
Кому шаль, кому бостон,
Не тужи, подружка Маня,
Оплетёмся хворостом...*

Хочешь не хочешь, а за своё женское счастье надо биться. Быть красивыми и привлекательными, как-никак мужики наперечёт. Да к тому же и они раненые, контуженные, излом да вывих. Но в надежде состояться семье приходится любить и таких:

*Ах, туфли мои,
Каблучок на бочок,
Один вечер постояла,
Заметила: дурачок.
А целовали крепко – не так, как теперь:
Через тырь-монастырь
Лебеди летели,
Меня милый целовал –
Лапти отлетели!*

Сорок седьмой год, засуха. Голод хоть и «отменили», а хлеб давали по спискам. Газеты без портретов вождя редко когда выходили. Снижены цены на спички. Донашивали военные сапоги, гимнастёрки, галифе. Может быть, это удел русских: учиться и терпеть? Призрак надежды вселял в умы и сердца «товарищ Сталин». Лаптей в рязанских деревнях по-прежнему не снимали, спали на кулаке, некогда, а налоги вконец разорили:

*Наш колхоз «Путь Ильича»
Птицефермой славится,
А колхозник видит яйца,
Когда в бане парится.*

Я как-то нашёл у деда квитки по продналогам, до семидесятого года хранил, запугала не на шутку советская власть. Берёг он их в сумочке, когда-то, наверное, модной. Там же лежал двойной орех на счастье и «чтоб деньги водились». Рассказывал дед, что был налог с яблони, попилили яблони, чтобы налог не платить. Был налог на брынзу, то бишь сыр овечий. Но Рязань-то – не Чечня и не Молдавия, и в рязанской деревне так и не наторели доить овцу, не научились, даже из-под палки. А вместо брынзы – бегство из разорённых деревень, повальное бегство в города. Хоть к чёрту на рога, лишь бы убежать из колхоза:

*Туголесское болото,
Растуды его туды,
А на лето, жив я буду,
Не поеду я туды.*

Но уехать было непросто. И за справочку ложились под председателей. И какие жизненные драмы из-за этого, разве перескажешь, а ведь это были времена Руслановой, «моменты».

*Раньше были времена,
А теперь «моменты»,*

*Даже кошка у кота
Просит алименты.*

Голод заставлял воровать. Карманами, кошёлками, подводами – это внизу, а наверху – по-чёрному. Кто боялся – умирал. Аресты, лагеря, расстрелы. «Сталин занят, не знает...» Слушали Русланову:

Ва-аленки да валенки-и...

И люди переставали верить себе: вроде бы я и не я... А были передовицы с умными обнадёживающими речами, трибуны с вождями и подручными, мордастенький и пухленький Молотов, Ворошилов с хорошим «политическим зачёсом»...

*У мово милого
Политический зачѣс,
Как у Ворошилова!*

Тяжёлыми временами, сняв вонючие лапти, с оглядками и шепотком взглянув на агитплакат с портретом Сталина, шептали: «Когда он, сука, сдохнет-то?...» А в лагерях будто бы знали, что скоро «ус дуба сечанёт, скоро, немного осталось, потерпим...»

За частушки и песни, самородные, неизвестно кем и где рождённые, давали срок, расстреливали, и всё же их пели:

*Когда Ленин умирал,
Сталину приказывал:
Хлеба вдосталь не давай,
Мяса не показывай.*

За политику, то бишь за убеждения, давали пятьдесят восьмую статью и – «по рогам». Я знал кривого, маленького, совершенно безграмотного мужика, пастуха, «политического». Он, получая пенсию, ставил крестик...

В то страшное время ходили переодетые люди, называли себя чекистами. И где они только не торчали: в грязных пивных, в железнодорожных столовых, где был самый дешёвый суп-лапша, возле уборных при станциях, где курят и коротают время... До наших времён дошёл анекдот. Будто бы мужичок безногий, фронтовик, выпил разливного в такой «столовке», вытер губы и сказал в задумчивости: «Вот гад уса́тый, довёл Россию...» Тут же в куртках кожаных – его под белы рученьки и прямёхонько к Сталину. А надо сказать, что существовала эта вера в народе, что Сталин всегда тут, рядом.

Так вот, приводят, в шею мужичка, на коленки поставили: «Так и так, – говорят, – вот его слова...» Сталин оторвался от трубки: «Поднѣмись... Ви кого имели в виду?» Мужичок опять бултых в ноги: «Гитлера, товарищ Сталин, кого ж ещё... А эти – хватают, толкают...» Сталин покурил, подумал и показал на чекистов трубкой: «А... ви кого имели в виду?...»

Но не всем удавалось отделаться так легко... И вот надо было этому пастуху выпить в буфете, выйти и спеть... Обозначить национальные границы вождя всех времён:

*Слава Сталину-грузину,
Дорогой товарищ мой,
Что обул нас всех в резину,
Не качай, брат, головой.*

Частушка, правда, уступает той, что певал автор «таринны», о котором я упоминал вначале, но её вполне хватило, чтоб с этого момента дядя Ваня кривой, «политический» пастух, в деревне не появился. Ровно до того момента, когда «ус дуба сечанул». После ещё два года думали, отпускать его или не отпускать. Отпустили, он уже не ходил, лежал и всё же пел. Давали ему срок, да ещё, как он говорил, «по рогам» – поражение в правах, которых у него и так не было. «Больше не споёшь... – с каким-то странным злорадством говаривала ему жена, тоже безграмотная лишенка, "супружница" политического зэка. – Обратали, глянь-ка, да как скоро... Лежи теперь, жди смертушки... Больше не пой...» Неутомимый дядя Ваня, с клочком кожи на правом глазу, всё же пел:

*Берия, Берия,
Вышел из доверия,
Присудили на суде
Оторвать ему муде.*

«Тьфу, что сидел, что не сидел... – жаловалась сыну бабка Фрося. – Его, дурака, опять посодют. Милянков посодит. На чём душа, глянь-ка, держится, место облюбовал на кладбище, а как где самогону выжрет – за частушки. Либо за песни. Хоть ты ему скажи, может, послушает тебя...»

Сын жил в райцентре, часто приезжал, читал отцу газеты и, выпивая с ним, тоже любил говорить про политику. А бабка Фрося, наливая щи, подкладывала то хлеба, то картошки, искоса

глядела на мужа и сына, помалкивала с таким видом, будто всё, о чём говорят, всё это ей давно известно и не стоит внимания. Не любила она «политику», не знала, что это слово обозначает в точности, но запрещала хулить начальство. А тут как раз налоги «скостили», и дом справился, и бывший политический зэк духом ожил:

*Слава, слава Маленкову,
Слава ему – тыщу раз,
Что скостил налоги с нас!*

Когда наступили хрущёвские времена, анекдоты поползли, да такие злые, острые и ядовитые, аки змеи гремучие. Хрущёв, потрясая кулаком над своим голым черепом, уверял, что подошли к «коммунизму», уже стоим одной ногой... И никто не знал толком: какое государственное устройство при коммунизме и будет ли надобность вообще в государственном устройстве, этом аппарате насилия. В деревне так и говорили: «Лафа будет... Хошь – иди на работу, хошь – лежи, спи...»

*Нажал на кнопку, чик-чирик –
Сосиски с колбасой,
Нажал на кнопку, чик-чирик –
И ты уже косою.*

Повышены были цены «временно», и не только на водку, резали скот, появилось мясо лошадиное «махан» (по-татарски). Крещёные люди отплёвывались, пьяные закусывали колбасой из конины с чесноком. Всё же не пустым рукавом, какая-никакая закуска. Сам же Хрущёв и его окружение в те времена уже были в «коммунизме».

– Юрка! – орал в подпитии Хрущёв на всю страну, целуя первого космонавта. – Юрка! – Радио выключили, дабы страна не узнала пьяный ор деятеля в коммунизме. На дармовщинку вокруг Хрущёва все жили в коммунизме; горизонт, эту мистическую линию коммунизма, видели трудяги – они горбатились и платили за мясо, масло «временные цены». Стоглавыми гидрами очереди за хлебом – с частушками:

*Сталин на дуде играет,
Хрущёв пляшет трепака:
Всю Россию разорили
Два советских мудака.*

Бывший политический зэк дядя Ваня наладился гнать «горюшу», настроил в банешке

чугун. Чугун на чугуничик – и стыки смазал глиной и ржаным, каменевшим от жара тестом. Змеевичок же – из медной зелёной трубочки в три кольца согнул...

*Подтопок с холодильничком
И трубка в три кольца.
Опять в Сибирь на каторгу
Угонят молодца...*

Ваня-политзэк сменил клочок кожицы на глазу, повеселел, дело пошло на лад. Глядь – борьба с самогоноварением, да не кто-нибудь из колхозного начальства «каркал», а сам!

– Цэ, – цокал дядя Ваня. – Похож, сурьёзно, ребятушки... Ну ничево! Ничево, ничево! Это он так, для куража, фраер плешатый...

Под покровом глубоких ночей, до самых утренних зорь дядя Ваня турил горюшу и частушки «тарина» про Сталина уже не пел...

Гнали «озверин» по-чёрному: из сахара со свёклой, из гороха с томатной пастой, потом, ближе к весне, – из картошки, из картофельной кожуры.

*Самогон, самогон,
Как твои делишки?
Всю картошку перегнали,
Плачут ребятишки.*

Шли годы, умер политический зэк дядя Ваня. Правда, нет ли, говорили, что перед смертью бедолага приказал Фросе, чтоб в гроб положили две бутылки самогона. Почему две, так никто и не узнал. Умер и тот, кто развенчал культ Сталина. Чёрно-белая голова, разделённая вдоль чёрно-белыми глыбами, увенчала место его последнего пристанища...

*Времечко идёт,
Время катится,
Кто не любит и не пьёт –
После хватится...*

А вот и время гениального орденоносца. Брови, лесть, подношения и – опять, ещё хлеще – в народе самогон. Отмешивали политуры – «Полины Ивановны», отжимали через тряпки на заводах клей БФ из бочек – «Борис Фёдорович» – и пели:

*Мы не немцы, мы не турки,
Можем хряпнуть политуры.*

Все думали, что экономика должна быть расточительной, генсек поправил: «Экономика

должна быть экономной». Пили и за это, пили всё подряд, а в очередях говорили под стать Чацкому: А нам хоть что, нам – лишь бы с ног валило! ...Пьём всё, что горит, и дерём всё, что шевелится!

И время как бы застыло, заспиртовалось, как заспиртовывается мозг в голове алкоголика. Но это только казалось. И опять – воровство по-чёрному, взятки, приписки, ордена и звёзды. Урывками – зайдут работяги, купят в белой «козыночке», за углом дёрнут зубами за краешек, за хохолок... Мало... Ещё...

*Много нас, таких Иванов,
На святой Руси...
Можем выпить сто стаканов –
Только подноси.*

– Как живём-можем, ребята? – пристраивались к ним такие же, те что горбатились, и пили за углом, там, где мочатся и ходят по-серьёзному.

*Передайте Брежневу,
Что живём по-прежнему!*

...В застойные времена русская кобылка разгулялась так, что не стало никакого удержу, казалось, что «цивилизация» попятилась. В Белокаменной целовались и награждали. Афганская трагедия не отряхнула и не отрезвила буйные головы. Но тогда ещё никто не знал, что след её дотянется до нас и через Чечню. Гибли лучшие молодые ребяташки, «недолюбив, недокурив последней папиросы», а в это время борзописцы от имени генсека сочиняли, как воевал он, как бросили землю в центре России и подались на целинные. Алчность, пьянство, взяточничество, туфта в виде приписок разливались морями. И пили не переставая, цены уже никого не приводили в смятение:

*У мово милёночка
Хорошая походочка,
А теперь походочку
Раскачала водочка...*

Перестройка. Ценами по рогам... «Чего? Десять рублей? Ну, пиши пропало... бабы посоветовали генсеку... Червонец!» Притихли мужички, решили: «Режь последний огурец!» И всё так: чего, мать-перемать... Законы? Это какие такие законы? Сухой?

*Водка стала десять, восемь,
Всё равно мы пить не бросим,*

*Передайте Горбачу:
Нам и двадцать по плечу,
Ну а если будет больше,
То мы сделаем как в Польше.*

Как в Польше не сделали. Сначала покупали самогон за восемь, потом за десять-пятнадцать рублей, и то днём с огнём не сыщешь, и тут частушки:

*Передайте депутатам:
Сами гоним, сами пьём,
Никому мы не расскажем,
Где мы дрожжи достаём!*

А старушки, те, что остались доживать в деревнях, как выпьют рюмку – плачут: что хорошего видели эти ровесницы советской власти?.. А частушка и тут жива. Перестройка? Да кто ей поверил, этой перестройке?

*Перестройка, перестройка –
И я перестроилась:
У соседа ох какой!
Я к нему пристроилась.*

Который год уже ломают головы над законами, играют в доверие-недоверие друг другу хорошо прикормленные властью люди. Никогда в России законы не были и не будут волей народа, никто их и раньше не знал, юристы путались в них, как в тенётах, слушались, что прикажут по телефону. «Телефонное право». Закон для начальства – тьфу и растереть. Закон для народа – то же, что и паутина для шмеля: «Муха увязнет, а шмель проскочит».

А депутаты спорят до хрипоты, каждый тянет одеяло на себя:

*Депутату депутат
Дать по морде был бы рад,
Только вот тревожится:
В регламент не уложится...
Хоть шаром покати в магазинах:
Раньше ели каждый день,
А теперь – с получки,
Этот, с пятнышком на лбу,
Нас довёл до ручки!*

А тут – чай! Да какой, турецкий! Чтобы его заварить, надо в кухне занять нечто подобное литейке!

*У рязанских мужиков
Хорошая пища:*

*Утром чай, в обед чаёк,
Вечером – чаище.*

Выпили и чай турецкий, выпили и водку «бурёную» из технических спиртов со знаками радиоактивности – оранжевым пропеллером – вместо забытого знака качества СССР. Подсчитано, что в одной только Рязанской области погибло от водочных отравлений больше, чем унесли войны. Афганская и чеченская, вместе взятые. Это теперь, а тогда только догадывались: «Вот кто-то хапнул за этот турецкий чай!» Это были относительно «тёплые времена», когда воровали с гласностью, но уже с ускорением: своруют и оправдаются в печати. Потом ускорение оставили, а на гласность начхали: «Какая «четвёртая власть», когда нет первых трёх?»

Теперь уже никто и не вспомнит рыжковский «Антей», отправлявший военное вооружение через Владивосток, забыли. Подорожала лапша на двадцать копеек – и этого хватило, чтобы премьер получил «инфаркт». «Подождите, – сказал он напоследок народу, – мы что, вот за нами придут...» И не ошибся. Растерзали СССР, потекли за рубеж нефть, газ, уголь – всё. Появились иностранные деньги – в тысячи раз дороже наших родных рублей. Подивился народ: диковина! На деньгах перетянутые по горлу сенаторы, на другой стороне – усечённая пирамида и глаз... Зачем нам «вражьи деньги»? Но щупали с уважением, с нескрываемым интересом:

*Обнимаю милку жарко,
День и ночь с ней провожу,
Дам пощупать дойчмарку
Или доллар покажу.*

Вышла санкт-петербургская программа Неврозова. Не бросили пить, стали смотреть: даёшь «секунды»! Ищут спонсоров для разграбленных новой властью детдомов и школ. Спонсоров днём с огнём не сыщешь, а демидовское Останкино до сих пор имеет основой слова «останки». Настоящее «спонсорство» умерло с Демидовым.

Тут рывкнул кто-то: «На рельсы лягу, а нового повышения цен не допущу!» И поверили: «Управляй!» Легковерный русский народ! И дальше: «мэр», «импичмент»... пошла душа в рай, хвостиком завияла. Дела пошли тогда крутые: отчаянная, с убийствами драка за власть,

а народ всё ещё не видел, не слышал, словно ослеп. Занят был только насущным, бесхлебьем:

*Никому теперь не дам,
Никакому хахалю,
Только Мишке Горбачёву
За кусочек сахару.*

Отъезжающий главный редактор самого известного в те времена журнала «Огонёк» на таможене потрясал списком «проворовавшихся генералов».

– Почему уезжаете? – допытывался у него репортёр.

– «Общество пьяниц и воров никогда не построит коммунизм», – цитировал тот Солженицына. – Я представил доказательства, вот они. После этого генералы названные должны были судиться со мной или застрелиться, ничего подобного не случилось, и вот я уезжаю...

Это был 1989 год, начало. И все поверили. На что же обиделся главный редактор самого семейного журнала с небывалым тиражом? Ему ли не знать было тогда, что коммунизм в этой стране уже не строят, строили шелудивый капитализм. И сам этот редактор строил, оттого его и в Америке приняли с распростёртыми объятиями, и денег дали. Оплевали армию, четыре раза кастрировали контрразведку, разгоняли и меняли ей названия вплоть до 1995 года.

И вот началось ещё злее, страшней, сатанинская пляска. Голод, самый настоящий сделанный голод перед смутой и выборами. Астрономические цены на табак. Чтобы купить хлеб и молоко ребёнку, надо отстоять в очереди полтора-два часа. Это пошла уже «реформа». Сушь, жара, хлеба постели, небывалые хлеба. Самое время для жатвы, а страна всенародно выбирает президента, первого президента в голодающей стране... Что ж, неплохой зачин.

Вместо сухого закона пришёл закон «мокрый». И побежали багажные вагоны по Транссибирской магистрали: сотни ящиков с самопальной, самтревостовской водкой, техническим спиртом. Багажники и проводники не дремали и толкали сигареты и водку «от мафии». Это потом уже узнали, сколько потравилось и умерло тут же, не отходя от станции, где-нибудь под Архарой или Харагуном.

Водка, сигареты, ваучеры... а частушки падают без усилия, как падают осенние листья или мысли, по-настоящему созревшие до истины... Народ только ахает на появления «колдунов», «народных целителей» и не унывает, несмотря ни на что:

*Говорит старуха деду:
«К Кашпировскому поеду,
Установку получу,
Снова замуж захочу!»*

Мой сосед по лестничной клетке Виктор жаловался как-то:

– Полечиться негде. Все толковые врачи по кооперативам разбежались. У меня друг – битюг, заболел серьёзно. Три дня на бюллетене продержали – и уходи, больше нельзя, по закону. Он пошёл домой – и в обморок. Врачи опять его лечить, а потом месяц не отпускает, всё следит за ним, боится, молодая ещё. А Кашпировский не боится. Всех лечит. Уехал в Америку и там вылечил. Дочь хвасталась: шов рассосался. Какой, спрашиваю... Раньше рожала – не могла, а теперь не родила, а выплунула. Наслушалась кашпировских-то... Известно:

*Сталин встал, развёл руками:
Что с вами делать, с дураками?!*

Слушаю я соседа, трудно с ним разговаривать: всё знает. Народ всё знает, от него не утаишь. А Сталина вспоминают всё чаще, тот не допускал такой крови, что полилась сейчас. Может быть, он и впрямь был мудрее... нынешних?

*Я теперь живу в России,
Мой милёнок – в Таллине,
Хорошо, что поженились
Мы ещё при Сталине...*

Верно, по нынешним временам пожениться, пожалуй, не получилось бы. Только для того, чтобы увидеть милого, нужно выложить долларов двести (лимон) за визу. Кто-то приклеился и здесь обирать простой народ. Но это открытая преступность, так сказать, рецидив, а скрытая? На улицу ввечеру носа не показывай: девяносто шестой год! А ведь ещё греки говорили: тот не человек, кто не смотрит вечером на звёзды. Чтобы хоть как-то сберечь свои жалкие пожитки от воров и убийц, ставят железные двери и квартиры собственными руками превращают в тюрем-

ные камеры, а дома – в казематы. И добровольно «сажаются», с выходом только на дневные работы и в магазин. В этих супер- и мини-маркетах, «шопах» цены уже давно космические, а на рельсы никто и не думает ложиться. Не купишь, так хоть полюбуешься. А преступность разгуливает на свободе. И ещё – президенты и «дума». Впрочем, и думу отстреливают. И тогда она голосует за недоверие, но недобирает голосов, и всё кончается полюбовно и для «исполнителей», и для «законодателей». А в нищих, совершенно брошенных колхозах сочиняют:

*Мой милёнок мафиози,
С ним теперь живу в колхозе,
Так вершится день за днём
«Смычка» города с селом.*

Всенародно избранные бросают любимый волейбол и играют в заморский теннис. «Страшно далеки они от народа». Ищут монархии, вот чего. А ну-ка, где там наши Романовы из Америки, давайте их к нам, всходите на престол. А Романовы не едут, боятся: делёж собственности в СНГ неистовый. Девятнадцатилетние киллеры отстреливают по десять человек в месяц и остаются неуязвимы. Да кто их зовёт, Романовых, они видят, кто их зовёт! Те, кто от последнего пристанища царя Николая Александровича и всей семьи его камня на камне не оставил, а что уж о простых людях говорить. Архитекторы перестройки.

Поразительно: в одной руке теннисная ракетка, в другой – свеча. А как креститься и поститься – не знают. Народ только руками разводит: что за правительство? Войны, заложники, убийства, нищета... и храмы строят. А на паперти тех храмов нищих – пруд пруди. «Что оно, это правительство, греха, что ль, не боится?» – «Да они отмаливают своё воровство». – «Да строят-то на наши, на народные, или, как они говорят, “из бюджета”».

Патриарх в интервью ответил на вопрос об Апокалипсисе так: «О времени же том никто не знает». Верно, так и сказано в Писании.

И как бы ни хороша была частушка, а только ли частушка – душа твоя, народ?

Дайте мне услышать песни народа... и нет уже мне дела до тех, кто там пишет законы. Законы – ложь, а народ правду знает!

Василий КИЛЯКОВ

КАРАИМ

– Шторм. До утра парома не будет.

Эти слова означали: Борису надо смириться, что он застрял здесь без малого на сутки. Влезть в автобус, вернуться на нём в Керчь, а там – выйти, чтобы слоняться по городу.

На раскалённых улицах – духота. Гроза, стремительная и желанная, бродила где-то за горизонтом.

«Ну какой ещё шторм в такую погоду?..» В любой нормальной, привычной к материковым порядкам голове такое укладывается с трудом. Определив направление, он скоро вышел к набережной. Море било о берега под безоблачным небом. Брызги долетали плевками, холодными и освежающими.

Поодаль белые яхты и пёстрые катера сбились у причала, как куры на невидимом настиге. А совсем рядом огромный, будто всплывшее морское чудовище, нагруженный корабль медленно и грандиозно менял курс, готовясь пришвартоваться. Несколько минут, заворожённый зрелищем, как в детстве, Борис не мог оторвать от корабля взгляда.

Наконец кипящие волны были побеждены – исполин, покачиваясь, на самом малом ходу двинулся прямо.

* * *

– ...Если, оказавшись здесь, идти не торопясь и оглядывать дома, читать вывески, вдыхать причудливую смесь запахов города и моря и сворачивать с новых на старые улицы, то город начнёт вам приоткрываться... – На тесном пе-

рекрёстке Борис догнал экскурсию и ненадолго задержался среди группы людей, внимавших приятному поставленному голосу: – И тогда под маской промзоны, стратегического порта и транспортного узла различается сначала недавняя история, отчаянная и героическая. Вы, конечно, уже слышали об Аджимушкайских каменоломнях, о столетидневной их обороне. О бессмертных героях Эльтигенского десанта. В честь тех и других названы улицы нашего города. До этого – времена чужих владычеств, когда город и окрестности были одними из самых дальних окраин Крымского ханства и его покровительницы Блистательной Оттоманской Порты*. Мы проезжали мимо Босфорского переулка. Ещё раньше был период запустения и упадка – он не слишком хорошо отражён, да и незачем. А перед ним, до всего этого – далёкая эпоха расцвета столицы могучего царства**, бросившего вызов величайшей империи древности. Если бы война тогда завершилась по-другому, то и Центр мира, то самое место, куда ведут все дороги, мог быть не где-то в Риме, а прямо здесь – в Пантикапее! – Обладатель приятного голоса приподнялся на какую-то невидимую из-за спин ступеньку и оказался пухлым гидом с заметной залысиной. Он сделал паузу и пристально оглядел своих подопечных, как будто

* Блистательная (Высокая) Порта – резиденция турецкого султана либо местопребывание турецкого правителя, а также наименование самой турецкой монархии.

** Оратор неточен: Пантикапей (одно из названий Керчи в древности) был столицей Боспорского царства, поглощённого Понтийским при Митридате VI Евпаторе – царе, активно противостоявшем римскому государству.

решая, стоит ли ещё взвинтить пафос своей речи или же рассказать подходящий случаю анекдот.

Борис отразил долгий подозрительный взгляд соседки в пятнистой панамке, цепко прижавшей сумочку к животу, и заставил себя двинуться дальше.

– А там – знаменитая лестница без малого в полтысячи ступеней, – продолжал за спиной гид. – Мы на неё ещё поднимемся! – В ответ донёсся восторженный и горестный гул.

* * *

Борис остановился под навесом с вывеской «Вино на розлив». Сразу отвернулся от фруктов и бутербродов – в животе и так уже урчало от голода, – а взял только стакан каберне. «Денег-то в обрез. Ночевать придётся сидя на переправе. Или на скамейке под платаном. Или... Или?..»

Огляделся. Через дорогу старинный дом среди большого сада. Красная черепица над белой стеной. Такие крыши ему здесь не встречались.

– Кто там живёт? – спросил смуглого парнишку-продавца. Тот выглянул из-под навеса и наморщил лоб, припоминая.

– Самуил, – ответил наконец. – Да, точно. Караим. Так его зовут.

Борис кивнул, опрокинул в себя последний глоток и двинулся в сторону дома. Даже не спросил, что за странная фамилия – Караим.

* * *

Тёмный Угол выгнал старика Самуила на крыльцо.

Самуил прошептал молитву, глядя на заросший переплетёнными кустами юг, и сразу отправился к выходу, держа в поле зрения стену, чтобы опереться, если устанет. Теперь вот сидел на скамейке по колено в тени – так, что ступни пекло солнце, – и никак не решался вернуться.

Фасад его дома выходит на одну улицу, сад – на другую. А Самуил – самый старый на них обеих. И как же долго у него никак не получается умереть. Это последняя его забота. В ящичке стола под лампой лежит особая тетрадь-

ка с потрёпанными углами, где записано, кого звать на похороны. Раз в полгода он сверяется и уточняет: все ли приглашенные живы сами, в уме ли они и точно ли в силах приехать? Порой приходится вычёркивать и думать дальше.

Жаль, что уже нет Симы. Хорошо, что есть Майя, её сестра. Она обо всём позаботится и ничего не упустит. Зря только он ей ТАК сказал в тот раз. Но это, понятно, стариковское. И она, кажется, отошла от обиды. Но всё равно зря...

* * *

Борис подошёл к ограде. И за каким лешим его сюда потянуло? Дом как дом, каменный, крепкий. Сад за ним – видно, что хороший, хотя и малость запущенный. Но пугало в шляпе вон выставили от птиц, чтоб не так клевали. Ладно, постоит, посмотрит и решит, куда двинуть дальше – ничего страшного в этом нет.

Всё вокруг было тихо и неподвижно. Подняв голову, Борис заметил, что прямо над ним нависла отяжелевшая ветка груши. Руки потянулись сами и сдёрнули два спелых плода. Почему не попробовать обмануть ими голод?..

Вдруг ему показалось, что пугало в шляпе пошевелилось и взмахнуло рукавом. А потом с глухим стоном опрокинулось назад, на горку насыпанного щебня. Борис тоже невольно вскрикнул. Из дома никто не вышел. Тогда он поддел щеколду калитки и вбежал внутрь.

Шляпа отлетела в сторону. На щебне лежал старик и пристально смотрел на него.

– А спросить язык отсох? – глухо выговорил он, не отводя взгляда. – Не пацан уже.

Глупо. Ни на чём подобном Боря не попадался лет с одиннадцати.

– Вам помочь?

– Руку дай.

Опершись на молодую крепкую руку, старик снова сел на скамейку.

– Шляпу.

Борис наклонился и, стряхнув с неё пыль, подал ему. Старик водрузил шляпу на голову, чуть поправил.

– Спасибо.

Борис пожал плечами:

– Не за что.

– Ну что? Ешь.

Тут Борис заметил, что обе груши по-прежнему сжаты в другой его руке.

– Неудобно, – тихо ответил он.

– А рвать чужое – удобно? – И помолчав, старик решил: – Дай мне одну, а второй угощайся.

Откусив и старательно прожевав кусок сочной мякоти, хозяин сада представился:

– Я – Самуил.

– А меня – Борис.

Старик улыбнулся краем губ:

– Присаживайся, Тебя-Борис, есть место.

* * *

Они сидели в доме за столом. Самуил показал гостю, где что искать, и тот сам выставил на стол и холодное мясо, и разогретые на плите фаршированные перцы, и козий сыр, и фрукты из сада, и округлую бутылку с крепкой многолетней настойкой.

– Будем знакомы! – решил на тост Борис.

Оба выпили до дна.

– А ты откуда сам? – выдохнув, спросил Самуил.

– Родился в Крыму. Но мы рано переехали, так что я почти ничего не помню.

– И так бывает, – согласился хозяин.

– Вы ешьте тоже, Самуил. Чего ещё положить?

– Доем – тогда и добавишь. Мне бы твой аппетит. И лет на двадцать пять поменьше.

– А вы скиньте мне из своих.

– Сам наживёшь и не заметишь.

Борис налил ещё «под перцы».

– Я давно живу, – с усилием заговорил старик, – и с детства знаю, что у нас почётная фамилия. Моего деда помнят в Японии. До сих пор. В своём последнем бою он один убил восемнадцать самураев. Сначала у него был наган, потом только сабля. Вон те ножны, – он кивнул на дальнюю стену, – от неё. На лезвии остались зазубрины от всех ударов. Вокруг него одного лежал взвод мёртвых солдат с командиром. Говорят, у тех, кто упал на спину, у всех были

удивлённые молодые лица. Почести к его телу приходил воздать сам их генерал. Саблю они вернули, но сперва выковали точно такую же и выставили в своём музее славы. Написали, что это – оружие великого воина... Здесь? – он произнёс немой вопрос, который ожидал увидеть в Бориных глазах. – Нет, никто про него не знает.

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

– А ваша почётная фамилия – Караим?

– Нет, бойдак^{*}. Караимы – это народ; его называли святым народом. И особая вера, которую предки считали самой верной. Мы не евреи, не татары, не литвины и не турки. Доводилось уживаться с ними со всеми. Мы одни чеканили монеты для хана всего Крыма; наших сородичей брал телохранителями великий князь Литвы. Но отстаивать себя всегда выпадало самим.

– Я понял, – кивнул Борис.

– Ты мало что в этом понял, но слушай дальше. Я ушел работать ещё совсем юнцом. Был чересчур худым, но очень настырным. И быстро научился прикрывать глаза своему страху. Потом пришла война, и я решил, что ни к чему от неё прятаться. До деда мне далеко, но своё дело я знал. Бывало, каждую ночь ходил за «языком», жаль, что донести их живыми не всегда удавалось. За одного, которого посчитали особенно ценным, представили к ордену и сразу выдали трофей – его «вальтер». Два раза меня крепко задевало, но вернулся обратно с руками, с ногами и со всем, что нужно мужчине. Как раз тогда решили заново строить город. Вот этот дом уцелел – отделался несколькими шрамами, как и я, – Самуил приподнял руку и провёл пальцами вдоль стены, как бы проверяя. – А мы стали строить назло войне. В это время мне встретилась моя женщина, та самая, в чьи глаза не страшно смотреться до самой старости. И она что-то такое разглядела во мне. Мужчин в поре было тогда немного, но к ней уже сватались: и наши, и русские. Нам тогда казалось, что мы ждали очень долго, а сами обвенчались по старому обычаю уже через месяц.

* В основе реальный исторический факт героической гибели поручика караимского происхождения М. Ф. Тапсашара при обороне Порт-Артура в 1904 году.

** Бойдак (bojdach) – парень (караим.).

Знаешь, – отпив воды из кружки, продолжил Самуил, – я не рвался в начальники, однако меня ценили. Звали в другие города. Я уезжал на месяцы. Возвращался. Бывало, я вдруг дико ревновал её там, в сотнях километров. Я звонил самым близким и доверенным, с каждого требовал присмотреть за ней и сразу сообщить мне, но никто так и не узнал про неё ничего плохого. А к моим приездам у нас рождались дочери. Пять дочерей. По их повадкам я вновь убеждался, что все они – мои. Старшей уже нет. Так бывает редко, но её я любил и баловал больше всех. Мы дали ей нежное имя – произносишь, и будто цветок распускается.

– А как её звали?

– Айтолу. Это значит «полная луна». Она родилась в полнолуние.

– Можно влюбиться в одно только имя.

– В неё было за что влюбиться. Святая правда. И говорю так не потому, что я отец. После неё сильно ждал сына. Достойного правнука моему деду. А вместо него – новая дочь. Я очень переживал. Ждал и молился, подолгу и горячо – и сын очень поздно, но должен был у нас появиться.

Я понял сразу, что в этот благословенный раз будет ОН. Мне казалось, что это видно уже по её животу. Другие сомневались, но у них-то не рождалось столько дочерей. Жена рассказывала счастливым шёпотом, что он бил изнутри нечасто, но сильно и требовательно. По-мужски. Я купил ему колыбель и повесил в отдельной, его комнате. Он точно должен был вырасти красавцем и настоящим батыром.

Только сначала родиться, задышать и заговорить.

Я всё и всюду успевал. Мне казалось, что кто-то скинул с меня лет двадцать и я теперь могу взлететь без крыльев на одной своей будущей радости.

И вот в один из дней на последнем месяце ожидания я вернулся из сада перед самой жарой и заглянул с порога в его комнату. Айтолу стояла там – не знаю, что на неё вдруг нашло, – и качала колыбель со своей старой куклой, и напевала ей. Что-то шептала от себя и снова напевала. Она стояла спиной и меня не видела. А об этом есть дурная примета. Глупое суеверие. По нему вы-

ходит, что младенцу не выжить. Я вспомнил об этом и едва не задохнулся. Язык не слушался, и я ничего не мог ей сказать. Она учуяла взгляд. И мой взгляд был такой, что она – совсем уже не маленькая девочка – прижала к себе ту проклятую куклу, выскочила отсюда и не появлялась в доме до самой ночи.

Роды были долгими. Ребёнок оказался слишком большим. Пять с половиной килограммов, как сказала потом сестра. Нужно было решаться, помочь ему и сделать то, что они называют «кесарево». Но молодой врач так ничего и не сделал. Только успокаивал её и ждал. Рассчитывал, что сойдёт и так. У роженицы ведь были дети, и все как-то выбирались сами.

А потом мой сын задохнулся...

Сказав это, Самуил сам задышал отрывисто, приподнялся было со стула и снова сел.

– В комнату... там, возле головы... справа, белая пачка...

Борис стремительно затопал по кухне и коридору и вернулся с таблетками.

Старик дошёл бы туда и сам, если бы не Тёмный Угол. Хорошо, что есть тот, кто о нём ещё не знает.

* * *

– ...Как похоронил? Его принесли в деревянном гробике. Я сам копал могилу. Единственный раз после войны. Могильщики были не в обиде на меня. Яму длиной в неполный метр рыть дольше и труднее всего. Я закончил поздно вечером. А потом, на что-то надеясь, просидел на кладбище всю ночь и вернулся утром.

Жена быстро встала на ноги, но очень стыдилась себя в следующие дни. А у меня не получалось жить со всем этим. Я продал по хорошей цене вещи, заведомо ненужные моим женщинам: мотоцикл, мотор для лодки, парадные пиджаки. Потом снял все сбережения с «книжки», добавил к ним деньги от этих продаж, завернул в пакет и положил дома, за известным только мне и жене кирпичом.

А на следующий вечер я пошёл к врачу в гости. Принёс с собой жареного барана и лучшего вина.

«Сегодня у нас будет Курбан*, – сказал я, – последний день траура».

У него нашлось что-то вроде большого подноса, и мы сели вместе возле его дома. Врач знал свою вину. Сначала бормотал что-то невнятное, а потом перестал. Сидел, опустив голову.

«Ешь».

Помню, как судорожно он жевал, испуганно выглядывая из-за куска в своей руке. Казалось, от него даже пахло каким-то особым предсмертным потом.

«И пей».

Его глаза выпучились. Было видно, как входит в него каждый глоток, готовый отрыгнуться. Добра от меня он точно не ждал. Но повиновался.

«А теперь будь мужчиной. И помолись, если есть кому молиться».

Доктор ошалело мотнул головой. Как я понял, это значило, что молиться он не станет.

Не торопясь, привычным движением я просунул руку за пазуху. Рукоять была тёплой – согрелась на груди. Этот трофейный ствол смазан как следует и надёжно заряжен. Осечек с ним не бывало – это я помнил и тогда, через четверть века после моих ночных вылазок.

Я смотрел на него в упор, дожидаясь, чтобы поднял взгляд, когда с крыльца сошёл маленький сын доктора. У сына были огромные светлые глаза. Он был совсем крохой и пролепетал мне что-то радостное и доверчивое. Наверно, поздоровался, но разобрать у меня не получилось.

Я вынул руку и поднялся. А доктор всё сидел со своей опущенной головой.

«Береги его, как он сегодня сберёг тебя», – сказал на прощание. И тогда, услышав это, он весь задрожал.

Позже я видел доктора всего раз. На вокзале. Он суетился, подавая чемоданы в вагон. Поезд отходил через несколько минут. Я сделал шаг из-под навеса и остановился на свету, пристально глядя. И люди, даже те, кто очень спешил, молча обходили меня. Тогда я разглядел, что на виске у доктора выступила седина. Он всё копался во внутренних карманах, а потом сразу

полез по ступенькам в вагон. Так и не поднял голову. И глаз не показал. Может даже, я ошибся, и в тот раз это был вовсе не доктор.

А через несколько лет дочери стали разъезжаться. Ещё чуть позже, по выдавав их всех замуж, во сне умерла моя жена. Я был ещё крепок и женился снова, но и она, моя Сима, опередила меня.

– А дочь Айтолу?

– Однажды она попала в крушение на море. Её тела так и не нашли. От неё растут чудесные внуки. Здесь, у меня, редко они бывают, но недавно зять прислал мне их фотографию.

Они вместе помолчали.

– Знаете, – негромко произнёс Борис, – мой отец – врач.

– Надеюсь, он хороший врач?

– Да. У него был мудрый учитель. А вы простили того врача?

– Я же никого не тронул.

– А там, в сердце, где болит?.. Простили?

Самуил задумался, протянул руку и сам разлил им обоим. Поднял стакан и опрокинул залпом.

– Что смотришь, бойдак?

– Никогда не видел живого караима...

– А мёртвого карая?

– Надеюсь, никогда не увижу, – мотнул головой Борис. – Идёте спать?

– Иду. Только соберусь с духом и пойду.

– А что там?

– Знаешь, я стал бояться его – Тёмного Угла. Там, слева от изголовья. Там ничего, совсем ничего. Я раньше не думал, не приглядывался. Но там совсем ничего нет. Ни разу не пробежала по стенке ящерица. Паук не вьёт паутину. Кажется, даже мухи туда не садятся. И я-таки уже очень старый.

Борис проводил его до кровати. Потом взгляделся, пытаясь определить, где этот самый страшный Угол, но так его и не различил. Упал на диван в другой комнате и уже ночью, очнувшись среди короткой кипящей в листе грозы, увидел под потолком в отблеске молнии крюк для колыбели.

И накрылся покрывалом с головой.

Утром Борис проснулся от надсадного кашля из соседней комнаты. Он обулся, накинул рубашку и вошёл.

* Курбан у караимов означает последний, а не первый (как у многих тюркских народов) день траура.

– Мои годы уже не такие лёгкие, – повернул голову Самуил.

– Если надо, я останусь.

– Нет, сынок, тут теперь нужен не ты. Встреть лучше Майю на переправе, она там работает. С виду такая полная, улыбается глазами и волосы тёмные закалывает всегда вот так... – Он с трудом приподнял кисть руки с неуклюжими скрюченными пальцами, чтобы показать. – Это сестра второй моей жены. Сегодня её смена. Она всё устроит, как надо.

– Тогда прощайте, Самуил!

– Иди, огълан*. – И уже в спину Борису доносилось: – Я простил его!

* * *

Шторм почти улёгся. Вдалеке к югу мерещились в дымке контуры исполинского судна. Борису мельком припомнился вчерашний манёвр в порту.

Он вошёл в зал и, ещё не достав паспорт, приметил и узнал её. Обратился:

– Вы Майя.

Она кивнула.

– Мне передали просьбу для вас. Когда освободитесь сегодня, то зайдите... – Он запнулся и махнул рукой назад, в утренний сумрак.

Майя сама назвала улицу и дом.

– Точно. Туда.

– Я обязательно зайду вечером.

Он прошёл досмотр быстро, без лишних вопросов.

С парома смотрел на уходящий крымский берег и думал сразу об отце и об этом неизвестном ему раньше народе; и о странном человеке, который вдруг отчётливо выступил из тумана младенческой памяти; и о таком нескончаемом горестном дне, к исходу которого нельзя не прийти вслед за своей раненой душой в единственном кипящем и выжигающем стремлении, в своём праве и своей ярости; и о том моменте, когда вот так невозможно становится поднять руку и убить.

Огромный очертившийся корабль уже без груза с протяжным гудком уходил от берега в море.

* * *

В это время старик прикрыл глаза. Он давно отвык, что его седая голова может быть такой ясной и лёгкой, только пульс бьёт чаще. Он на быстром и послушном жеребце мчится по степи. Жмурится от солнца, сбавляет шаг. Издалека он видит двух женщин. И сразу понимает, что это жена и старшая дочь с нежным именем. Поворачивает коня к ним. Они узнают его, радостно переглядываются, тянут к нему руки, почти касаются. И вдруг оказываются на кургане в нескольких сотнях метров. Он пришпоривает, яростно колотит пятками в горячие бока и чувствует, что коня под ним уже нет...

...Жгучие капли находят путь сквозь многие морщины. Солнце раскалённым шаром вкатывается в комнату. Так хочется вдохнуть ещё раз, но привычно-густого солоноватого воздуха тоже нет. Самуилу удаётся скосить глаза и поглядеть туда, вбок. Страшный, вечно тёмный Угол переливается сверкающей на досках смолой. Выше, под потолком, тонко колыхнется паутинка.

И застывает в нестерпимом свете.

Александр ЕВСЮКОВ

Александр Владимирович Евсюков – прозаик, критик. Родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Выпускник Литинститута (семинар М. П. Лобанова). Работал археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и т. д. Публикации прозы, стихов и критики в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Роман-газета», «Подъём», «День и ночь», «Октябрь», «Нева», «Балтика-Калининград» и др. Лауреат ряда литературных премий, в том числе российско-итальянской премии «Радуга» (2016), премии «В поисках Правды и Справедливости» (2017), международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2017 и 2019). Рассказы переведены на итальянский, армянский, болгарский и польский языки. Автор книги «Контур легенды» (М.: Русский Гулливер, 2017). Живёт в Москве.

* Огълан – сын, сынок (караим.).

Александр БЕРЕЗОВСКИЙ

Родился в с. Новоспасском Первомайского района Тамбовской области, где живёт и сейчас. Занимается предпринимательской деятельностью и пишет стихи о родном селе и своих земляках, о проблемах, которые его волнуют, и многом другом. Является участником клуба любителей поэзии «Первомайская лира».

СНОВА ОСЕНЬ

Вот опять листопад предвещает покой,
Золотая пора на пороге.
Белый дым над коварно притихшей рекой,
Да печаль на безлюдной дороге.

Льются слёзы с высоких и хмурых небес,
Задремали берёзы и ели.
Я вхожу в заколдованный ведьмами лес,
В позолоту осенней метели.

И бреду сквозь неё, через всё напрямик,
Чтоб во мне пробудил суеверье
В долгом эхе блуждающий осени крик
Заповедной российской деревни.

Чтоб в туманно-серебряной мгле
Постоять, помолчать на опушке.
И с любовью склониться к земле,
О которой писал часто Пушкин.

Снова осень и падает лист,
Золотая пора на пороге.
Воздух свеж и божественно чист,
Да печаль на безлюдной дороге.

В ПАМЯТЬ ДРУГУ ДЕТСТВА

Звезда скатилась с небосклона,
Серебряный роняя след.
Но всё же по земным законам
Её паденье – это свет.

В последние минуты жизни
Разрежет блеском бездну тьмы.
Пусть иногда она капризна,
Но как ей зрители нужны!

То, что короткий путь полёта,
Даст оправдание всему.
Пусть не святой, но звёздный кто-то
Собой раздвинет ночи тьму.

И может быть, оставшись в прошлом,
Сквозь время отблески несёт,
А память делает возможным
Оставить в вечности полёт.

НАША ПОБЕДА

Над Великой страной
Вороньё разлеталось,
Дорогою ценой
Нам Победа досталась!
А в глазах до сих пор
Опалённые лица:
Мир расстрелян в упор!
Как же с этим смириться?
Сталинград был и Брест,
Ад... Вселенское горе...
И без имени крест
На могиле героя.
Память вечная всем,
Той войною распятым,
И сгоревшим в огне –
Без вины виноватым,
Тем, кому не забыть
Вкус блокадного хлеба...
Нас нельзя победить!
Нашей будет Победа.

Анастасия ОТРУБЯННИКОВА

Родилась в п. Первомайский, училась в средней школе, затем в Мичуринском педагогическом институте. Работает сейчас в МБОУ ДО «Дом детского творчества» методистом. Пишет стихи, является членом клуба поэзии «Первомайская лира».

МОЯ МИЛАЯ ТИХАЯ ОСЕНЬ

Моя милая тихая осень,
На многое дашь ты ответ.
Задержиcь дней хотя бы на восемь,
Подари мне кленовый букет.

Обними меня яблочной шалью.
На ушко на скрипке сыграй.
Спустиcь ярко-жёлтой вуалью,
Всю себя без остатка отдай.

Помоги позабыть все обиды
И на новую жизнь дай совет.
Как приятны твои мне флюиды,
Сохрани меня, осень, от бед.

ПРОСТО СЧАСТЛИВА

Просто счастлива, просто рада,
Не могу отвести я взгляда
От воздушных на небе линий –
Самолёт полетел куда-то.

Не хочу, не могу, не буду,
Это время я не забуду,
Где я выросла, кем я стала
И любимую маму Люду.
Всё плохое всегда проходит,

Время вспять стороной уходит.
И о прошлом я не жалею,
Всё хорошее только подходит.

Свою жизнь усложнять не надо,
Уходящему дню я рада,
И, проснувшись однажды утром,
Я пойму: ВСЁ ИДЁТ КАК НАДО.

Антонина СВИРИДОВА

Родилась в 1958 году в одном из сёл Тамбовской области. По окончании Тамбовского педагогического института приехала работать в п. Первомайский. Преподавала физкультуру в средней школе. Сейчас работает в детском саду. Является участником клуба поэзии «Первомайская лира».

ВРЕМЯ

Время летит незаметно.
Время стирает следы.
Вот уж морщинки заметны,
Реже нам дарят цветы.
Детки давно разлетелись.
Свили, как птицы, гнездо.
Меньше минут уделяют
Маме ж, не всё равно.
Молодость – яркая вспышка
Милых ушедших зарниц,
Даже шальная ошибка
В любви не имеет границ.

* * *

Белая черёмуха, что ж ты загрустила?
Шалью белоснежною ветки принакрыла.
Ветер шаловливый треплет и качает,
Поиграть с собою в поле приглашает.
Ветер, ты свободен – ты везде бываешь.
От шальной свободы волны поднимаешь.
Разгулявшись вволю – лес валишь от скуки

И спешишь навстречу, не терпя разлуки.
Я же здесь, на месте, срок свой отбываю,
Лишь в мечтах с тобою далеко летаю.
Как бы я хотела в синеве небесной
Стать крылатой птицей,
птицей в поднебесной.

Юрий САМОХВАЛОВ

Родился в 1949 году в п. Первомайский Тамбовской обл. По профессии – педагог. Много лет работал директором школы, был председателем районного совета депутатов. Он известный поэт в Первомайском районе, является активным участником клуба любителей поэзии «Первомайская лира», который действует на базе Центральной библиотеки п. Первомайский.

*К 40-летней годовщине со дня смерти
В. С. Высоцкого*

Не скончался, а «сгорел»,
Сорок лет тому минуло.
«Под других» жить не хотел –
Его душу не согнули.
Сорок два прожил всего,
Мы же, семьдесят отметив,
Опираясь на него,
В равные к нему не метим.
Он «вороной белой» был,
Не сгибался перед властью.
Вскачь, с надрывом сердца жил
В одно время с нами, к счастью.
Был ли сам счастливым он?
Нам об этом неизвестно.
Творчеством своим на трон

Поднимался смело, честно.
Равнодушным никого
Не оставил своей музой.
С придыханием его
Слушали во всём Союзе.
Был кумиром без прикрас,
Почитаем Партигенсеком.
Актуален и сейчас,
Словно солнце во все веки.
Он как Пушкин в жизни нашей,
Хоть и жил не при царях.
Умер не намного старше,
Не испытывая страх.
Мы же памяти о нём
Будем впредь, как прежде.
С его песнями живём
И на лучшее с надеждой.

ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

Минуло 75 лет,
Как мир узнал о Дне Победы.
Победе этой равных нет
И подвигу отцов и дедов.

Войну словами не опишешь,
О ней в стихах не рассказать.
Нет на земле заслуги выше –
Свою Отчизну отстоять.

И то, что сделали солдаты,
Преодолев и смерть, и страх,
Другие не заменят даты,
Как не стереть слёз на глазах.

Солдат в войне погибло много,
Людских потерь не перечесть.
К победе все вели дороги,
Родных теряли, но не честь.

Пусть молодое поколение
По книжкам знает о войне.
Цена Победы, без сомненья,
В потомках вырастет вдвойне.

Мы перед подвигом Солдата,
Солдата нации любой,

В долгу остались неоплатном,
И в мире платы нет такой.

Добро, как и наоборот,
Творят на свете только люди.
Фашистов-гитлеровцев сброд
Народы проклинять все будут.

О них нам память не нужна,
О жертвах их она священна.
С советской стороны война,
Как и Победа в ней, бесценна.

В войне Великой и Победу,
И мир, и славный юбилей
Добились нам отцы и деды
Для счастья на планете всей.

Проходят годы, но значенье
Победы разума над злом
В веках находит подтвержденье:
Наш воин защитит свой Дом!..

**Роза
СВИРИДОВА**

Родилась в 1945 году в с. Иловай-Рождественское Первомайского района Тамбовской области. Там же окончила школу и выбрала профессию бухгалтера. Много лет работала в Сбербанке п. Перво-

майский. Стихи начала писать ещё в школьные годы, посещает клуб поэзии «Первомайская лира», продолжает заниматься поэтическим творчеством.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Кому задать вопрос, не знаю.
Не покидает мысль опять:
Зачем же всё так происходит?
Родимся мы, чтоб умирать.
Стремимся мы прожить без скуки,

Всё запасаем на года,
Но всё ж приходит день разлуки,
И мы уходим навсегда.
А годы что-то так несутся,
Как будто мчится стрекоза,
И не успеешь оглянуться,
Златая выльется слеза.
Дари любовь и нежность людям
И к ним всегда добрее будь,
Чтобы, покинув мир навеки,
Теплом могли бы помянуть!!

А НАДО БЫ ТОГДА

Уносят навсегда за сизые метели,
Крадут черты родных суровые года...
О, сколько добрых слов сказать мы не успели.
Я их скажу сейчас, а надо бы тогда!

Звенели за окном весенние капли...
Я не сказала «нет» и не сказала «да»,
И песню двух сердец тогда мы не допели,
Я допою сейчас! А надо бы тогда.

Жизнь твёрдою рукой года мои листала.
Друзья моей судьбы уходят в никуда...
Где письма, что я вам когда-то не послала?
Я напишу сейчас! А надо бы тогда.

Торопимся мы жить, и время в спину дышит,
И маме позвонить успеешь не всегда...
О, как хотела б твой тихий голос слышать!
Я поняла сейчас! А надо бы тогда.

Ты можешь опоздать в любви признаться
людям.

Живи же каждый день, как свой последний час.
Не загаси огонь души средь серых буден,
Дари её тепло не завтра, а сейчас.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА В РУССКОМ МУЗЕЕ

В отделе живописи XX века ГРМ хранится 16 картин, портретов, пейзажей, натюрмортов и эскизов работы крупнейшего советского художника, президента Академии художеств СССР А. М. Герасимова. В отделе графики имеется более 10 его акварелей и гуашей, в основном листы из серии, выполненной в Париже в 1934 году. Произведения различных периодов и разных жанров всесторонне представляют творчество мастера, видного педагога и общественного

В Государственном Русском музее – крупнейшей в стране коллекции национального искусства – хранится значительное количество произведений Александра Михайловича Герасимова (1881–1963) различных периодов и разных жанров, всесторонне представляющих его творчество. В отделе живописи XX века находится 16 его картин, портретов, пейзажей, натюрмортов и эскизов больших полотен. Непосредственно от автора в музей поступило четыре картины. Это три работы раннего пери-

ода – «Обоз», «Март», «Большак» (приобретены в 1957 году) – и «Париж ночью» (поступление 1962 года). Кроме того, в отделе графики имеется более десяти акварелей и гуашей. В основном это листы из серии работ, выполненных во время поездки в Париж в 1934 году. Среди них «Площадь Клиши», «Монпарнас», «Въезд в Лувр», «Площадь святого Андрея» и другие.

По свидетельству ученика А. М. Герасимова, Захара Аваковича Хачатряна (1924–2017), который трудился не только в академической

мастерской своего учителя, но и был сотрудником его личной творческой студии в Москве, этот выдающийся живописец работал на натуре очень быстро, уверенно, и в один день из-под его кисти могло выйти до трёх вполне законченных акварельных листов крупного формата.

Самая ранняя работа Герасимова – оригинальная, вытянутая в длину композиция «Обоз порожняком» (1913). На продолговатом фризобразном полотне запечатлён монотонный, нескончаемый поток подвод, возвращающихся в деревню. Художник придал новую жизнь мотиву, ранее нередко встречавшемуся у его предшественников – И. М. Прянишникова, А. Е. Архипова и других живописцев рубежа XIX–XX веков. То было время поисков молодым художником своего места в искусстве, собственного индивидуального языка, увлечения им, недавним учеником прославленных мастеров, профессоров Московского училища живописи, ваяния и зодчества К. А. Коровина и В. А. Серова, импрессионистическим подходом к пейзажу представителей Союза русских художников. Тогда он особенно часто писал то, что хорошо знал и любил, – родную Тамбовщину, её поля, дороги, сцены крестьянской жизни. Важную роль в его интерпретации мотивов русской провинции играли изображения лошадей.

К раннему периоду относится и картина «Тройка» (1914). Она отличается широкой, темпераментной и в то же время исключительно точной манерой письма, вполне соответствовавшей импульсивной натуре автора. Эта работа во многом связана с образами русского фольклора, произведений классической литературы. В то же время она навеяна непосредственными впечатлениями от чернозёмного края, от захватывающей дух быстрой езды в розвальнях по заснеженной сельской дороге, с несущимися наперегонки с лошадьми собаками. Созданная здесь асимметричная фрагментарная композиция передаёт стихию быстрого движения. Кажется, художнику удалось передать даже звуки – недаром более раннее полотно на эту тему из собрания Третьяковской галереи носит название «Лай собак и звон бубенчиков» (1912).

Ещё одна работа того же 1914 года, «Март в Козлове», выполнена на одной из непритязательных, но столь милых художнику живописных улочек родного города, со старыми зданиями жилых домов, покосившимися от времени заборами, столбами ворот, с запряжённой в сани лошадкой... Здесь хорошо передана несколько сонная атмосфера глубинного городка России накануне великих потрясений – начавшейся в том самом году Первой мировой войны и последовавшего вслед за нею революционного переворота, ожесточённой Гражданской войны и выпавших на долю народа невероятных испытаний XX столетия, которое и началось, по выражению Анны Ахматовой, именно с 1914 года...

Об этой грозовой эпохе напоминает и блестящий портрет Е. А. Щаденко, одного из видных военачальников, выдвинувшихся в боях с белогвардейцами, командира Первой Конной армии С. М. Будённого. Он выполнен в 1935 году в качестве подготовительного этюда для большого группового портрета, запечатлевшего руководителей Первой Конной (1936, ГТГ. Гранпри Всемирной выставки в Париже).

Портрет отличается выразительностью, живостью психологической характеристики и виртуозностью исполнения, напоминающего по точности свободного движения кисти произведения Франса Гальса. А. М. Герасимов прекрасно знал классическое наследие европейской живописи прошлых веков. Он имел возможность бывать во многих странах, изучая шедевры крупнейших музеев мира. О плодотворном пребывании художника во Франции свидетельствует необычный по характеру освещения, оживлённый множеством острохарактерных фигур городской пейзаж «Париж ночью» (1934).

К предвоенному периоду жизни страны относится исполненный тонкой поэтичности натюрморт «Полдень. Теплый дождь» (1939). З. А. Хачатрян вспоминает, что был свидетелем того, как уже в 1960 году мастер написал авторское повторение этой столь удавшейся ему лирической картины. Гроздь сирени не уступают здесь изображению цветов у П. П. Кончаловского: кажется, чувствуешь аромат и свежесть

напоённого очистительной дождевой влагой воздуха, льющегося из открытого окна.

Особое место в творчестве Герасимова занимает огромное полотно «Гимн Октябрю», законченное в грозном 1943 году, когда шла напряжённая борьба с фашистскими захватчиками, развернулись грандиозные бои за свободу и независимость Родины. Здесь изображено торжественное заседание московских депутатов трудящихся совместно с представителями столичных партийных и общественных организаций, посвящённое 25-летию Октябрьской революции. В действительности подобного события в Большом театре не было, 6 ноября 1942 года состоялось расширенное заседание Моссовета в Кремле.

Работа над этим монументальным произведением, в котором изображено более двухсот человек – государственных деятелей, военачальников, мастеров культуры – писателей, артистов, композиторов, художников, – заняла всего шесть месяцев. Это уникальное произведение можно рассматривать и как пример исторической картины, поскольку она воплотила дух времени и отмечена чертами большого стиля эпохи. Эскиз к картине, в котором найдено основное композиционное решение, насыщенное сложной драматургией цвета, передающей состояние праздничной атмосферы события, с игрой насыщенных оттенков малинового и пурпурного цветов, золота искусной декоративной резьбы, хранится в собрании мичуринского Музея-усадьбы Герасимова.

В связи с этим представляет интерес неожиданное, на первый взгляд, утверждение Б. Гройса о том, что не только А. А. Дейнека, но и И. И. Бродский и А. М. Герасимов обращались к эстетике плакатов и цветной фотографии. «Удачные картины этих художников можно было увидеть по всей стране, их печатали на бесчисленных плакатах и во множестве книг. Они были популярными "хитами", и было бы неуместно критиковать популярную песню за то, что ее слова не являются высокой поэзией». Массовое распространение становилось ведущим эстетическим качеством, и даже если в системе изобразительного искусства доми-

нировала живопись, она воспроизводилась в количестве, сравнимом с кинематографической продукцией на Западе.

Вскоре после победоносного окончания войны художник исполнил замечательную картину пейзажного жанра «Зеленая рожь» (1946). Она стала итогом большой и продолжительной работы над этой темой. Начатая в ранний период творчества, картина не удовлетворяла взыскательного автора, дважды подвергалась переделкам и была завершена только на третий раз, выразив в образе поспевающего жита чувство освобождения от гнетущей и тревожной обстановки военных лет. Панорамно развёрнутая композиция с высоким небом и необъятное поле выражают торжество возвращения страны к мирной жизни, любовь к родной земле. О требовательности мастера можно судить по тому, что и над другими вещами он порой трудился подолгу, не раз возвращаясь к задуманному сюжету и доводя картину до совершенства. Проведённые в Русском музее химико-технологические исследования показали, что такие работы, как «Большак» (1900-е – 1956) и два варианта картины «Яблони в цвету» (1920-е – 1940-е и 1910-е – 1952) тоже подвергались переработке на протяжении длительного периода времени.

Будучи превосходным мастером пейзажной живописи, Герасимов в течение всей своей творческой жизни увлечённо работал и над портретами, среди которых есть подлинные шедевры. В постоянной экспозиции Русского музея находится написанный в 1939 году портрет известной актрисы театра и кино А. К. Тарасовой. Ей были подвластны и лирические, и драматические, трагедийные роли. Она получила признание широкого зрителя благодаря созданным ею образам в спектакле по пьесе «Без вины виноватые» А. Н. Островского, а также в фильмах «Гроза», «Пётр I». Артистка изображена на отдыхе, сидящей в кресле в свободной непринуждённой позе возле загородного дома, её внимательный, доброжелательный взгляд говорит о способности к контакту с аудиторией, способности к сопереживанию, глубине её творческой натуры.

К обширной герасимовской галерее портретов представителей художественной интел-

лигенции относится выполненный в победном 1945 году строгий портрет оперного певца Н. С. Ханаева, а также чрезвычайно живой и непосредственный портрет скульптора Б. И. Яковлева (1950), запечатлённого в увлечённой беседе с оставшимся «за кадром» собеседником, которым мог быть и сам художник. Акцентированностью жеста и мимики этот портрет перекликается с некоторыми классическими произведениями М. В. Нестерова – портретами физиолога И. П. Павлова, хирурга С. С. Юдина, скульптора В. И. Мухиной.

Достаточно редким примером портрета мемориального характера является созданное в 1948 году изображение безвременно умершего руководителя Ленинградской партийной организации и видного идеолога конца 1940-х годов А. А. Жданова, сыгравшего большую роль в организации беспримерной обороны Ленинграда – единственной европейской столицы, не знавшей поражения и видевшей на своей территории только пленных врагов.

Традиция посмертного натурного портрета идёт в русском искусстве от точного документального изображения Петра Великого на смертном ложе работы Ивана Никитина (1725, ГРМ), художника, которым так гордился царь, намеревавшийся поставить его во главе Академии художеств. Она была продолжена зарисовками почивших А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, императора Александра II, погибшего в результате покушения террористов (этюд К. Е. Маковского 1881 г. из собрания ГРМ), а также выполненными рядом художников в январе 1924 года портретами В. И. Ленина в траурные дни прощания с вождём. Данное изображение крупного партийного руководителя послужило подготовительной работой для картины «И. В. Сталин у гроба А. А. Жданова» из коллекции Третьяковской галереи.

В ряду первоклассных портретов советских партийных, военных и государственных деятелей видное место занимает и портрет К. Е. Ворошилова – одного из организаторов рабоче-крестьянской Красной армии, «первого красного офицера», наркома обороны СССР, маршала, находившегося в дружественных

отношениях с художником, о чём напоминает памятная доска, установленная на здании Музея-усадьбы А. М. Герасимова, гласящая, что в трудную пору войны Ворошилов нашёл время посетить мастера в его родовом гнезде.

Не будет лишним сказать, что Ворошилов с первых лет установления советской власти внимательно следил за работой художников-реалистов, в том числе баталистов М. И. Авилова и М. Б. Грекова, оказывал им всяческую поддержку и способствовал организации и проведению многих масштабных выставок, посвящённых быту и подвигам Красной армии и флота. Лучшие из произведений, составивших богатейшие фонды Центрального музея Вооружённых сил, могут поспорить по своим художественным достоинствам со многими картинами специализированных музеев и галерей изобразительного искусства. Впоследствии, в послевоенные годы, Ворошилов занимал пост председателя бюро по вопросам культуры при Совете министров СССР. Недаром М. Б. Греков называл его «Третьяковым нашего времени», благодаря которому художники не зря прожили трудные годы, сопряжённые со многими лишениями и нехваткой самого необходимого, включая материалы для профессиональной работы. Много общего с портретом К. Е. Ворошилова (1948) из собрания ГРМ можно обнаружить и в последнем прижизненном его изображении, хранящемся в мастерской Музея-усадьбы А. М. Герасимова. Несмотря на несколько официальный характер полотна, в которых маршал изображён в парадном мундире, со множеством орденов, в них чувствуется глубокое уважение, искренняя симпатия и дружеское расположение к видному деятелю Советского государства.

О человечности и проницательности художника, его умении видеть главное в характере, натуре, всей личности портретируемого можно судить по созданному учеником А. М. Герасимова, З. А. Хачатряном, изображению любимого учителя, с которым он находился в близких отношениях, будучи принят в его доме как член семьи. Переданный автором в дар музею-усадьбе художника в Мичуринске,

А. М. Герасимов. Полдень. Теплый дождь. 1939. ГРМ

А. М. Герасимов. Яблоня в цвету. 1910-е – 1952. ГРМ

в силу своей убедительности и достоверности этот портрет является очень ценным приобретением. Он доносит до нас живые черты умного и талантливого человека, много повидавшего и достигшего больших высот в искусстве, но оставшегося простым и доброжелательным, демократичным и естественным в общении с людьми.

Надо сказать, что А. М. Герасимов никогда не отступал от тех взглядов и принципов, которым он был привержен, оставаясь страстным поборником реалистического искусства и его тесной связи с жизнью народа. В художественной жизни рубежа 1920-х – 1930-х годов сложилась чрезвычайно напряжённая и конфликтная ситуация. С одной стороны, не были изжиты рецидивы формалистического направления, хотя даже такие авангардисты, как основоположник супрематизма К. С. Малевич и другие крупные мастера, обратились в то время к языку реалистического искусства; с другой стороны, возобладали рвавшие к абсолютной власти сторонники (или, как их метко называли, «неистовые ревнители») так называемого «пролетарского искусства».

А. М. Герасимов оказался тогда в самом центре идейно-организационной борьбы, имея противников не только среди «леваков» и пролеткультовцев, но даже среди реалистов старшего поколения, например, А. П. Остроумова-Лебедева, связанная с «Миром искусства», во многом эстетски настроенным, позволяла себе снобистско-скептические высказывания по отношению к нему в частной переписке (см. ее автографы в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге).

В то время у много сделавшего для работы провозглашённой М. Горьким на Первом съезде советских писателей концепции социалистического реализма И. М. Гронского, редактора газеты «Известия», работавшего также в «Новом мире», установилась тесная дружба с А. М. Герасимовым, И. И. Бродским, В. Н. Яковлевым и другими художниками-реалистами. «Собирались обычно у меня, иногда у Е. А. Кацмана, В. Н. Перельмана, П. А. Радимова или В. С. Сварога. Эти встречи, как правило, были посвящены обсуждению животрепещущих вопросов развития живописи. Не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь значительного явления в изобразительном искусстве, которое ускользнуло бы от внимания этого дружеского кружка художников. Душой его были Герасимов и Кацман, самые рьяные спорщики и самые непримиримые антиформалисты.

Случалось, что эти дружеские собеседования затягивались до утра. Но никогда и никто не жаловался на потраченное время».

Конец 1920 – начало 1930-х гг. было порой ожесточённой фракционной борьбы крупных, средних и мелких, но не менее амбициозных групп и объединений. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы неразбериха, если бы не произошло чрезвычайное событие, положившее предел гегемонии начётчиков и демагогов, – принятие Постановления ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1932 года о роспуске разрозненных противоборствующих обществ и образовании единых творческих союзов, в том числе и Союза советских художников.

В среде деятелей культуры это постановление, наметившее перспективы развития искусства на основе консолидации творческих сил, взаимобмена и взаимопомощи различных художественных течений, в основном было встречено восторженно, с энтузиазмом, поистине как «светлое Христово воскресение».

Через год, 29 июня 1933 года, Герасимов, Бродский и другие художники сопровождали И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова при посещении ими выставки «15 лет РККА». Высшая похвала, которую давал Сталин, сводилась к словам «живые люди». Именно в этом он видел главное достоинство произведения. Вскоре, 6 июля 1933 года, Герасимов вместе с художниками И. И. Бродским и Е. А. Кацманом был приглашен К. Е. Ворошиловым на приём к И. В. Сталину. Как вспоминал Бродский, вождь «встретил нас очень тепло; мы провели в гостях у него почти весь день. Разговор большей частью был посвящен искусству; говорили о художниках, об Академии, о том, каких профессоров нужно пригласить в Академию, чтобы наладить школу». Говорили о том, что нет хороших красок, рассказывали о бывшем директоре академии Ф. А. Маслове, который развалил всю учебную работу и варварски разрушил академический музей. (Против него было возбуждено уголовное дело.)

Сталин подробно расспрашивал своих гостей о молодых художниках, говорил, что нужно бороться за реальное и понятное искусство.

«Он очень внимательно слушал наши высказывания о том, что нужно сделать для того, чтобы поднять качественный уровень советской живописи». Особенно запомнились присутствующим слова напутствия, обращённые к ним как ведущим художникам-реалистам: «Сколотите группу хороших мастеров и поведите за собой остальную массу. Двигайтесь дальше крепким отрядом, возглавляя весь фронт изобразительного искусства». (В хрущёвские времена, во 2-м издании книги Бродского, данный эпизод был изъят.)

Встреча эта, запечатлённая А. М. Герасимовым в картине 1951 года «Художники на даче у Сталина», имела ощутимые последствия. Наркому Г. К. Орджоникидзе было поручено создание предприятия по производству художественных красок, были приняты кардинальные меры по восстановлению традиционных методов преподавания в высшей школе. Руководством страны Бродскому и Герасимову было оказано высокое доверие: первый вскоре возглавил реорганизованную Академию художеств как высшее учебное заведение, стал её

А. М. Герасимов. Портрет скульптора
Б. И. Яковлева. 1950. ГРМ

директором, а Герасимов стал председателем оргкомитета Союза советских художников и спустя некоторое время занял ответственный пост президента Академии художеств СССР. Оба внесли огромный вклад в становление, укрепление и развитие советской многонациональной художественной школы, воспитали многих талантливых учеников и последователей, способствовали достижению новых рубежей в нашем изобразительном искусстве.

В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в фонде В. И. Цветкова хранятся письма Герасимова, в которых речь идёт о двух молодых людях, испытывавших тягу к искусству. 22 декабря 1933 года Герасимов писал Бродскому: «Дорогой Исаак! Предъявитель сего письма – тот молодой человек, о котором я говорил с тобой. Убежденный реалист. Очень прошу тебя помочь ему устроиться. У него есть хорошая бумага от Мичурина. Будь добр, не откажи мне в этой просьбе. [...] Еще раз прошу тебя помочь Серафиму Татаринкову». 4 марта 1935 года последовала подобная просьба: «Милый мой друг Исаак Израилевич! Будь добр, прими участие в подателе сего письма Николае Давыдове, он из нашего Мичуринска. Сейчас находится в Ленинграде. Его заветная мечта сделаться художником. Отца у него очень давно нет. Есть только мать, без средств и больная. Жму твою руку. А. Герасимов. 1935 4 / III» (ОР РНБ. Ф. № 1165. Ед. хр. 4).

Было бы чрезвычайно интересно проследить судьбы этих молодых людей, узнать об их дальнейшем жизненном пути. Что касается Н. Давыдова, то среди окончивших живописный факультет Академии художеств по мастерской А. А. Осмеркина ещё при жизни Бродского значится Николай Ефимович Давыдов (род. в 1909) с дипломной картиной «Лермонтов читает стихотворение» (1938), однако он поступил в институт ещё в 1930 году, до обращения Герасимова. Сведений о С. Татаринове обнаружить не удалось.

Картины А. М. Герасимова из собрания Русского музея часто участвуют на различных художественных выставках, достойно представляя отечественное изобразительное искусство 1910–1950-х годов, являясь свидетельством вы-

сокого уровня русской живописи предреволюционного и советского периодов. За последние годы зрители могли созерцать великолепные работы выдающегося мастера в таких экспозициях Русского музея, как «Красный цвет в русском искусстве» (1997), «Лошади в русском искусстве» (2001), «Дорога в русском искусстве» (2004), «Крестьянский мир» (2005), «Большая картина» (2006), «Времена года: Пейзаж в русской живописи» (2006), «Вокруг света с мольбертом» (2009), «Праздники по-русски» (2011), «Лица России: Портретная галерея Русского музея» (2012) и многих других, в том числе показанных и за рубежом.

Богатейшее художественное наследие А. М. Герасимова навсегда вошло в сокровищницу отечественного искусства. В ряду выдающихся мастеров русской советской культуры – таких как Б. М. Кустодиев, И. И. Бродский, К. С. Петров-Водкин, А. А. Дейнека, Б. В. Иогансон, А. А. Пластов, Е. Е. Моисеенко – он упоминается во многих трудах общего характера, например в вышедшем под общей редакцией М. П. Мchedlova томе «Российская цивилизация» (М.: Академический проект, 2003), а творчество его внимательно и бережно изучается специалистами, не последнее место среди которых занимают сотрудники Музея-усадьбы А. М. Герасимова в Мичуринске во главе с его директором Т. И. Вороновой. Благодаря её любезному приглашению мне довелось выступить в 2016 году с докладом на конференции, посвящённой 135-летию со дня рождения художника. 21 апреля 2018 года в Лектории Русского музея сделал сообщение о нём, что отражено в буклете, выпущенном к 123-й встрече Клуба любителей искусства.

Сергей ЛЕВАНДОВСКИЙ

Доцент Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при РАХ; действительный член Петровской академии наук и искусств; член Комиссии по критике и искусствознанию СХ РФ; член Международной ассоциации искусствоведов; член Санкт-Петербургского союза художников; член бюро секции критики СПб СХ России; член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

Окончание, начало в № 9 2020 г.

Николай ИВАНОВ

– Спаси-и-ибо, – пропела Наташа и нырнула в цветы по самую макушку.

Будь у девушки косички, Максим, прощаясь, дёрнул бы за них – это тебе не в больнице раскатывать королевой, требуя от всех уступить дорогу. Но зато и она, выглянув лукаво из-за бутонов, в отместку за первую встречу показала язык. Улыбнулись оба тайне, оказавшейся понятной только для них.

– Счастливо оставаться, – махнул рукой девушке и побежал к автобусу. Она что-то крикнула в ответ, он ничего не расслышал за шумом улицы, но деликатно кивнул: всё будет хорошо.

Отец собирал на кухне поминальный стол. Рядом с фотографией усопшего уже стоял и фронтовой портрет бабы Веры – улыбчивой, с санитарной сумкой и орденом Красной Звезды, погонами младшего сержанта.

– Она-то хоть нам... родная? – потерянно поинтересовался у Максима. С внутренним облегчением дождался утвердительного кивка головой. – Рассказывай.

Рассказывать, собственно, было нечего, но и после услышанного отец уставился немигающим взором на портреты:

– А ведь я догадывался. По поведению, упрёкам друг другу... Помянем.

После выпивки Максим протянул отцу портсигар. Тот узнал его, поднял взгляд на сына.

– Просил передать тебе. На память, – легко совралось Максиму.

Отец погладил отполированные бока, раскрыл, понюхал знакомый с детства запах отцовского табака. Или уже не отцовского?.. Тронул жирную точку у криницы на карте.

– Я съезжу туда, – постарался как можно будничнее сообщить Максим.

– Куда ты поедешь?! – усмехнулся отец. – Там война. Мы только сбежали от неё.

«Вот именно, сбежали», – мысленно согласился Максим, но спорить не был приучен.

– Там многие одноклассники, в Донецке. И ничего...

– Плевать на многих. Ты учишься в военном училище. Куда поедешь? Карьеру ломать?

– Зачем ломать? Я в отпуске. Всюду написано, что родом из Донецка...

– Сидишь дома! – Отец сел за стол сам.

Снова вгляделся в портреты, мысленно вопрошая: что же вы наделали, родители? Взял в руки портрет бравого полковника, которого семьдесят лет считал отцом. Ненавидеть его за обман или говорить «спасибо» за то, что не цеплялось по жизни сиротство? Ведь всё, что получил в жизни, – от него! Через подзатыльники, через молчаливый плач матери, но жизнь прожита в достатке. Из Донецка поднялись потому, что он пообещал: в России ему как ветерану дадут квартиру, Максим пойдёт учиться, чтобы не кувыряться оставшуюся жизнь в непонятном статусе ДНР...

Донбасс не был и не стал его родиной, обоживался там после ранения по приказу. Но служил ревностно, получив в награду именное оружие. Но всегда говорил о своей Сибири, вспоминал тайгу, кедр, снег, реки. Каждый раз при воспоминаниях, к старости всё чаще возникавших, словно совершал мысленный ностальгический туризм. Но не более – возвращаться в родные края по каким-то причинам не стал. Вроде воспоминания об отчине были слишком тяжёлые. А затем и вовсе привязался к Донецку могилой жены. При этом получилось, что она оказалась последней похороненной на кладбище «Красная Звезда» перед его закрытием. Даже символично получилось: ветерана войны похоронили – и кладбище закрыли. Вроде конец войне.

А она сразу новая началась в 2014-м. Украины с Донецком. Своих со своими. Война с доставкой на дом...

Но теперь стало понятно, почему баба Вера просила похоронить её ближе к Краснодону, к Северскому Донцу, и почему дед не исполнил просьбу. Не хотел верить, что жизнь прожита зря, что его так и не впустила в своё сердце санинструктор Верочка Верба. Не забыла лейтенанта, не променяла на полковника...

– Я деду слово дал, – может, впервые непреклонно возразил отцу Максим, за время мысленного диалога с портретом утвердившись в своём решении. – Там же... там твой отец. И к бабушке, может быть, доберусь в Донецк.

– Там война! – вновь напомнил отец.

– Но люди ведь живут. Я осторожно.

Собирая рюкзак, остановился около серванта, в котором дед хранил документы. Без труда нашёл в банке из-под леденцов ключ от небольшого сейфа, стоявшего в нём же. Открыл железную дверцу. Наградной пистолет лежал на месте. На вид и не пистолет даже, потому как кто-то из донецких умельцев переделал под дерево ручку, придав ей элегантный изгиб. Магазин с патронами лежал в коробочке рядом, и Максим, немного поколебавшись, забрал оружие вместе с документами на него. Если обнаружат на границе или при какой проверке, то оправдание и алиби стопроцентное: после смерти хозяина, как человек военный, везёт сдавать оружие по месту его выдачи – в донецкий военкомат.

Легко разобрал «Макарова» на все возможные части, распихал в рюкзаке среди походно-поискового снаряжения – сменной одежды, кухонных и туалетных принадлежностей, совочка и кисточек, необходимых при расчистке раскопа. Большую лопату добудет на месте. Самое главное – это найти миноискатель. Хоть плохонький. Интернет выдал, что поисковые отряды в Краснодаре достаточно активно работали до событий 2014 года. Так что утром на электричку – и до Москвы. Там автобусом до Луганска, всего 15 часов пути за тысячу рублей. А уж потом – как получится. В крайнем случае при неудаче можно будет считать поездку за разведку.

Разведка сорвалась полностью, даже не начавшись: утром на кухне собравшийся в дорогу отец нарезал бутерброды. На удивлённый взгляд Максима объяснил:

– Я еду тоже. Это надо делать однажды. Или никогда...

Это было неудобно, обременительно, но – правильно, и Максим принялся помогать собирать туесок с провизией.

Но сюрпризы на этом не кончились. На перроне его окликнула Наташа. В походной джинсовой одежде, с рюкзачком за спиной, она радостно замахала руками – молодцы, не проспали и не потерялись!

– Что, тоже в Москву? – удивился совпадению Максим.

– С вами, в Краснодар, – девушка расплылась в улыбке. – Ты же вчера кивнул, что можно.

Максим закатил глаза. Мало ли мы на что киваем, просто не расслышав вопрос...

– Там война, – словами отца остановил глупышку.

– А вдруг пригожусь. Я же медсестра.

Усмехнулся: у него целый взвод друзей с медицинскими навыками, но никого из них не втягивает в семейное дело. А Наталье пауза только в помощь:

– Я не обременю. Просто в самом деле хочу к «Молодой гвардии». Загорелось.

– Заходим, прощаемся, – поторопили от своих вагонов проводницы, и Наташа первой поднялась по ступенькам.

Отец посмотрел на Максима: ну ты и шустёр! Тот ответил не менее выразительно: понятия не имею, откуда и что.

– Заходите же, а то останетесь, – поторопила с верхней площадки тамбура медсестра, назначив саму себя комендантом поездки. – Давайте помогу.

4.

– Кто видел меня, тот уже мёртв, – казак Василий играл бывалого вояку, презрительно перенёс с угла в угол рта прилипшую к языку сигарету. Выпятил грудь. Висевшей на ней непонятной медали-кресту звякнуть бы о другие награды, но таковых не имелось, и пришлось довольствоваться тем, что подбил пальцами усы, закручивая кончики вверх.

– Я вам не просто мужичок на завалинке, – продолжал казак то ли набивать себе цену, то

ли природно красоваться в присутствии Натальи. – Всю войну отбарабанил то в «Призраке», то в «Пятнашке», то у Гиви, – перечислив наиболее прославленные отряды ополченцев, не забыл снова потрясти крестом. – А родину защитили – теперь можно и самому себе пользу приносить.

Из потерявшей цвет калитки выбежала девчушка с листом бумаги. Увидев гостей, не растерялась, гордо дошла до отца, показала ему рисунок. Тот оглядел нарисованную карандашами девочку.

– А почему у неё глаза красные?

– Болеет, – как неразумному пояснила дочь и показала своё творчество незнакомцам: подтвердите. Наташа захлопала по карманам, отыскала в курточке баранку, протянула малышке. Та, получив согласие отца, схватила её, впилась зубками.

– Васька! – раздался из сарая женский голос. Казак пригнулся, словно от пролетевшей над головой мины. Пригладил чуб, чтоб не выдавал хозяина над забором. Замер в ожидании прицельного огня. – Корова прилипла к потолку от навоза, на одну дойку осталось, а тебя черти носят.

– Так, я ей сейчас мозги вправлю, – шёпотом пообещал гостям сконфуженный Василий. Мозги, скорее всего, готовились вправить ему самому, и Максим торопливо сунул местному поисковику бумажку в сто долларов, лишь бы тот не передумал поработать с миноискателем. Казак при виде денег засиял лицом и уже уверенно указал гостям на окраину села: – Идите по этой дороге, до Мемориала Победы метров семьсот. Я догоню.

Возвращаться под гнев жены на полусогнутых, имея крест на груди, да ещё при посторонних посчитал постыдным. Откашлялся в кулак, набираясь мужества, выпрямился. Прикрываясь дочкой, в свою очередь щитом выставившей листок с больной девочкой, пошёл вдоль иссечённого осколками забора вразвалку. Имеет право. С коровой пусть возится тот, кто не умеет зарабатывать доллары!

– Говорил, надо было поменять на гривны или рубли, дешевле бы обошлось, – шёпотом утрекнул Максима отец.

Отставшая Наталья трогала рваные, покрывшиеся ржавчиной отверстия от осколков в проф-

листе вокруг дома. Неужели она на войне? Как же здесь живут люди?

Её первую и догнал Василий с длинной трубой от миноискателя на одном плече и двумя лопатами – на другом. Шёл гордо, не прячась, скорее всего, откупившись от супруги деньгами, и потому освобождённый от дальнейшей прилюдной критики. Переодетый в камуфляж, подпоясанный ремнём, с офицерской сумкой через плечо – это была его стихия, в которой не требовалось чистить коровник...

– Что, красивая, не побоялась ехать в наши края? Или с таким женихом... – кивнул на идущего впереди Максима. – Прёт как по непаханому.

– Он не жених. Совсем. Я его всего два раза и видела.

По тому, что не покраснела при этом, казак почти поверил в чистосердечность признания. Тем более расправил плечи. Хотелось подбить края усов вверх, да руки были заняты. Благо оглянувшийся Максим подбежал, забрал лопаты – первейший инструмент при раскопках. Тут Василь и подбил наконец усы, словно руки казаку только для этого и предназначались.

– Донец нынче – петуху не напиться, жаркое выдалось лето, – кивнул благодарной слушательнице на блеснувший впереди изгиб реки без единой морщинки. – Говорят, раки появились. Но я что, дурак нырять за ними, как сосед? На всякое дело мозги иметь надо. Даже муравьи тень отбрасывают, а он – ноль, хоть и милиционер. Раков надо ловить в месяцы, где есть буква «р» – март, апрель, сентябрь.

Наташе до тех пор пришлось слушать про рыбалку и соседа, ухитрившегося без участия в боях надеть погоны милиционера и тем обеспечить себе безбедную жизнь, и это в то время, когда он, казак Василий Головня, два года отстаивавший честь и свободу Отечества в окопах, не может найти себе достойную работу, пока не вышли на крутой берег реки.

На плато Николай Иванович первым делом устремился к памятнику в виде развёрнутого красного знамени, надеясь увидеть на нём имена погибших. Максим развернул карту, сверяя нарисованные на ней стрелы красные со стрелами белыми, выложенными из бетона на земле. Три

бетонных штыка, устремлённых в небо, давали небольшую тень, и он замер под средним. Зная – выше человеческого роста. Штыки – выше. А победил немца солдат обыкновенного роста...

– Он здесь, здесь! – вскричал Николай Иванович, вглядываясь в списки, вытащенные Василием из сумки. В ожидании Максима накрыл строчку с инициалами отца, словно удерживая её и не давая исчезнуть, как произошло с этим именем более семидесяти лет назад.

Максим торопливо подошёл. Значит, дед найден и перезахоронен здесь? Ура!

Наташа пробежалась кругом, сорвала какие попались под руку полевые цветочки, положила букетик под знамя.

Казак, поняв, ради какой фамилии приехали из России добрые люди, пояснил:

– Лейтенанта Гречишина мы в списки внесли по просьбе его командира, полковника из Донецка. По проверенным данным, у нас в Суходеле лежат 74 бойца, сейчас числятся 123, но это жители посёлка, не вернувшиеся с войны. А лейтенант ваш... По заверению полковника, он где-то здесь погиб.

Николай Иванович опустил руки. Сколько же раз за последнее время ему приходилось ссутулиться?.. Имени в списке поклониться можно, но ведь это не останки...

– Это как нынче с нашими станицами и хуторами. Имя на карте есть, а перед глазами уже ни одного дома, – продолжал гнуть свой авторитет казак, не замечая напряжения среди приехавших. Умному платят больше, чем дураку.

Максим, сверяя карту с местностью, подошёл к тропинке, поднимающейся от криницы. Отмерил несколько шагов от крайней ступеньки деревянной лесенки. Ни о какой воронке ничего здесь не напоминало, наоборот, рядом с местом, отмеченным носком десантного берца, переpleтая то ли в драке за место под солнцем, то ли в дружеских объятиях, росли два кустарника. Казак настраивал миноискатель по шуму в наушниках, Наташа найденной за памятником тряпичной протирала на высоту своего малого роста флаг. Николай Иванович прижался щекой к одному из вырастающих из земли штыков, глядя вниз и, скорее всего, пытаясь представить, как пре-

одолевал расстояние от реки до этой высоты под огнём врага его отец.

– Давай начнём отсюда, – попросил Василия Максим. Солнце уже отобедало, день не такой и длинный, как кажется из-за лета. Надо поторопливаться.

Поисковик принялся выслушивать землю под трубой миноискателя. Настоящий минёр по тональности звука различит если не год выпуска, то достоинство монеты. А если по правде, то гранату от каски – однозначно. Насколько был профессионален Василий, судить было трудно, но одно то, что именно у него хранился отрядный миноискатель, давало надежду на успех.

– Мелочовка, рассыпь патронов, – прокомментировал своё долгое стояние над одним местом Василий и зашёл на второй круг, увеличивая зону поиска. – Но точно здесь? Мы здесь вроде всё обследовали перед строительством мемориала.

– По карте – где-то здесь, – пожал плечами Максим. Даже если ничего не найдут, поездка не была напрасной.

– Ничего? – подбежав, навалила на больную мозоль Наташа. Сама поняла глупость вопроса, попробовала стать полезной, но главное было – не мешать и не шуметь. Отошла едва не на цыпочках, чтобы тут же подбежать обратно, указывая глазами на дорогу.

Кто-то шёл к мемориалу, и Максим опустил руку в карман ветровки, нащупывая тяжесть пистолета. Гостя первым распознал казак.

– О, лёгок на помине, – пробурчал он, снимая наушники и отключая питание прибора. – Сосед. За толстый конец бревна на субботнике уже не возьмётся, хотя всего лишь лейтенант. Раколовец...

Милиционер был в камуфляже – но у кого сегодня нет этой универсальной формы? Погон на плечах не имелось, но знал за собой право поинтересоваться:

– Кто такие? Что делаем?

– Ничего. Стоим, как телята, обсыхаем... – попробовал пошутить за всех казак, но сосед так глянул, что тот занялся своей трубой, предоставив право гостям самим объясняться с начальством.

Максим вытащил отпускной, представился:

– Курсант Рязанского десантного училища

Максим Бубенец. Ищем место гибели деда. Это отец и... Наташа, медсестра... поискового отряда.

– Про комендантский час знаете?

– Так точно.

– Осторожнее и внимательнее, – дежурно дал наставления лейтенант, изучив документы и карту. Добавил вполголоса, для одного Максима: – Последнее время есть напряжёнка, так что...

– Понял. Спасибо.

– Василь, жена хоть знает, что ты здесь? Или промолчать? – по-соседски подколол лейтенант минёра и, пока тот пытался понять логику вопроса, пошёл в сторону реки, размахивая ведром. Точно глупец, в августе буквы «р» нет. Только вот ведро пустое – плохая примета. Неужели ничего не найдут?

Похоже, в это уверовал и Василий, быстрее обычного начав проходить даже «пикавшие» места. Николай Иванович, поначалу внимательно всматривавшийся в каждое движение минёра, устал от однообразного напряжения и позволил себе отойти к ротонде, элегантно, но непонятно зачем вписанной в мемориал. В красивом месте погиб лейтенант Гречихин, хотя в те стылые февральские дни было, конечно, не до красот. Найдутся или нет останки, показалось вторичным. Может, даже и не стоит тревожить их, пролежавших в земле более семидесяти лет. Хотя по справедливости они должны быть перенесены к тем семидесяти четырём, чьи имена вписаны на обелиске в посёлке и в поминальный список Василия. А так получается, что отец в одиночку охраняет захваченный в феврале 43-го плацдарм для освобождения Украины. И снова символично – от войны до войны.

Невольно подчеркнула это и Наташа, нашедшая в кустах повалившийся щит: «Внимание! Здесь проходит граница Украины и России». Попыталась поправить его, установить ровно, потом дошло: здесь теперь не Украина, а Луганская народная республика. Граница, разделяющая теперь две страны, проходит в другом месте. Там, где по одну сторону взрывают и сносят памятники ветеранам войны, а по другую – ищут их останки.

– Давай я, – видя, что внимание минёра рассеивается, напротился на смену Максим. Сапёрно-инженерное дело, конечно, не главенствующий

предмет в десантном училище, но уж миноискатель от столового черпака он отличит.

Наташа, оставив щит догнивать в прежнем положении, занялась очисткой от напоздающей травы наземных бетонных стрел, поглядывая на замершую фигуру в ротонде: не стало бы плохо от дальней дороги и переживаний Николаю Ивановичу. Василий, уловив в действиях Максима уверенность, размял спину: всё же соскучился он за войну по настоящей работе.

Отдыхал недолго: напарник замер над одним местом, пытаясь распознать фон находящегося в земле металла, и Василий отобрал наушники. Фонило ровно, округло, с усилением при приближении к земле, и он кивнул замершему Максиму: можно копать, в любом случае что-то есть.

Взялись за лопаты. Оба знали: война лежит на глубине 80 сантиметров, и по крайней мере дёрн можно снимать смело, особо не осторожничая. Размахнуться плечом не давали камни, так что раскоп не рыли, а ковыряли, выуживая голыши. Наташа с любопытством посматривала издали, устроившись с Николаем Ивановичем в тени ротонды и не решаясь подойти и спугнуть удачу. Охотка, с которой пустилась в путь, оказалась достаточно обременительной, провести ночь в узком кресле, при остановках автобуса через каждые два часа – это всё равно что отработать сутки...

Сомкнуть веки не дал Николай Иванович. Усмотрев скрупулёзность в работе поисковиков, направился к ним. Подошёл, когда сын очищал кисточкой каску, пробитую осколком в самом центре. И Максим, и Василий были уже в перчатках, профессионально готовясь к соприкосновению с останками, и Николай Иванович затоптался на месте, психологически оттягивая момент, когда поднимется каска и под ней откроется...

Под ней оказался пробитый осколком череп. Каска – она от шальной пули, от мелких, на излёте, осколков, а не от фактически прямого попадания снаряда.

– Есть, есть, – радовался находке Василий, делая раскоп шире, потому что теперь требовалось влезть в него и работать пальчиками да детским совочком. Радость профессионалов порой трудно объяснима со стороны, а вот ни Максим, ни тем более Николай Иванович не могли

определить своего состояния. – Судя по... – казак замаялся, споткнулся на слове «скелет», поправился: – Судя по расположению останков, бойца засыпало взрывом.

Это Максим знал. Значит, это почти стопроцентно лейтенант Гречихин. Его дед. Крикнул Наташе:

– Подай, пожалуйста, рюкзак.

Василий ловко работал пальчиками, по позвонку освобождая тело лейтенанта из земельно-галечного плена, приговаривая:

– Человека тронь не так – помрёт. А с землёй можно делать что угодно, – подразумевал войну. – Всё вытерпит.

Пока не начал выносить кости, выкладывая скелет – всё же да, скелет! – на траве рядом с ямой, Максим достал лейтенантские погоны времён Великой Отечественной, купленные в рязанском военторге. Разглядел, тронул звёздочки, примерился к вырытому окопу и уложил их там, где предположительно были плечи деда. Поднял глаза на отца. Тот беззвучно рыдал, сотрясаясь всем телом. Наташа закусила оба своих кулачка, сама сжавшись до конопушки.

– 75 лет на коленях простоял, – Василий перекрестил сначала раскоп, потом себя. – 75 лет... Но ничего, сейчас уложим. Отдохнёт за все годы.

– Оставьте меня с ним, – вдруг тихо попросил Николай Иванович.

Василий посмотрел на Максима, на часы – торопиться бы надо, работы непочатый край, не будут же они оставлять половину лейтенанта в земле на ночь. «Оставим», – согласился на просьбу отца Максим. Поисковик осторожно перебрал землю под рукой лейтенанта, выудил противотанковую гранату. Опыта поисковой работы хватило, чтобы понять – она не взорвётся, боеприпасы времён войны вообще взрываются большей частью случайно, но и оставлять её в окопе было слишком опасно. Именно из-за случайности взрыва. Да ещё если в окоп хочет войти Николай Иванович...

Вылез наверх, побрызгал остатками воды из бутылки себе на голову. Наташа без слов взяла её, побежала наполнять вниз, к кринице.

– Знаешь, о чём я однажды задумался? – облокотившись о черенок лопаты, обратился к

напарнику Василий. – Бахвальство его улетучилось, никого из себя он не строил – стоял перед погибшим лейтенантом простым поисковиком, донецким мужиком, казаком, без дураков отстоявшим свой дом, родной язык, землю предков, свои памятники и любимое дело от саранчи, вдруг полезшей на его землю из всех возможных плесневых щелей учить жизни. – Скажи, почему немцы не могут похвастаться такими же героическими подвигами, которые совершили наши люди? Почему у них нет Гастелло, Космодемьянских, Матросовых, Павловых? Почему они не царапали штыками, не писали своей кровью «Умираю, но не сдаюсь»? Ни разу за всю войну, ни одного примера! Даже в Берлине! У них не оказалось штучного товара. Масса – да, она была и она ломилась. А вот по именам, по поступкам – нет Германии.

Ответа и не ждал, сам всё понимал. Но от войны прошлой перешёл к нынешней:

– Нет сейчас подобного и на Украине. Не страна, а территория «хатаскрайников» – никому ни до чего нет дела. Дошла до того, что солдат ВСУ не может Родину любить в трезвом виде. Эх! – Воткнул лопату, отошёл к стрелам, смахнул с них травинки, оставшиеся после уборки Натальи. Оттуда ответил на свой же вопрос: – А потому что ещё и мы своим благородством не допускали их до героической гибели. Не зверствовали, не жгли, не пытали...

Он хотел ещё что-то продолжить, но встрепенулся, увидев бегущую снизу Наташу. Она оглядывалась, падала, подхватывалась, пытаясь при этом удержать в руках бутылку. И по тому, что в какой-то момент та выскользнула из рук и покатила по откосу, а девушка не вернулась за ней, стало ясно – она сильно напугана.

– Эй, – негромко окликнул казак напарника, на всякий случай пятась под защиту штыков.

Максим увидел девушку уже с милиционером, который, тоже оглядываясь, с пистолетом в руке прикрывал её. Это могло походить на игру в войнушку, если не знать, на какой территории и в какое время они находились. Торопливо вытащил наградной пистолет деда. Передёрнул затвор, загоня патрон в патронник. Присел за бруствер, насыпанный от окопа деда. Скорее всего, это не-

доразумение, которое сейчас прояснится и заставит всех улыбнуться, но пистолет милиционеру, конечно, показывать не стоит...

Наташа споткнулась в очередной раз, и милиционер, став, как на тренировке, на колено, выстрелил в чашу. В ответ раздалась автоматная очередь, ещё не прицельная, как не был прицельным и выстрел лейтенанта, но стрельба заставила Наташу преодолеть расстояние под руку казака за мгновение. Лейтенанту времени уже не хватало, и он юркнул вправо, под прикрытие кустарников, по тактике оставив Максиму левую сторону, чтобы захватить наступающих в клещи. Но ничего не перепутал любитель раков?

Отец отрешённо сидел на корточках перед останками, и похоже, звуки выстрелов привиделись ему из военного года: он не отреагировал на них, лишь закрыл уши руками, пытаясь прервать видение.

Но ошибки не оказалось: на склон из чащи выскочили с автоматами наперевес трое парней. Веером, словно косами, прошлись очередями по склону, расчищая себе путь к мемориалу.

– Стоять! – от бессилия и отчаяния закричал им Василий. Его с Наташей защищали лишь каменные штыки, да под рукой лежала «эрпэгешка» – ручная противотанковая граната лейтенанта Гречишина. Не брошенная во врага в далёком 43-м, она словно ждала своего часа для нынешней войны, чтобы защитить захваченный плацдарм для освобождения Украины. От украинцев. То, что наступавшие – это ДРГ, диверсионно-разведывательная группа, которые специально создаются для подрыва памятников на территории Донбасса, об этом говорили-предупреждали едва ли не каждый вечер по телевизору в новостях. Но чтобы они покусились на Мемориал Победы, да сегодня...

– Мамочка, мамочка, – шептала Наташа, и казак, схватив гранату, швырнул её в наступающих. Она не могла взорваться – она и не взорвалась, но её кувыркающийся вид заставил диверсантов броситься на землю, и Василь вздёрнул девушку с земли – бегом, за мной!

Да только кто же может встать на ватные ноги! Кто побежит в открытое поле от бетонной защиты?

Бросок гранаты выручил лишь на мгновение. РПГ словно дала понять: помочь могу, но лишь малость, самую чуточку, потому что каждое время должно биться за себя само. Своим оружием.

Не дождавшись взрыва, троица подхватила, перепрыгнула ржавую, пыльную и бесполезную болванку. Им требовалось довершить дело, за которое обещали хорошо заплатить, но которое смазлось из-за любителя раков, заметившего их на берегу и потребовавшего документы. А на войне глупо играть в устав, надо сразу стрелять. Не хотели поднимать шум и они, удавка на шею для случайных свидетелей всегда под рукой, да слишком шустрым оказался проверяющий, не удалось догнать. Теперь прорваться на высоту, заложить взрывчатку под красный бетонный флаг и раствориться в пойме Донца. Были – и нет.

Но на этом их рывке, на прыжке через ржавую болванку раздались два детских, по сравнению с автоматными словно игрушечных, пистолетных выстрела. Одиночный, выверенный и прицельный огонь при атаке всегда считался более весомым аргументом, чем устрашающая автоматная россыпь.

И споткнулись в бегущей тройке практически одновременно крайние справа и слева. Сами бы – ладно, это солдатская доля, но они оголяли центрального с полным рюкзаком взрывчатки за спиной.

Не осознав, откуда и кем вёлся огонь, оставшийся невредимым диверсант изрешетил и изрыл длинными, на полный рожок, очередями всю листву и землю перед собой. Украину разведчик, может, в трезвом виде и впрямь не любил, но Донбасс точно ненавидел в любом состоянии. Не имея времени сменить магазин в автомате, выхватил из подсумка «лимонку». Он уже осознавал, что одному ему плацдарм не взять, без поддержки не пробиться к красному знамени, но он успевал бросить в невидимого врага и ненавистное прошлое гранату, перед выходом на задание любовно расписанную под гжель. Диверсант не выбирал места, куда её швырять, опыт бойца отметил лишь свежий бруствер, что для человека военного означает: это окоп, а значит, враг в нём.

Зато Николай Иванович успел увидеть свою нарядную, ярко-голубую смерть, упавшую между

ним и отцом. Ему, в своё время благодаря областному военному полковнику Бубенцу сумевшему не пойти в армию, сложно было сделать одно из двух отрабатываемых в армии движений – выбросить гранату обратно или попытаться самому вывалиться из раскопа. А завораживающе красивая, весёленькая граната 2018 года рождения не стала ждать. Иссекла, разметала останки только что найденного лейтенанта Гречихина: собственно, за тем её и несли на мемориал – чтобы боялись, дрожали, сдавались. Но и этого оказалось мало гранатной «гжели», ей хотелось развернуться, как и предполагалось конструкторами, своими двумястами осколками во всю ширь, по простору. Но, зажатая маленьким окопом, граната с не меньшим упоением врезалась своими острыми, горячими брызгами и в оказавшегося рядом с молоденьким лейтенантом его состарившегося сына. Портсигар не смог удержать горячечную смесь, осколки легко разметали старую ратушу на крышке и вошли в сердце хозяина. Пули и осколки почему-то всегда застревают в сердце...

Николай Иванович, повторяя отца, по-фронтовому точно так же упал на колени и обнял землю...

5.

Донецкий республиканский военком приехал к Максиму сам, лишь услышав фамилию полковника Бубенца.

– Он для меня как крёстный отец, капитаном брал к себе в военкомат, – пояснил личное внимание и уважение к его памяти. – А отца и лейтенанта Гречихина похороним со всеми почестями около центрального памятника в посёлке. Я договорился.

– Нет. Если можете, помогите похоронить рядом с бабушкой Верой на «Красной Звезде», – решение об этом, принятое Максимом бессонной ночью в доме казака, утром только утвердилось. – Они никогда не были вместе. Никогда. Пусть хоть так.

Военком кивнул: сделаем. Повертел в руках наградной пистолет своего предшественника. Конечно, красиво было бы вернуть его Максиму в память о легендарном донецком военкоме, но слишком ярко и громко засветилось оружие в

сводках происшествий: уничтожение ДРГ противника, спасение объекта республиканского значения...

– Местные власти планируют представить тебя к поощрению.

– Я-то что, лейтенант и Василий главные, – Максим кивнул на соседей, ожидающих окончания разговора на лавочке у общего иссечённого забора. – Только у меня ещё одна просьба, товарищ полковник. Я решил остаться на Донбассе. Готов служить в любом спецподразделении.

– А вот здесь категорически не-е-ет! – улыбнулся полковник. – Заканчивай училище.

– Моя родина – Донбасс!

– Твоя родина – Россия. И Донбасс – это уже тоже Россия. Так что ещё, мне кажется, защищаешься! Да и спутницу надо доставить до дома, – посмотрел на напрягшуюся Наталью, пытающуюся уловить просьбы Максима и понять своё место в столь стремительно развивающихся событиях. Да, она хочет домой, но ещё не побывала в музее «Молодой гвардии». И готова ехать в Донецк, город тысячи роз. Но чтобы потом всё равно домой...

Выглянувшая из калитки дочка Василия оценила количество незнакомцев около дома, посчитала его допустимым и принесла отцу новый рисунок – усатый мужичок на тонких ножках-ниточках, но зато с крестом и звездой на груди. Казак растроганно прижал художницу к себе, показал на остальных – дорисуй и их, они тоже герои.

– Слушай, сосед, ты какие цветы любишь? – отпустив дочь, поинтересовался казак у милиционера.

– А тебе зачем?

– Да вот помрёшь, какие принести на могилу, чтобы тебе в радость?

– Васька! – раздалось из-за забора, и казак привычно уменьшился в размерах. – Зови людей к столу.

– Надо всё по-людски в этой жизни делать, – облегчённо выдохнул тот, вырастая в собственных глазах и подбивая усы. – Ушедших – помянуть, живых – накормить. И всем сказать «спасибо». И никто нас тогда не победит!

БОЧКА

ПЕРВАЯ СКАЗКА

Лошадка от усталости мотала головой. Уж очень большую бочку везла, а дорога в город Сударушкин всё в гору.

Деревянная бочка от старости потеряла цвет, белёсая, будто в паутине.

Перед воротами, на вершине холма, копыта лошади стали промахиваться мимо земли. Сударь, возчик, кинулся на помощь, налёг на бочку плечом:

– Тютелька осталась! Тютелька!

Лошадка захрапела, засемила ногами – одолели.

Под сводами ворот на ровном месте колёса катили сами. За воротами лошадка сдала в сторонку и стала.

Сударь снял заднюю стенку телеги, и все увидели: бочка с краном. Кран – Бог ты мой! – из чистого золота.

Сел Сударь на табуретку, прислонился головой к телеге, но тотчас встал, выпряг лошадку, дал ей овса. И тут к бочке подошёл человек в кожаном фартуке – сапожник.

– Квасок у тебя? Может, пиво?

– А чего желаете? – ответил Сударь, поклонившись.

– Я с устатку водочки бы выпил.

– Извольте!

Струйка из крана пролилась кристальная.

– А стоит-то сколько?! – спохватился сапожник.

– Мой товар – копейка.

Покупатель обрадовался, кинул в железную кружку копейку, стопку принял обеими руками.

Он пьёт, а все ждут. Выпил и молчит.

– Какова? – спросила сапожника сударыня с кошёлкой, а в кошёлке – котятка.

– Не-ба-бакновенная! – молвил изумлённый питок и понёс своё изумление по Сударышкину.

Все вослед ему глядят. Водочка не-ба-бакновенная, а другой стопки не заказал.

Тут солдат-гвардеец, отдал Сударю честь.

– То же самое! Но в кружку, и чтоб с краями.

Получил желаемое, сосредоточился.

– Эх! – хватил единым духом. И вроде бы подросток вершка на два. Памяти всё-таки не потерял.

– Сколько с меня?

– Копейка! – сказал Сударь.

– Милый человек! – сударыня с кошёлкой, а в кошёлке котят, загородила собою бочку. – А ежели романие закажу? Какова будет цена рюмки?

– Копейка.

– А ежели я закажу романие котнарскую? Зеленым-зелёную, коей тешил себя великий господарь Василий Лупу во время оно!

– Извольте, сударыня! Вот вам котнарское.

Взял хрустальный рог, открыл крантик – аромат на всю площадь.

Сударыня пригубила – и в обморок. Спасибо, добрые люди подхватили. Но винцо-то у сударыни не пролилось. В обмороке, а держит рог ровнёхонько.

– Отрава? – спрашивают люди.

– Господь с вами! Воскрешение! – Потягивает глоток за глотком – и молодеет. На глазах, при всём честном народе.

Пришла дородной, ушла в такой красе, в такой поре – только под венец. А вот котят, покуда сударыня молодела, выросли. Кошёлку за красавицей нёс кот, а за котом чередой – пять кошек. Не-ба-бакновенных!

Вдруг – гонец! Увидел бочку:

– Сударь, воды! Сутки в седле!

Сударь кран открыл, наполнил кружку водой.

– Ключевая! – благодарно удивился гонец. – И вкусна, и силы воротились. А ведь до того изнемог, под ноги коня чуть было не свалился.

А Сударю пекарь копейку тычет:

– Пивка! Жар от печи невозможный. Пиво-то есть?

– Как пиву не быть? – обиделся за свою бочку Сударь.

И такая пена увенчала кружку. Картина!

Весь город Сударушкин – вот он. Впереди горожан – учёный человек, сочинитель стихов к праздникам. Дотронулся рукой до бочки, на крантик через очки поглядел.

– Сударь! Не порадуете ли меня... росинкой?

– Было бы желание!

Подставил Сударь под кран серебряную ложечку:

– Кап!

Росинка. А сияния на весь Сударушкин. Обомлел учёный муж. Росинку в губы – и бегом!

– Что с ним? – обеспокоился Сударь.

– Стихи в груди закипели. Побежал записывать.

Возле бочки пошла теснота. Всякий человек своё хочет получить.

Иные подойдут – желаний, как мошкеры в тундре. Глазами умоляют, а сказать нечего – слова разбежались. Этим Сударь молока наливал по полной кринке. Души отбеливал.

Солнце зашло, и вот тебе задача: народу на площади не убыло. Поклонился Сударь Сударушкину, о лошадке своей напомнил.

– Моя труженица весь день везла бочку, пора бы ей в стойло.

– Любой двор выбирай! – сказали жители Сударушкина. – Но деток наших уважь, побалуй питьём. Жаждали своей очереди.

– Будь по-вашему! – согласился Сударь. – До первой звезды потружусь.

Поглядел, где дети, а дивную бочку в кольцо взяли пьянчужки.

– Понимаю, – сказал пьянчужкам Сударь. – У вас горит.

– Горит, – признались горемыки.

Подумал Сударь, подумал и наполнил ведро красненьким.

Пьянчужки воздух в себя потянули:

– Вермут! Из Покрова!

Есть такой городок на старорусской земле. Отраву варил желаннейшую. Во-первых, дешёво. Во-вторых, после третьего булька из

бутылки пьющий ложился на травку (зимой – на снег) – пережить дуром доставшийся хмель.

У Сударя, однако, питьё культурное. Рядом с ведром поставил сноп соломинок:

– Отведывайте, а я детей попотчую.

У всякого пьянчужки жажда выхлебать Охотское море, а тут – соломинка. Помрачнели, но про себя. Разобрали сноп. Потянут питьё – на лицах блаженство. И пошли, пошли – главное, по домам. Напились! И не ведают: напились на всю оставшуюся жизнь. Таков он, Покровский вермут, пролившийся из бочки Сударя.

ВТОРАЯ СКАЗКА

Детей Сударь потчевал Неведомкой.

– Что за питьё такое? – спрашивали ребятишек любопытные.

– Секрет! – отвечали дети.

Секрет – он и есть секрет. А ночью на облаках над городом Сударушкиным было весело от детских голосов.

Чудо и Весна – одной крови. Весна пришла – и каждая пядь земли воскресла и расцвела. А чудо – это сбывшееся то, чего ждать перестали.

К бочке шли и шли. Горожане Сударушкина, люди окрестных земель, из-за горизонта тоже приходили.

Копеечки Сударь на землю кидал в кучку. Светлые денежки сороки повадились воровать. И тогда прилетели галки. Ладные, голоса у всех звонкие. По-людски умели сказать.

Забудется человек, отведавший питья, галки тотчас кричат:

– Сууудаарик – кааапеейку!

Из копеек галки складывали столб. Ловко у них получалось. Копейку на копейку, копейку на копейку!

Подошёл однажды к бочке мальчик. Подаёт денежку.

– Что тебе налить? – спросил Сударь.

– Ничего. Копейка на дороге лежала. У меня – одна, у тебя – много. Возьми.

– Ты чей? – спросил Сударь.

– Мамин, – ответил мальчик. – Мы с мамой ходили на ярмарку книгу купить, чтоб я

вырос умным. А на ярмарке скоморохи. Я загляделся, пошёл за скоморошиком с медведем и потерялся.

Дал Сударь мальчику калач.

– Иди к лошадке, поговори с ней. А копейку отдай галкам.

Галки копеечке обрадовались:

– На самый верх! На самый верх!

Мальчик угостил галок калачом. Такой звон поднялся, такой крик:

– Мы, галки-гадалки, погаддим, погадаем, погадаем, погаддим, счастье выгадаем. У кого терпенье, будет жить на загляденье.

Знать, и впрямь погадали и выгадали. Вечером, когда туман реку закрыл, пришла в Сударышкин усталая женщина.

– Какого питья желаете? – спросил Сударь.

– Мне чем слаще, тем горше. Водицы бы, да копейки нет.

– За вас, сударыня, заплачено. Вон твоя сладость.

Показал на мальчика. Мальчик спал на сене возле лошадки. У матери слёзы бисером, и никакого питья ей не надо.

– Подожди! – удержал женщину Сударь. – Твоему сыну сладкий сон снится. А ты после дальней дороги выпей доброго Семейного взвара.

До краёв наполнил золотой корчик – ковшик на поддоне.

От того Семейного взвара дух родного дома объял город Сударушкин. Солнце ещё не взошло, потянулись к бочке несчастливые в семейной жизни женщины, оставленные жёнами мужья, вдовы, вдовцы, сироты...

За день единый не стало в Сударушкине огорчённого народа. Посветлел Сударушкин, будто над ним просиял нимб небесный.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА

Вот тут-то и подспели к бочке торговый народ, их высочества, их величества. Шустрый человечек предложил Сударю за бочку сто серебряных монет и сверх того – золотую. А за копейку заказал пивную кружку «Скриминг Игл» – «Кричащего Орла». Бутылка этого «Орла» сорок тыщ стоит. Шустрого сменил серьёзный.

Пятеро у серьёзного господина за спиной, по трое с боков, а копеечку секретарь подал.

– Бокал хереса «Массандра» урожая 1775 года.

Было бы желание. Господин губами бокала дотронулся и приказал секретарю:

– Отпиши на имя Сударя четыре дворца на четырёх материках.

И что такое? Вихрь, свист, могучий шум. Пал с неба раджа Диковинной страны. На тройке грифонов прилетел.

– Мой пращур, лёжа на водах Мёртвого моря, бок о бок с царицей Клеопатрой, пил из её рук сокровенное. Что – не знаю. За единый глоток сокровенного подарю тебе и твоей лошадке три царства. Будешь у меня Великим виноградарем.

Сударь крантик открыл, а струйка не падает вниз – завивается, плетение плетёт. И сплелась странная струйка в сосуд с напёрсток. Влага в напёрстке пузырьками постреливает. От брызг синие лучи, как от алмазов чистой воды.

– Ты наливал из этой бочки херес! – застонал, гневаясь, раджа.

– Ваше иноземное величество! Обоняйте! – Сударь водрузил напёрсток с питьём царицы Клеопатры на ладонь раджи.

Над Сударушкиным запахи солнечной магмы и уж такой небыли – народ на ворота уставился, Клеопатру ожидаючи. Но вместо чуда звон! Пожарный обоз. В доспехах пожарника, в медной каске ступил на площадь голова города Сударушкина.

Подавал Сударю кувшин на два лошадиных ведра.

– Наливай!

Бумажку достал.

– Перво-наперво лей «Шато Лафит» 1788 года! Бутылка стоит сто пятьдесят тысяч долларов! Ого! Потом «Шато д`Икем» 1744 года. Цена бутылки 56588 долларов. Тоже ведь ого! «Лемон Роже» урожая 1978 года. Двадцать три тысячи за бутылку... Пропустил! «Шато-Мутон»

1945 года по цене за бутылку 114614 долларов. А дальше шампанского с подводной лодки императора Николая II, утопленной немцами в 1915 году.

Голова читает, а Сударь собирается. Табуретку под облучок, заднюю стенку телеги на место, лошадку в оглобли запряг, возжой шевельнул...

Лошадка пошла. И что ни шаг – меньше. Меньше, меньше. И бочка меньше. И Сударь меньше. И площадь!

Прежняя осталась, как была. А та, по которой катила бочка, сделалась со спичечный коробок.

Над Сударушкиным мрак. Такая туча заходит! И – молния! В столб с копеечками. Ахнул гром, все оглохли. А когда слух воротился, услышали: звенит. Тихонечко. Копейка катится по площади.

Единственная.

Засмотрелись. На копеечку, потом на сороку. Прилетела, копеечку подхватила, унесла...

И глядь – бежит. Поэт. Руку поднял, ногу отставил, глаза – в пространство:

*Неведомо откуда –
Не по молитвам, нет!
Мы получили чудо,
На тайну тайн – ответ.
Нам явлена копейка,
И нуль – душа овала.
Как просто:
– Ну, налей-ка!
И наливал, бывало.
Бывало и не будет,
А звёздочки глядят.
Наш будний век из буден.
И галки нам галдят.*

Непонятно немножко, но стихи всегда непонятные. А бочка – была!

Владислав БАХРЕВСКИЙ

В ПАМЯТЬ О ПЕРВЫХ ЗАЩИТНИКАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

По инициативе казаков хуторского казачьего общества «Мичуринское» 8 сентября 2020 года на Урляповом урочище в Мичуринском районе состоялись установка и освящение поклонного креста.

Место для установки креста выбрано не случайно. Здесь в 1636 году вольными служилыми людьми (стрельцами, казаками, детьми боярскими) вместе с Урляповым валом (длинной 1,3 км, высотой 4,5 м) и двумя дозорными башнями был построен острожек (земляной городок). Крепость входила в пограничную Белгородско-Симбирскую засечную линию Русского государства и служила преградой от набегов калмыков, азовских, ногайских и крымских татар на русские земли. Один из наиболее излюбленных кочевниками шляхов (дорог) как раз проходил через Урляпово урочище.

После продвижения границ Российского государства дальше на юг в XVIII веке Урляпово потеряло своё военно-пограничное значение и превратилось в аграрную территорию.

В память о первых защитниках Русского государства благодарными потомками был поставлен поклонный крест.

Чин освящения воздвигнутого креста совершил епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген.

На торжественном открытии присутствовали глава Мичуринского района Галина Николаевна Шеманаева, атаман Тамбовского Отдельского казачьего общества Владимир Пантелеймонович Векленко, заместитель главы администрации города Мичуринска Сергей Иванович Гридчин, директор Промышленно-технологического колледжа г. Мичуринска Елена Алексеевна Бабайцева, атаман хуторского казачьего общества «Мичуринское» Андрей Олегович Бабайцев с казаками, главный редактор газеты «Мичуринская правда», член Союза писателей России Михаил Петрович Белых, глава Устьинского сельского совета Юрий Николаевич Титов, воспитанники казачьей кадетской школы-интерната имени графа И. И. Воронцова-Дашкова г. Тамбова и другие гости.

САД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Мичуринске 4 сентября прошло выездное заседание Союза писателей, во время которого председатель правления Николай Иванов озвучил, что наукограду присвоено почётное звание «Литературный город России». В честь этого события высадили Сад русской литературы.

Наукоград стал первым городом в России, который получил это почётное звание. Союз писателей присваивает его тем населённым пунктам, где уделяют большое внимание сохранению литературного наследия. Помимо Мичуринска в списке победителей ещё пять малых городов. Это Анапа (Краснодарский край), Ишим (Тюменская область), Тара (Омская область), Таруса (Калужская область) и Трубчевск (Брянская область). Церемонии присвоения звания проведут в каждом из них.

Мичуринск имеет богатое литературное наследие. Здесь живут потомки Пушкина и хранилась часть его архива. В городе ведут активную работу по сохранению и популяризации художественного слова. А литературный музей тесно взаимодействует с региональными писателями и предоставляет им площадку для презентации своих произведений.

Диплом о присвоении почётного звания городу вручил председатель правления Союза писателей России Николай Иванов. Он зачитал

выписку из решения секретариата и передал главе администрации Мичуринска Максиму Харникову сертификат, именной вымпел и флаг организации.

Глава города в ответном слове выразил признательность за высокую оценку литературного потенциала наукограда.

– Среди мичуринских литераторов есть замечательные поэты, прозаики, книги которых стали достоянием русской литературы. Искренне надеюсь, что современные писатели будут продолжать традиции, подтверждая, что Мичуринск достоин носить это высокое звание, – отметил Максим Харников.

В память о присвоении почётного звания у школы № 5 заложили Сад русской литературы. Высадили сорта плодовых деревьев, разработанные в научном центре имени Мичурина и получившие имена в честь известных писателей и поэтов. Достаточно сказать, что каждый сорт в среднем живёт около 300 лет. Значит, память о русских писателях переживёт детей и внуков тех, кто вывел сорт и посадил сад.

Торжественная церемония выездного заседания включила в себя и вручение наград учёным-селекционерам. Членские билеты Союза писателей получили Елена Зайцева и Олисава Тугова.

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextlib.ru